

Краснодарский университет МВД России

А. А. Кашкаров

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ДОЛЖНОСТНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

Краснодар
2015

УДК 343.35:159.9 (477.75)
ББК 67.518.9+88.4 (2 Рос-6 Кры)
К31

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

С. В. Иванцов, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя);

А. В. Васильченко, начальник Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Крым.

Кашкаров А. А.

К31 Социально-психологическое исследование состояния должностной преступности в органах публичной власти в Республике Крым и городе Севастополе / А. А. Кашкаров. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, – 2015. – 154 с.

ISBN 978-5-9266-0926-1

В монографии с использованием психологических методик и социологических методов проведено исследование состояния должностной преступности в органах публичной власти на территории Крымского полуострова, определены детерминанты должностной преступности в органах публичной власти в Крыму.

Для сотрудников ОВД, прокуратуры, Следственного комитета, представителей органов публичной власти, профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 343.35:159.9 (477.75)
ББК 67.518.9+88.4 (2 Рос-6 Кры)

ISBN 978-5-9266-0926-1

© Краснодарский университет
МВД России, 2015
© Кашкаров А. А., 2015

Введение

Проблема коррупционной преступности в органах публичной власти была и остается актуальной проблемой для многих стран. Коррупцию признают как социальную ржавчину любого общества, ставят в прямую зависимость с национальной безопасностью. Коррупционные преступления, являясь одними из наиболее латентных видов преступлений, представляют повышенную общественную опасность, причиняют существенный вред интересам государства и авторитету власти, формированию негативного имиджа должностных лиц органов публичной власти, способствует развитию теневой (легализация средств полученных преступным путем), и как следствие криминальной экономик, финансированию иных видов преступной деятельности, в том числе наркобизнеса, преступлений террористического и экстремистского характера, развитию организованной преступности во всех ее проявлениях. В подтверждении высказанных нами заключений авторы учебника «Криминология» под редакцией профессора А.И. Долговой указывают «коррупция для организованных преступников – это средство обеспечения не только корыстного, но и политического интереса, поскольку у них отмечается двойная мотивация: обеспечить сверхдоходы и власть ради их сохранения и приумножения»¹. С.А. Буткевич также отмечает, что коррупция является неотъемлемой частью экономической преступности, многоструктурным и многомасштабным явлением сложного финансового, законодательного и политического характера².

Актуальность работы, во многом на наш взгляд, обусловлена транзитивностью крымского общества, а также тем, что исследование иллюстрирует реальную картину в сфере коррупции на момент вступления Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации.

Монографическое исследование представляет собой комплексное социально-психологическое исследование коррупции в

¹ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 806.

² Буткевич С.А. Відмивання грошей і корупція: актуальні проблеми протидії та шляхи їх вирішення / С.А. Буткевич // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). № 2 (28), 2012. С. 88–97.

органах публичной власти на территории Крымского полуострова, которое проводилось в период с января по май 2014 года. Исследование проводилось методом анкетного опроса, с использованием серийного метода отбора респондентов с учетом их места службы (сотрудники правоохранительных органов), работы (работники и служащие публичных органов власти) и категория осужденных и задержанных лиц (лица осужденные за совершение коррупционных преступлений, а также содержащиеся в изоляторах временного содержания и следственном изоляторе).

Возрастной ценз респондентов от 18 лет. Всего было опрошено свыше 1 800 респондентов во всех трех группах. Анкетирование проводилось анонимно.

Также в ходе проведения исследования был проведен факторный анализ полученных в следствии проведенного анкетирования результатов по методике Р.Б. Кэттела испытуемых – осужденных бывших работников и служащих органов публичной власти за совершенные коррупционные преступления. Этаже группа респондентов участвовала при проведении исследования с применением психодиагностической методики на исследование акцентуаций характера. Авторами – разработчиками теста являются К. Леонгард и Д. Шмишек.

Возрастная выборка – от 18 лет, проанкетировано 100 осужденных лиц.

В ходе исследования рассмотрены социально-психологические факторы преступности в современном обществе; определена степень централизации коррупционных отношений в крымском социуме и органах публичной власти; проанализированы виды преступлений наиболее часто совершаемых должностными лицами Крыма; выявлены причины совершения указанной категории преступлений; определены декларируемые стержневые ценности органов публичной власти; систематизированы личностные качества, присущие должностным лицам органов публичной власти; проанализированы виды ответственности за совершение должностных преступлений / правонарушений должностными лицами органов публичной власти; изучены желаемые меры реформирования государственной службы, которые могут способствовать предотвращению преступности в указанной сфере.

Результаты исследования могут быть использованы в работе МВД по Республике Крым, органах публичной власти, в научных работах, при проведении диссертационных исследований на соискание степени кандидата / доктора наук, реализованы в научных статьях, монографиях, методических рекомендациях, других научных трудах, положены в основу аналитических обзоров в сфере противодействия коррупции в органах публичной власти в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Также результаты монографического исследования могут быть внедрены в учебный процесс при изложении дисциплин уголовно-правового цикла, таких как «Уголовное право»; «Криминология»; «Предупреждение и профилактика коррупционных преступлений»; «Криминалистика»; «Правовая статистика»; «Оперативно-розыскная деятельность».

Глава 1. Историческая и социально-политическая характеристика преступности в органах публичной власти

1.1. Исторические предпосылки и социально-психологические факторы преступности в органах публичной власти как общественно-опасного и противоправного явления

«Идентификация с властью, фирмой, государством, нацией и т. д., которую можно выразить формулой: «Я – государство, власть, фирма, нация», конституирует психическую реальность и служит замечательным примером превращения идеологии в материальную силу. Вначале в сознании служащего или чиновника зарождается лишь смутная мысль о том, что хорошо быть таким, как начальник, однако под давлением материальной зависимости его личность полностью изменяется в соответствии с требованиями правящего класса».

В. Райх «Психология масс и фашизм»¹

Фраза «коррупция непобедима» (мафия бессмертна) с конца 80-х годов прошлого века и по сей день звучит в эфирах различных СМИ: в теле- и радиопередачах, художественных фильмах и документальных репортажах. Став «крылатым выражением» в распадающемся СССР конца 20-го столетия, уже в начале 21-го этот общеизвестный афоризм, отражая реальную картину преступлений в органах публичной власти, стал не только общественно опасным явлением, но и своеобразным «теневым» символом многих независимых молодых государств, к сожалению, как отмечают многие современные историки криминологии, социальные психологи и политологи, к числу таковых принадлежит

¹ Райх В. «Психология масс и фашизм». С. 27. [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/POLITOLOG/RAJH_W/raihdd.txt.

и Крым¹. Выделим и еще раз подчеркнем, практический аспект данной тематики – негативное общественно-психологическое влияние, формирующее отрицательную психологическую установку у большинства граждан. Достаточно вспомнить отношение к сотрудникам МВД Украины и СБ Украины, ВС Украины и во время известных событий в 2005 и 2013-14 гг. в Киеве на «Майдане».

Таким образом очевидно, что «Коррупция определяется как общественное зло, которое составляет серьезнейшую политическую проблему и является основной угрозой социально-экономическому и демократическому развитию общества, конституционным основам государственного строя Украины и национальной безопасности»².

Преступления, имеющие место в органах публичной власти, традиционно продолжают вызывать у большинства граждан, помимо искреннего интереса, еще и, нескрываемый пессимизм в отношении декларируемых государством мер по борьбе с ней.

¹ Гадойбоев С.А. Поняття та причини корупції серед особового складу органів внутрішніх справ України. 2005. №5. С. 22–36; Данчук М.Д., Шимко В.А. Щодо питання про індивідуально-психологічні особливості правоохоронців-корупціонерів // Збірник тез міжнар. наук.-практ. конферен.: 22–23 березня 2007 року. Л., В-о ПП „Аврал”, 2007. С. 75–78; Данчук М.Д. Соціально-психологічні причини виникнення корупційного деликта // Проблеми общей и педагогической психологии: Зб. наук. праць / АПН України, Ін-т ім. Г.С. Костюка; за ред. С.Д. Максименка. К., 2004. Т. 7. Вип 4. С. 84–93; Доля Л.М. Боротьба з корупцією – першочергове завдання на шляху реалізації європейського вибору України // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). К.: 2005. № 8. С. 32–38; Долгова А.И. Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней / А.И. Долгова // Коррупция и борьба с ней / под ред. В.В. Астанина. Москва, Российская криминологическая ассоциация, 2000. 320 с.; Зелінський А.Ф., Коржанський М.Й. Корислива злочинна діяльність. К.: Генеза, 1998. 144 с.; Камлик М.І., Невмержицький Є.В. Корупція в Україні. К.: Знання, 1998. 186 с.; Корнієнко М.В. Організована злочинність в Україні: сучасний стан, криминологічна характеристика, заходи протидії. К., 2004. 304 с.; Мельник М.І. Корупція – корозія влади (соціальна сутність, тенденції та наслідки, заходи протидії). [Монографія] / М.І. Мельник. К.: Юридична думка, 2004. 400 с.; Невмержицький Є.В. Корупція як соціально – політичне явище: особливості проявів і механізми подолання в сучасній Україні: Дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / НАН України; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького. К., 1999. 179 с.; Різак І.М., Бисага Ю.М., Палінчак М.М., Чегерський В.І., Белов Д.М. Корупція як негативне соціальне явище і шляхи її подолання в Україні та міжнародний досвід. Ужгород: Ліра, 2004. 64 с.; Сервецький І.В. Науково-теоретичні проблеми боротьби з організованою злочинністю і корупцією в Україні // Боротьба з організованою злочинністю та корупцією: Мат. наук.-практ. конф. 4-5 квітня 2000 р. в м. Києві. К. РВВ МВС України, 2001. С. 79–94; Сташис В. Проблеми боротьби з організованою злочинністю і корупцією в Україні // Вісник Академії правових наук України. Х., 2001. Вип.2. С. 163–168.

² Кашкаров О.О. Кримінально-правова характеристика антикорупційних новел національного законодавства / О.О. Кашкаров // Форум права. 2013. № 1. С. 391–396. [Електронний ресурс]. – URL: <http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2013-1/13koonnz.pdf>.

Социально-психологические последствия, этих малоэффективных попыток борьбы приводят к негативному резонансу в обществе и отрицательному психологическому последствию в форме негативной критики со стороны СМИ. Адресаты последней, помимо упомянутых выше силовиков, прежде всего представители, так называемого «чиновничьего аппарата».

Нарастающий в Крыму в период вхождения в состав Украины общий социально-психологический негативизм, как закономерная реакция, в отношении результатов решения указанной проблемы, по нашему мнению, показатель ярко-выраженной актуальности данной проблемы. Социально-психологические факторы коррупции коренятся, прежде всего, в имеющейся в нашей стране весьма давней (со времен Древней Руси) государственной криминальной традиции¹. История становления и развития правового самосознания и, в частности коллективного самосознания представителей славянского менталитета, насквозь пронизана, метафорически выражаясь, пропитана архетипом личности чиновника-преступника: взяточника (лихоимца и мздоимца), клеветника, расхитителя госимущества или растратчика государственных денег, и т. д. Аналогичная ситуация складывается в сфере преступлений совершаемых представителями органов публичной власти.

На последнее очень точно, психологически глубоко и критически объективно указывали еще писатели-классики, причем как в Украинской и Русской, так и в недавнем прошлом находившейся, под идеологическим запретом, психологичной советской художественной литературе. В свою очередь из уже современной научной психологической периодики известно, что именно классическая художественная литература, национальные эпосы, народные сказки, мифы наиболее достоверно и, психологически тонко, отображают социально-психологические особенности

¹ Берегиня: Історія, звичаї, традиції українського народу. К., 1993–1994. 143 с.; Данчук М.Д. Социально-психологические причины возникновения коррупционного деликта // Проблемы общей и педагогической психологии: Зб. наук. праць / АПН України, Ін-т ім. Г.С. Костюка; За ред. С.Д. Максименка. К., 2004. Т. 7. Вип 4. С.84–93; Йосифович Д.І. Історичні аспекти боротьби з корупцією (на прикладі Конституції Гетьмана Пилипа Орлика 1710 р.) / Д.І. Йосифович // Науковий вісник НАВС України. № 3. 2004. С. 286–291; Камлик М.І., Невмержицький Є.В. Корупція в Україні. К.: Знання, 1998. 186 с.

функционирования преступности в чиновническом аппарате¹. Произведения искусства в первую очередь дают наиболее яркую проекцию глубинного изображения различных факторов и закономерностей порождения и развития психологии коррупционерства. Последнее отличается как особое, автономное социально-психологическое явление. Именно в психологических этюдах и сюжетных линиях произведений Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И. Ильифа и В. Петрова, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, В. Набокова и С. Довлатова описаны посредством художественного психологического дискурса национально-исторические, культурные и, в конечном счете, глубинно-психологические механизмы чиновнической преступной власти. Обобщая последние, приходится констатировать, что современной, специфической для восточнославянского этноса архетипической формой, проявления коллективного бессознательного является готовность к подчинению авторитету. Исчезновение, по известным социально-политическим причинам (февральский переворот 1917 года), в начале прошлого столетия падение авторитета религии (православия) привело к появлению не только «новых богов» и идолов: тоталитаризма, социализма, но и породил у законопослушных граждан специфическую психологически адаптивную реакцию. Она привела к искажению, вплоть до полной противоположности истинное смысловое и ценностное предназначение государственной власти – служение Богу и посредством соблюдение его заповедей – ближнему, т. е., человеку, народу (как и декларируется в Конституции Украины). Таким образом, место духовного непрекаемого авторитета было подменено абстрактным обезличенным государством (страна советов), идеологической системой. Последняя, в лице своих руководителей (государственных чиновников) самовольно отказавшись (отрекшись) от духовной (высшей поддержки) незамедлительно деградировала. Тем самым в соответствии с распространенной народной поговоркой «Рыба гниет с головы» власть вначале скрытно, а затем все более легитимно стала двигаться в сторону совершения различного рода преступлений. Так, например, можно вспомнить денежную реформу конца 90-х годов 20-го столетия являлась, на самом деле, крупной экономической аферой государственных чиновников

¹ Етнографія України: навчальний посібник. Львів: Світ, 1994. 520 с.; Мировоззрение древних славян. К.: Наук. Думка, 1985. 167 с.; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1998. 784с.

государственного банка СССР. Подобные явления привели к тому, что «Преступления, совершаемые чиновниками, вызывают большой общественный и политический резонанс, будь-то должностные (коррупционные) преступления, связанные с превышением либо злоупотреблением властью, либо должностными полномочиями, либо нарушения правил дорожного движения с тяжкими последствиями. Любое преступление совершаемое чиновником причиняет вред имиджу государства, его авторитету, а следовательно аппарат государственного управления теряет доверие граждан, что негативно отражается на всех институтах общества, всех социальных процессах существующих в обществе»¹.

В то же время практически во всех учебниках, хрестоматиях, учебных пособиях по юридической (также и криминальной и судебной) психологии и других различных информационных источниках проблема коррупции, с одной стороны, наиболее интересна, поскольку неисчерпаема в своих социально-психологических, правовых, политических и прочих междисциплинарных аспектах. С другой, как подтверждают еще недавно скрываемые по «классовым соображениям» социально-психологические экскурсы в историю криминологии², она еще не имеет должного юридического решения. Отсутствует и необходимый для страны полифункциональный «психологически оздоравливающий» эффект, итог – формирование у граждан необходимых элементов правового самосознания.

Необходимо согласится, в силу прозрачной очевидности данной тематики, что довольно распространенное мнение, относительно невозможности оперативного и одновременно корректного правового решения этой проблемы разделяют как историки криминологии, так и социальные и юридические психологи. По-

¹ Кашкаров А.А. Классификация преступлений, совершаемых государственными служащими и должностными лицами органов местного самоуправления (по материалам Автономной Республики Крым) / А.А. Кашкаров / Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1 (14). С. 84–88.

² Йосифович Д.І. Историчні аспекти боротьби з корупцією (на прикладі Конституції Гетьмана Пилипа Орлика 1710 р.) / Д.І. Йосифович // Науковий вісник НАВС України. № 3. 2004. С. 286–291; Мельник М.І. Корупція – корозія влади (соціальна сутність, тенденції та наслідки, заходи протидії). [Монографія] / М.І. Мельник. К.: Юридична думка, 2004. 400 с.; Мілер В., Гределанд О., Кошечкіна Т. Звичаєва корупція? Громадяни та уряди у посткомуністичній Європі / [Пер. з англійської]. К.: «К.І.С.», 2004. 328 с.; Мельник М.І. Кримінологічні та кримінально-правові аспекти протидії корупції: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Національна академія внутрішніх справ України. К., 2002. 506 с.

следнее, представляется затруднительным по причине множественных глубинно-психологических, ментальных и экономико-правовых и, даже социально-философских ее детерминант.

Выделяя в исследуемой проблематике в качестве эмпирически нижележащего, базового, уровня именно психологическую подоплеку, обобщим мнение известных специалистов¹ в области юридической и криминальной психологии, о том, что имеющаяся и хронически нарастающая статистика совершения должностных преступлений субъектами органов публичной власти, предстает в качестве сложной полиструктурной системы. Результаты анализа литературы подчеркивают, что психологический, философский, и даже, по мнению некоторых современных авторов вновь «официально реанимированный» в 21-м столетии духовный ее аспекты неизменно остаются основными. Как отмечает Л.В. Кондратюк «...с учетом остроты проблемы преступности оказалось невозможным игнорировать достижения современной антропологии и психологии, установивших, что привычный материальный субстрат – не единственный носитель и способ кодирования информации...»².

Переходя непосредственно к обозначению методологических основ исследуемой нами специфики факторов детерминации основных преступлений в органах публичной власти, будем опираться в качестве *фундаментального теоретического принципа анализа* на классическую трактовку основания любого деструктивного (преступного) поведения. Он заключается в том, что «Существует тройной механизм социальной детерминации преступности: во-первых, путем определенного социального формирования личности; во-вторых, путем дачи ей предписаний противоправного либо противоречивого характера; в-третьих, путем постановки личности в ситуации, вынуждающие и облегчающие выбор преступного поведения»³. Как видим из цитируемого

¹ Александровская С.В. Марк Туллий Цицерон: Концепция борьбы с коррупцией // Юристы-Правоведы, 2003. № 2 (7). С.60–65; Герасина Л.Н. Коррупция как аномальное социальное явление: в парадигме современной социологии права, политологии и глобалистике // Зб. наук. пр. Харківського центру по вивченню організованої злочинності. Випуск дев'ятий. Х., 2004. С. 5–44.

² Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминалогия). НОРМА. Москва, 2001. С. 4.

³ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминалогия). НОРМА. Москва, 2001. С. 53.

предложения, во всех трех указанных механизмах доминирующая роль принадлежит именно психологическому аспекту. Он, очевидно, является ведущим и на всех уровнях детерминации преступлений, совершаемых в сфере публичной власти. Осуществляя дифференциальный анализ этих уровней, отметим, что на первом, мы преимущественно имеем дело с *социальными, возрастными и социально-психологическими* аспектами субъекта (ов) преступного делинквента. Во-втором – с элементами психологии *влияния, манипуляции и воздействия* (психологического *давления* со стороны инициатора преступления). В – третьем же, на «авансцене» противоправного, общественно опасного деяния в скрытом (имплицитном, латентном виде) представлены психология *конформности, подчинения и согласия* (как правило, соучастников преступления).

Таким образом, в качестве *теоретико-методологической основы* анализа феноменологии преступлений совершаемых в органах публичной власти предстают три единых взаимосвязанных системных фактора его развития и становления.

Первый: *общественный* – сам собственно феномен государственной власти, как сложный конгломерат различных параметров, имеющих непосредственное психологическое влияние на появление данной проблемы. Вот так это описывал известный психолог и философ К.Г. Юнг «Моральная ответственность индивида замещается государственным интересом, на место моральных и духовных особенностей индивидов становятся общественное благосостояние и повышение жизненного уровня. Цель и смысл жизни каждого (а только она является подлинной жизнью) заключается уже не в индивидуальном развитии, а в государственном интересе, который извне чеканит человека, подчиняет его абстрактным понятиям, вбирающим в себя вообще всю жизнь. Индивид все меньше способен принимать моральное решение...», и далее – «всемогущественная государственная доктрина, в свою очередь, направляется всевластными высшими правительственными чинами; это они говорят от имени государственного интереса. Тот, кто путем выборов или с помощью произвола взбирается на эти места, уже не знает над собой никакого принуждения, ведь он теперь стал государственным интересом и действует по личному усмотрению. Вместе с Людовиком 14-м он

может сказать: «Государство – это я»¹. Так в специально приведенной нами столь обширной цитате мы видим разворачивающийся механизм зарождения и распространения своевластия, *глубинного психологического фундамента для появления преступного поведения должностных лиц органов публичной власти*. Так постепенно даже психологическое (внутреннее) присвоение себе индивидом чего-либо ему несвойственного, приводит к опаснейшей в психологическом плане идентификации. Отождествление индивида с несоизмеримо большим, чем он сам является – со страной, нацией, группой, отделом, и т. д. приводит к психологии правового нигилизма, и в итоге, к тому, что «Государство превращается чуть ли не в живую личность, от которой все чего то ждут. В действительности государство представляет собой лишь камуфляж для тех индивидов, которые неплохо знают, как можно с его помощью тайком манипулировать другими. Изначальная конвенция правового государства неожиданно оборачивается примитивной социальной формой, а именно коммунизмом первобытного племени, которое подлежит автократической власти вождя или какой то олигархии» (подчеркнуто мною. – А.К.)².

Преступность должностных лиц органов публичной власти может быть представлена и конкретизируется в «удельном весе» психологических факторов, представленных специфической *историко-психологической традицией, культурно-психологическим менталитетом больших социальных групп*: государства, нации, типичной для конкретного государственного аппарата *социально-психологической атмосферой*.

Второй: *конкретно-социальный* параметр, это элементы *психологии малых социальных групп и коллективов*, трансформировавшихся в процессе противоправных действия в асоциальную группу (например, ОПГ). Этот уровень представлен *психологией отдельных ее субъектов* (элементов данной системы), *специфической их деятельности и поведения*. Последнее неразрывно тесно

¹ Юнг К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмьюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зелинский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995. С. 119.

² Юнг К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмьюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зелинский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995. С. 121.

взаимосвязано с конкретной социальной системой. Это *типичные социально-психологические ситуации*, возникающие в системе и, в конечном итоге, ее характеризующие.

Как известно «Каждая из сфер государственного управления имеет свои нормативно-правовые акты, которые регламентируют их деятельность, имеют свои структуры, механизмы, полномочия, специфические задачи и функции, что соответственно обуславливают разные методы, формы и способы совершения преступлений в той либо иной сфере»¹. Например, вырабатываемые системой определенных министерств и ведомств и поддерживаемые ее сотрудниками нормы и стереотипы принятия решения по важным внутрисистемным и межсистемным (межведомственным, смежно-ведомственным) проблемам. Это также, могут быть *стереотипы формальных и неформальных образцов и эталонов поведения и образа жизни и деятельности* например *сотрудников* правоохранительных органов (например прокуратуры, следственных отделов, ГАИ, и т. д.) по своему психологическому содержанию и направленности подготавливающие почву для появления противоправного поведения, а также содержащие элементы таковых в имплицитном, (психологически свернутом) виде. Так, например, это однажды «случайно», неосознанно совершенный единичный случай, постепенно негласно оформившийся в социально-психологическую коллективную установку, а затем, и в традицию дарить дорогие подарки непосредственному начальнику. Примером этому может служить бесплатное обслуживание инспекторов Министерства доходов и сборов в подконтрольных им организациях, участие отечественных звезд эстрады на корпоративах и других мероприятиях у работников Генеральной прокуратуры и т. д. Данный феномен точно подмечен автором одной из современных публикаций, где говорится о том, что «Субъективной предпосылкой существования коррупции во всех государствах есть психологическая допустимость – (склонность) определенной части людей удовлетворения жизненных потребностей в противоправный образ, в том числе путем неправомерного ис-

¹ Кашкаров А.А. Классификация преступлений, совершаемых государственными служащими и должностными лицами органов местного самоуправления (по материалам Автономной Республики Крым) / Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1 (14). С. 84–88.

пользования власти или служебных полномочий. Причем такая допустимость может иметь различные степени выражения»¹.

Третий, *индивидуальный* параметр детерминации совершения преступления в органах публичной власти, т. е. собственно психология личностных особенностей, прежде всего, заключается в том, что «Человек может думать, что его целью (или мотивом) служит наслаждение жизнью или исполнение долга по отношению к семье, в то время, как его реальной, хотя и неосознаваемой, целью является власть, обретаемая благодаря деньгам, или удовольствию, заключенное в их накоплении»².

Развитие указанного процесса происходит в результате медленного, но методичного влияния определенных социально-психологических факторов: семейное и школьное воспитание, правовое образование в учебном заведении (ВУЗе) и т. д.

Вышеперечисленное способствует созданию глобальных феноменов, развивающихся и формирующихся в сознании каждого гражданина под названием государственная власть. *Образ власти* как социально-психологического феномена и психология ее представляющих субъектов - *объект* и соответственно *предмет* социально- и глубинно-психологического анализа данной проблемы. Внутри самого собственно *индивидуального* параметра детерминант имеют безусловное значение, такие как: присущая человеку потребность во власти, сформированные в условиях жесткой социальной и межличностной конкуренции установки на неограниченное потребление всевозможных благ по принципу «после нас хоть потоп», искаженные хроническим политическим и экономическим хаосом «низкопробные» социально-политические ориентиры, сформированные под влиянием массовой культуры, упрощенные, и откровенно ложные представления об образе «власть держащего». В итоге, образ человека представляющего государственную власть (независимо от занимаемого им в государственном аппарате уровня) сформированный в массовом сознании, а значит и в сознании самого собственного субъекта этой власти не только тенденциозно или (и) регрессивно искажается, но и *отчуждается* от истинного своего предназначения, по определению призванного служить стране и народу. Подобное

¹ Заброда Д.Г. Взаємодія суб'єктів боротьби з корупцією (адміністративно-правовий аспект): Дис... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Національна академія внутрішніх справ України. К., 2005. С. 37.

² Фромм. Э. «Человек для самого себя». М. АСТ Москва. 2009. С. 124.

социальное отстранение от подлинных социальных обязанностей и служебного долга завершающееся в итоге в преступлении против государства является результатом предшествующего внутреннего личностного кризиса. Последний, часто протекает незаметно и для самого человека, постепенно втягиваемого в преступный сговор. Однако, существуют определенные социально-психологические факторы и механизмы стимулирующие (подталкивающие) будущего коррупционера к преступному образу жизни. Тенденции отказа от собственной индивидуальности, в пользу безличностного, коллективного (в данном случае речь идет об асоциальной корпорации). «Современное общество, несмотря на все то значение, какое оно придает счастью, индивидуальности и личным интересам, научило человека чувствовать, что не его счастье (или, если воспользоваться теологическим термином, не его спасение) является целью жизни...» - пишет исследователь различных идеологических систем подавления личности государством Э. Фромм, далее прямо указывая, на то, что – «Деньги, престиж и власть стали его (публичного человека, *прим. автора А.К.*) побудительными мотивами и целями. Человек пребывает в иллюзии, что он действует в своих личных интересах, а на самом деле он служит чему угодно, но только не интересам своего реального "я". Все что угодно важно для него, за исключением его жизни и искусства жить. Он существует для чего угодно, только не для самого себя»¹.

¹ Фромм. Э. «Человек для самого себя». М. АСТ Москва, 2009. С. 16.

1.2. Социально-психологическая характеристика преступлений, совершаемых должностными лицами органов публичной власти

Психологически деяние либо бездействие (поступок, преступление) есть единство объективного и субъективного. *В криминологическом, а соответственно – в психологическом,* (курсив наш А.К.) понимании без осознания, желания (мотива), преступного результата, т. е., намерения, не может быть преступления. Эти общепризнанные положения юридической психологии имеют определяющее значение для уголовно-правового вменения в вину. Формирование мотива преступления и определение его цели осуществляется при помощи определенного процесса, алгоритма принятия решения и обеспечивается соответствующими психологическими и социально-психологическими механизмами его совершения. И если первые, т. е., цели, задачи, мотивы, условия, действия и операции зачастую явно выражены в процессе преступной деятельности, то последние, – механизмы, не всегда отчетливо представлены в целостной структуре преступного деяния. В особенности, в структуре сознания его субъекта. Однако и те и другие, в системной общенаучной парадигме, являются структурными элементами деятельности и рассматриваются, в частности, в преступной деятельности. Они относятся, таким образом, к числу дефиниций общепсихологического категориального аппарата, который и будет являться для нас методологическим фундаментом при описании данной проблематики.

Наиболее часто применяемый при описании различных видов деятельности (см. работы К.А. Абульхановой-Славской, Л.А. Анцыферовой., А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, С.Л. Рубинштейна, В.Д. Шадрикова, М.Г. Ярошевского и др.) указанный понятийный аппарат описывает скрытую, имплицитную (существующую в свернутом (скрытом виде) структуру мотивационно-потребностной сферы субъекта преступления, процессов волевой регуляции, участвующих в реализации преступного действия, установок и стереотипов его участника (ов). Все это так или иначе относится к индивидуально-психологическим особенностям лич-

ности. В связи с этим, автор одного из наиболее известных учебников по юридической психологии отмечает: «В системе «человек-право» в первую очередь реализуются личностные аспекты человека как общественного существа, включенного в социальные отношения, как носителя сознания, и в частности правосознания»¹. Уголовно-правовые и юридические процедуры соответственно требуют амплификации (прояснения) и структурирования особенностей личности и жизнедеятельности преступника. Однако следует подчеркнуть, что преступлениям с прямым умыслом, в соответствии с методологическими постулатами криминологии и криминальной психологии в особенности присущи такие критерии как: *мотив, цель, задача, потребность, операция, условия, действия*. Это обусловлено тем, что этот тип преступлений, характеризующийся прямым умыслом, совершаемый представителями органов публичной власти, отличается по объективным критериям наличием достаточно большого количества времени для подготовки к их осуществлению.

Достаточно детально разработанная отечественными авторами системология деятельности представляет, таким образом, эвристический интерес и широкие перспективные возможности и для углубленного изучения процессов принятия решения, и реализации совершения преступлений (вместе с описанием их механизмов) характеризующихся прямым умыслом.

Соответственно процессы мотивации, принятия решения, составление плана преступных действий, постановка задач, осмысление их условий субъектом преступления, и другие социально-психологические особенности, характеризующие, в целом, субъективные параметры преступления, имеют в данном его типе свои специфические отличия. Находясь непосредственно до момента первичного побуждения (возникновения потребности) в совершении, все вышеперечисленные компоненты относятся к так называемой внутренней психической (психологической) реальности субъекта и, существуя в имплицитном виде, предшествуют непосредственному его исполнению. Исключение состав-

¹ Юридическая психология: учебник для вузов / В.Л. Васильев. 5-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004. Питер, 2004. С. 52.

ляют лишь случаи, запланированных подготовительных действий не образующих самостоятельного состава преступления.

Разъясняя сложную специфику взаимосвязи категорий мысли (фактически умысла) и действия, И. Ялом отмечает «Мысль *сама по себе и вне связи с другими явлениями* (курсив И. Ялома, прим. А.К.) не имеет внешних последствий, хотя может быть совершенно необходимой увертюрой к действию: человек может, например, планировать, репетировать действия или набираться решимости для него. Действие выводит человека за его пределы; оно включает в себя взаимодействие с окружающим человека физическим или межличностным миром»¹ и далее продолжает, выделяя, тем самым важнейшую, для нашей проблемы особенность именуемую бездействием «...Действие имеет две стороны: его оборотная сторона – это *отсутствие* (здесь и далее курсив И. Ялома, прим. А.К.) действия: например не действие в привычной манере, не обжорство, не эксплуатирование других, не нечестность могут быть по настоящему важными действиями»².

Таким образом, констатируем, что если феноменология совершения описываемых нами преступлений детерминирована субъективными составляющими, относящимися к внутренней психической реальности, потенциального преступника, как отмечено выше, то ее *de iure* следует отнести к до преступному поведению.

Теоретический анализ литературы по проблеме субъективных составляющих преступления, позволяет утверждать, что науками уголовно-правового цикла этой проблематике пристального внимания не уделялось. Достаточно отметить, что «Природа мотивации, генезис поведения, его смысл и т. д. не могут быть поняты без учета влияния экзистенциального характера человеческого бытия»³.

Как известно, не только в криминологии и среди юристов, но и у представителей отечественной философии и психологии максимальным методологическим «допущением» при анализе

¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбскиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 324-325.

² Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбскиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 325.

³ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). НОРМА. Москва, 2001. С. 57.

психологических составляющих субъекта считалось «проявление внутреннего через внешнее»¹. Однако в контексте изучения проблемы психологии преступлений совершаемых в органах публичной власти (фактически психологии коррупции), необходимо отдать должное этой «единственно правильной» в СССР идеолого-психологической концепции деятельности. Ее разработка в структуре общенаучной системной парадигме² нашла свое методологически адекватное отражение не только в трудах социальных психологов, специалистов по мотивации деятельности и поведения, инженерных, спортивных и военных психологов, но и среди представителей криминологии, правоведов и юридических психологов³.

В вышеуказанных отраслях науки, в рамках методологии деятельностного подхода, помимо основных категорий, имеются также методологические понятия, отражающие процессы имею-

¹ Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.: Изд-во полит. Лит-ры, 1990. 366 с.; Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений. // Криминалистическая характеристика преступлений: Сб. науч. трудов. М., 1984. С. 74–77; Волков Б.С. Мотивы преступлений: Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Волков Б.С. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.; Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М.: Юрид. лит., 1985. 416 с.; Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х томах / Под. ред В.В. Давыдова, А.А. Леонтьева и В.П. Зинченко. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 318 с.; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

² Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.; Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция. Психологический анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 216с.; Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 2-е изд. 160 с.; Современная психология: Справочное руководство. М.: ИНФРА-М, 1999. 688 с.

³ Дубовик О.Л. Роль мотивации в механизме преступного поведения // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 115–132; Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения. Автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. М., 1976. 16 с.; Дубовик О.Л., Кудрявцев В.Н. Решение в преступном поведении: понятие, содержание, общие и специфические признаки // Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. С. 13–21; Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. Учебное пособие. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. 76 с.; 176 с.; Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Х.: Вища школа, 1986. 167 с.; Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М.: Юрид. лит., 1985. 416 с.; Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998.

щие место непосредственно в структуре деятельности субъекта. Это, прежде всего, эмоционально-волевая регуляция деятельности, процессы целеполагания, мотивации и мотивировки, постановки задач, принятия решения, мыслительного анализа, прогнозирования и условий деятельности, формирование образа проблемной ситуации, и т. д. Они были успешно апробированы в соответствующих им отраслях психологической практики.

Таким образом, констатируем, что результаты, полученные специалистами вышеуказанных предметных сфер, и сформулированные на их основе идеи, возможно корректно транспонировать в структуру анализа специфики преступлений совершаемых в органах публичной власти. Это, в сущности, и составит «методологический вектор» нашего исследования.

В связи с фундаментальными, и быстрыми изменениями, происходящим в социально-экономической и соответственно идеологической сфере не только в нашей стране, но и во всем мире, происходят необратимые процессы и в парадигме наук. В частности, более всего это сказывается на «парадигмальных сдвигах» социально-гуманитарных наук. Как известно именно последние описывают, т. е., фактически «обслуживают» человека как такового. Человек криминологический не является здесь исключением.

Не игнорируя фундаментальные результаты советской психологии, укажем, что, ставшие доступными, и все чаще представляемые в современной юридической и криминологической литературе, результаты сходных по тематике исследований зарубежных авторов, также составили теоретико-методологическую основу для анализа субъективных характеристик преступлений, совершаемых представителями органов публичной власти. Отметим, что не только непосредственно психологические постулаты, разработанные иностранными психологами¹, но и доктринальные положения разработанные современными отечественными пред-

¹ Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с. (Проект «Психологическая энциклопедия»); Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. СПб.: Питер, 2004. 496 с.; Сонди Л. Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно – психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / Л. Сонди [пер. с нем В.И. Николаев]. М.: «Когито - Центр», 2005. 557 с.; Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. I. 407 с. Т. II. 392 с.

ставителями наук уголовно-правового цикла¹, опыт психологии субъект² и его индивидуально-психологических, т. е., *субъективных* компонент является в дальнейшем изложении центральной *предметной сферой* нашего исследования.

Считаем необходимым подчеркнуть основной методологический акцент, целенаправленно сделанный нами на описании отдельных, наиболее значимых, с точки зрения профилактики и предотвращения преступлений в органах публичной власти, этапов принятия преступного решения его субъектом. Описание особенностей последнего, вместе с ситуацией преступления и ее социально-психологической спецификой, также входили в основную задачу данного параграфа.

В данной проблеме, наименее изученной, и потому наиболее актуальной предметной сферой, эвристически углубляющей перспективу исследования субъективных признаков совершения преступлений представителями публичной власти, мы считаем, не только индивидуально-психологические особенности личности субъекта, интегрированного в ситуацию преступления. Социально-психологические аспекты таковых, не очень фундаментально и широко, но уже достаточно традиционно представлены, в публикациях по криминальной психологии и криминологии. По нашему мнению, это – яркий признак методологического преодоления современными науками уголовно-правовой направленности, односторонности материалистической диалектики (фактически не науки, а идеологии) и социального редукционизма. Этот факт и отмечают современные авторитетные специалисты.

Таким образом, нравственные и экзистенциально-психологические способы измерения признаков совершения преступлений, имеющих прямой умысел – основная задача нашего изучения. Постановка последней обусловлена тем, что именно

¹ Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996; Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: Сб. науч. трудов. М., 1984. С. 74–77; Тищенко В.В., Болгар О.В. Механизм совершения корыстно-насильственных преступлений // Актуальні проблеми діяльності ОВС по попередженню, розкриттю та розслідуванню злочинів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Частина II. Одеса: НДРВВ ОІВС, 2000. С. 42–48.

² Татенко В.А. Психология в субъектном измерении: Монография. К.: Видавничий центр «Просвіта», 1996. 404 с.

эти составляющие личности, в течение длительного времени были игнорированы, и до сих пор редко принимаются во внимание отечественными учеными, работающими в профессиях человек-человек. Между тем, как отмечает Л.В. Кондратюк «Применительно к рассматриваемой нами проблеме криминальной деструктивности экзистенциальный подход продуктивен в том смысле, что позволяет, не идеализируя человека, выстроить элементы, сигнализирующие о его несовершенстве, в систему характеров человеческой личности и проследить в каждом из нормотипов те структуры страстей, архетипов, установок, которые и составляют психо-духовную цепь, выполняющую этиологическую роль в криминальном деянии»¹.

Экзистенциальные и морально-нравственные аспекты личности и жизнедеятельности субъекта, имеют особую значимость, так как *ценностно-ориентационная сфера выходит на первый план в ситуациях принятия решения, осложненных необходимостью совершения выбора* (курсив наш А.К.), в том числе выбора морально-нравственного. Не в изменчивости условий и фактов возникает для человека проблема экзистенции, но она порождается самой духовной природой человека. Человек способен «не срастаться с ситуацией, он находится над ней и способен проявить свою волю, выдать импульс нового, самостоятельного направления причинности»². Это подтверждается многолетней классической (см. работы философов и психологов Н. Аббаньяно, Л. Бинсвангера, М. Босса, С. Кьеркегора, Г. Марсея, Э. Мунье, Ж.-П. Сартра, Э. Ноймана, Э. Фромма, К.Г. Юнга и др.) и современной (Б.С. Братусь, А.Ф. Бондаренко, Д.А. Леонтьев, А.Ф. Копьев, В.А. Татенко, и др.) традицией экзистенциально-гуманистических и глубинно-психологических направлений в науках о человеке.

Укажем основные методологические уровни, в структуре которых будут рассмотрены субъективные характеристики преступлений с прямым умыслом, совершенные субъектами публичной власти. *Воля, волевая регуляция, мотивационно-потребностная сфера, психологические аспекты установки, а также черты*

¹ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). М. Издательство НОРМА, 2001. С. 72.

² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. С. 56.

(свойства) личности, объединенные в определенные *типы* – это первый интегративный структурный компонент. Особенности *социальной перцепции и социальной стереотипизации, феноменом влияния, манипуляции, давления, конформизма, согласия, психологического заражения, харизмы* – вторая составляющая, обуславливающая вместе с субъектом и *ситуацию преступления*, как субъективно-объективную его характеристику. Последнюю, третью подструктуру составляют социально-психологические характеристики таких феноменов как *выбор, ответственность, свобода, экзистенциальный (морально-нравственный конфликт)* актуализирующихся в структуре сознания субъекта, на ключевых этапах процесса совершения преступного деяния.

Осуществляя, прежде всего анализ проблемы мотивации совершения преступлений с прямым умыслом, подчеркнем наиболее значимые особенности этого базового понятия. Во-первых, умысел (намерение, замысел, преступная идея), их наличие, по определению связывает цель и мотив злодеяния. В преступлениях с прямым умыслом, тем более представителями органов публичной власти, редко преступление / противоправное деяние совершается под влиянием одних лишь потребностей (эмоций, психических состояний, и т. д.). Так как их субъекты, как правило, имеют развитое сознание и другие сформированные психические функции. Осознанная же потребность, согласно классической трактовке отечественных психологов¹ перерастает в мотив (мотив – это предмет потребности). Отсутствие же осознания, например, при включении интенсивной психологической защиты «Я», (процессы вытеснения, и т. д.) – однозначно указывают, по нашему мнению, на несоответствие субъекта (его психологического, культурного, ментального уровня) занимаемой должности в структурах публичной властной.

Таким образом, подход к проблеме требует целостного анализа потребностно-мотивационной сферы личности совершающего преступление. Этому анализу посвящено множество работ

¹ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х томах / Под. ред В.В. Давыдова, А.А. Леонтьева и В.П. Зинченко. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 318 с.; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

целой плеяды отечественных¹ и зарубежных² авторов, занимающихся раскрытием специфики преступной мотивации. Во-вторых, проблема раскрытия мотива усложняется законом двойственной детерминации, т. е., наличием множества как внешних, так и внутренних психофизиологических и экзистенциальных тенденций влияющих на поступки человека. Это переменные, относящиеся к личностным, социальным, ситуативным, и др. детерминантам. В зависимости от конкретной концепции, и смыслового авторского акцента их функций и роли в ее структуре, названия мотивов различны. Перечислим лишь те из них, которые по нашему мнению, пригодны для методологически адекватного прояснения специфики преступной мотивации. Это: «Двигатели преступного поведения» (В.А. Познышев), «влечения» (З. Фрейд), «архетипические побуждения» (К.Г. Юнг), «стремление к власти» (А. Адлер), «принуждения судьбы» Л. Сонди, потребность в преступной самоактуализации (наша трактовка результатов исследования Ю.М. Антоняна и М.И. Еникеева), страсти как основы мотивационных тенденций и форм проявления преступной мотивации, в частности (Л.В. Кондратюк и др.). Обобщая сложности проблематики мотивации совершения преступления и одновременно подчеркивая мощную социальную детерминацию коррупционных злодеяний в настоящее время, большинство авторов однозначно и прямо указывают на их доминирующую роль. «При таком весьма подвижном и эластичном состоянии архетипно-мотивационной диспозиции субъектов поведения, характеризующейся определенной степенью готовности к деструктивному поведению, изменения в социальной сфере в состоянии актуализировать указанную готовность, усилить, придать ей

¹ Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. 288 с.; Иванов В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во МГУ, 1991. 142 с.; Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х томах / Под. ред В.В. Давыдова, А.А. Леонтьева и В.П. Зинченко. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 318 с.; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.; Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии / Л. С. Рубинштейн. СПб.: Изд – во «Питер», 2004. 713 с.

² Маслоу А.Г. Мотивация и личность. Пер. с англ. - СПб.: Евразия, 1999. 452 с.; Сонди Л. Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно – психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / Л. Сонди [пер. с нем В.И. Николаев]. М.: «Когито - Центр», 2005. 557 с.

определенный смысл. Так стимулирование рыночных отношений, рост массы богатства в частных руках, явное указание на обогащение как на положительную социальную ценность не только увеличили пропорционально диапазон возможностей проявления деструктивных оснований человеческого поведения, проявления деструктивных архетипов, но также увеличили «массу» деструктивной мотивации»¹.

Еще одной характерной особенностью проблематики мотивации является зависимость этого многосоставного психофизиолого-духовного образования от целостного контекста взаимосвязи других объективно-субъективных составляющих умышленного преступления. Так мотивация, целым рядом отечественных², так и зарубежных³, классиков и современных специалистов психологов идентифицируется с волей и волевой регуляцией⁴. В фундаментальной монографии по психологии воли прямо указывается на то, что это «...идея позднее развитая А.Н. Леонтьевым в понятии о «смыслообразующих мотивах» и В.А. Иванниковым во взгляде на волю как «произвольную мотивацию»). Основателем психологической теории установки (Д.Н. Узнадзе)⁵ она понимается как то, что, «механизмы воли таковы, что источником деятельности и поведения является не импульс актуальной потребности, а нечто совершенно иное, иногда даже противоречащее потребности. Побуждение к любому действию грузинский ученый связывает с наличием установки на действие (намерение)»⁶.

¹ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). М. Издательство НОРМА, 2001. С. 167.

² Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии / Л. С. Рубинштейн. СПб.: Изд-во «Питер», 2004. 713 с.; Рубинштейн Л. С. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.

³ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник // Пер. с нем. и англ.; Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.; Фромм Э. Душа человека. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 664 с.; Фромм Э. «Человек для самого себя» М. АСТ Москва, 2009, 182 с.; Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; пер. с англ. Г.Ф. Швейника, Г.А. Новичковой. 2-изд. М.: Академический Проект, 2008. 254 с.; Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 368 с.

⁴ Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во МГУ, 1991. 142 с.

⁵ Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Грузии. ССР, 1961. 210 с.

⁶ Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 20–21.

Если учитывать, что мы анализируем намерение преступное то нельзя в данном случае не отметить, что оно будет отличаться:

– способностью переноситься на другие объекты (например, привычка брать взятки сотрудниками ГАИ при любой встрече с владельцем автомобилей);

– существовать в скрытом виде, «активизируясь при возникновении соответствующей потребности и ситуации ее удовлетворения, при встрече с соответствующим объектом»¹. Это хорошо всем известный феномен постоянной нацеленности на «невинное вознаграждение» характеризующий большинство чиновников, которые обязаны строго выполнять свои обязанности только за государственную зарплату;

– избирательной ориентированностью (умением мгновенно «вычислить нужного человека» и предвосхищать ситуации, в которых есть малейший шанс незаконного обогащения. Далее перечисляя и другие характеристики психологической установки (добавим – психологические установки преступной деятельности), т. е. готовности личности к противоправному поведению, А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова усматривают в ней основу формирования так называемой преступной (противоправной) культуры². Выделяя в данном феномене ее глубинную основу – систему ценностей, – укажем, что именно перечисленные особенности поступать определенным (противоправным) образом, как нельзя лучше характеризуют субъектов преступления в органах публичной власти.

В этих коррупционных преступлениях, подчеркивается также значимость внешних факторов влияющих на актуализацию и спецификацию мотивов детерминированных влиянием преступного окружения. Необходимо учитывать полимотивированность, идущую от преступного лидера(ов), влияние его(их) харизмы. Целостную обусловленность всей ситуации социально-психологическими механизмами влияния, заражения, давления и воздействия.

¹ Юридическая психология / Сост. и общ. редакция Т.Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001. С. 61.

² Юридическая психология / Сост. и общ. редакция Т.Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001. С. 50–65.

В завершении анализа компонента мотивации, как одной из субъективных составляющих преступления, процитируем современных украинских ученых-криминологов, основная смысловая квинтэссенция значения корыстного мотива, которых заключается в том, что: «Понятие корыстного мотива не может быть ни широким, ни узким. Оно должно быть адекватным, то есть отвечать своему содержанию – эгоистическому интересу, который анализируется аморально и противоправно»¹.

В подтверждении сказанного приведем отдельные примеры, как ученых-классиков, так и современных исследователей, которые подчеркивали значимость и доминирующую роль указанных выше функций, делая акцент на их экзистенциальных характеристиках. Так «Ещё И.М. Сеченов писал, что воля – это деятельная сторона разума и морального чувства. Следовательно, проявление волевых качеств зависит от нравственных черт характера»². Е.И. Ильин в монографии «Психология воли» отмечает, что «А.В. Иващенко говорит о зависимости нравственного воспитания от уровня развития воли»³, а такие методологи в области исследования личности как «К.К. Платонов и Г.Г. Голубев пишут, что выбор высших социальных мотивов и решений свидетельствует о проявлении воли, а выбор низших, биологических и особенно противоречащих основной цели деятельности – о безволии»⁴. Таким образом, нравственная сущность воли и волевой регуляции проявляется в способности осуществить волевое усилие, «встать» над своими актуальными потребностями и желаниями, преодолеть эмоциональное состояние (страсть) и отдать предпочтение тому, что «надо», а не хочется. Далее перейдем к анализу центральной субъективной составляющей, умышленных коррупционных преступлений. В качестве таковой выступает процесс принятия решения.

Его амплификация, т. е., прояснение, «разворачивание», – важнейшая методологическая и практическая задача не только криминологов и юристов, но и всех субъектов, причастных к

¹ Зелінський А.Ф., Коржанський М.Й. Корислива злочинна діяльність. К.: Генеза, 1998. С. 66.

² Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 91.

³ Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 91.

⁴ Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 99.

осуществлению профилактики совершения преступления. Необходимо указать, что понимание внутреннего алгоритма принятия решения, в стратегическом плане, способствует актуализации процессов самопознания, чрезвычайно необходимых всем специалистам, относящихся к профессии человек-человек. В тактическом же, частном случае, осознание внутренней структуры, специфики преступного решения потенциальным преступником способно его предотвратить еще на промежуточных, подготовительных этапах осуществления. Это чрезвычайно важно в особенности при принятии решений о совершении преступлений с прямым умыслом, часто совершаемых лицами органов публичной власти, так как известно, что принятие решения о совершении преступления, так же как и сам умысел, без его реализации не является уголовно наказуемым.

Социально-психологические аспекты процесса принятия решения, имеют достаточно сложную поликомпонентную структуру. Последняя, в зависимости от методов и предмета исследования, рассматривается помимо указанных выше системологии и теории деятельности, общей и социальной, психологией, социологией, кибернетикой (теориями информации), психологией управления, и т. д. И если, как показывает теоретический анализ литературы, науками уголовно-правового цикла социально-психологическим аспектам проблемы принятия решения пристального внимания не уделялось, то среди глубинных психологов, специалистов по мотивации поведения традиционно давно ведутся активные разработки по различным аспектам указанной проблематики¹.

Процесс принятия решения наиболее точно описывается в рамках концепции борьбы мотивов². Сторонники альтернативного представления, не отвергая значимость борьбы мотивов и внутренней работы сознания, видят сущность воли в исполнении принятого решения, поскольку борьба мотивов и последующее за

¹ Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // психологический журнал, 2005. №1. С. 7–17; Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решения. М.: Аспект Пресс. 2003. 343 с.; Козелецкий Ю. психологическая теория решений. М.: прогресс, 1979. 504 с.

² Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Издательство «Питер», 2002. 234 с.; Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. 288 с.

ней принятие решения не идут, по их мнению, далее субъективных психических состояний»¹. Мнение психологов, поддерживающих такое понимание, мы считаем наиболее адекватным контексту рассматриваемой проблематики. Это обусловлено тем, что в своей совокупности этапы процессов осознания дальнейшего поведения и желания (потребности) реализовать принятое преступное решение идентичны классической доктрине уголовного права, ее соответствия определению умысла совершению преступления.

С другой стороны, отмечается, так называемый феномен «выключения из волевого ядра внутренней работы сознания», связанной с процессами выбора, обдумывания (осмысления) и оценки и прогнозирования ситуации. В.К. Калинин (цит. по Ильин Е.П. «Психология воли»), который особое внимание уделял категории волеия – участия механизмов воли в разрешении противоречий в структуре мотивации, отмечал, что «Волеия связывает самосубъектные отношения с субъектно-объектными, так как осознаваемые влечения имеют предметную отнесенность. Здесь то и проявляется наиболее ярко проблема выбора»². Последний, не только формально-логически (причинно-следственно) но и юридически следует за особенностью принятия решения. Это обусловлено тем, что принятое решение, реализуясь в последующем за ним действии, – внешнем его проявлении, подразумевает необратимость правовой и уголовной идентификации такого выбора. При условии отнесенности действия (поступка) к противоправному (в соответствии у уголовным кодексом) он приобретает окончательное юридическое оформление и смысл. Его основное значение в том, что поступок становится выражением преступного умысла, а его субъект соответственно преступником. Помимо описанных логических, правовых и юридических аспектов принятия решения, в процессе которого, выбор окончательно легитимизирует его как выбор преступный, у него имеются еще и экзистенциально-психологические особенности. «Как часто говорил Сартр, жизнь индивида конституируется его выборами»³.

¹ Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 212.

² Ильин Е.П. Психология воли. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 145.

³ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбскиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 259.

Феноменология последнего была подробно разработана в экзистенциальной философии и психологии, вместе с дефинициями *экзистенциальной ответственности, воли и свободы* в едином контексте проблемы феноменологии сознания субъекта. Это, по нашему мнению, имеет непосредственное и прямое отношение к преступлениям, характеризующимся прямым преступным умыслом. Хорошо известно, что перечисленные феномены проявляются, прежде всего, у субъектов с развитым сознанием, а прямой умысел, безусловно, характеризуется интенсивной работой не только сознания, но и всего психического аппарата. Окончательно уточним: моральность, этичность, нравственность, духовность и являются критериями сформированности сознания и самосознания субъекта вообще и, что особенно важно в данной проблеме, критериальной основой правового самосознания. Их наличие **де юре** и **де факто** переводит индивида из разряда субъекта в категорию личности.

Продолжая логику нашего анализа, уточним, что представители органов публичной власти, по определению должны быть не просто личностями, а индивидуальностями с развитым самосознанием, включающим высокий уровень сформированности его правовых аспектов. Ведь именно им народ доверил свою (народную), т. е., государственную собственность, достояние, а также государственные интересы.

Далее перечислим и опишем внутреннюю (интрапсихическую) структуру и соответствующие ей характеристики этапов принятия решения о совершении преступления, характеризующегося прямым преступным умыслом. Она представлена динамикой следующих психологических процессов:

– возникновение потребности (побуждения(ий) к совершению преступных действий) – включает оценку и сравнительный анализ информации, позволяющие осознать необходимые условия совершения конкретного преступного действия;

– актуализация процесса *целеобразования* (целеполагания) – внутреннего (интрапсихического) развертывания сложных многокомпонентных психических процессов по формированию образа конечной цели и результата конкретного преступного действия (операций) и последующей деятельности в целом.

Категория «цель» устойчиво используется в теории о воле, а также доктрине субъективной стороны в теории уголовного

права и криминологии, но именно процесс образования окончательной цели, описываемый как «принятие решения», в лучшем случае упоминается, но не является, как правило, объектом исследований.

Далее следуют:

– процесс осознания (соответственно образования мотива(ов) совершения преступления;

– актуализация (в случае наличия у субъекта преступления элементов правового, морального, нравственного аспектов сознания и самосознания) внутреннего конфликта;

– психологическая переработка при помощи защитных механизмов психики внутреннего конфликта. Последнее позволяет устранить конфликт как фактор помехи к осуществлению преступного умысла на уровне переживания (нравственных чувств), и перейти к последующим стадиям. На данном этапе возможен и альтернативный исход внутреннего морально-нравственного конфликта (борьбы мотивов) – усиление дестабилизирующих исполнение преступного действия эмоциональных переживаний (актуализация страха, чувства вины, и т. д.). В этом случае наступает *промежуточный этап отсрочки принятия решения и происходит процесс рефлексии наличной ситуации.*

Укажем, что первые три перечисленных выше стадии, методологически скрупулезно описаны советскими психологами в рамках проблем инженерной, спортивной, военной и др. специальных отраслях психологии.

На последнем из них в большей степени происходит включение процессов обработки информации, субъектом «взвешиваются» мотивы, амплифицируются (проясняются) цели и задачи. Именно здесь включаются механизмы волевой регуляции, происходит указанная нами выше борьба мотивов, актуализируются установки субъекта и т. д.

Таким образом, происходят все те сложные внутренние психические трансформации, которые подробно, но по нашему мнению очень технически и технологически анализируются в работах представителей деятельностной психологии, где, как известно из основного их тезиса «Внутреннее преломляется сквозь призму внешнего»¹. Однако в этом случае мы не имеем возможности понять и рассмотреть роли собственно личностных образований и

¹ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х томах / Под. ред В.В. Давыдова, А.А. Леонтьева и В.П. Зинченко. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 318 с.; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

личности как таковой. В безусловно значимых, и методологически фундаментальнейших трудах советских психологов (как и криминологов) представлены «глубоко вскрытые» психические детерминанты, но, в лишенных *личностного* (прежде всего *нравственного, духовного, этического* начала) безжизненных структурах психики. Однако вспомним, что еще такой выдающийся криминолог, основатель первой отечественной криминальной типологии личности, как В.А. Познышев, характеризуя преступление, подчеркивал доминирующую роль экзистенциальных особенностей людей предрасположенных к совершению злодеяния «Их преступное поведение является отдельным эпизодом их жизни, сложившимся на почве тех элементов их духовной личности, которые являются постоянными двигателями поведения и при определенных действиях среды привели их к данным преступлениям»¹.

К сожалению, описание динамики принятия решения, в публикациях советских методологов, предстает чаще всего в качестве некой обобщенной, усредненной сложной конструкции работы, механического аппарата. Так в работах О.Л. Дубовик и других авторов² последовательно и фундаментально обобщивших психологические механизмы работы мышления, волевой регуляции, мотивации участвующих в процессах принятия решения, представлено детальное описание этапов внутреннего раз-

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении преступника в частности. Москва ИНФРА-М, 2007. С. 295.

² Дубовик О.Л. Проблема принятия решения о совершении преступления в криминологической науке / О.Л. Дубовик // Вопросы борьбы с преступностью, вып. № 23, М., «Юрид. лит.», 1975, 192 с., С. 25–46; Дубовик О.Л. Роль мотивации в механизме преступного поведения // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 115–132; Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Дубовик О.Л. М., 1976. 16 с.; Дубовик О.Л., Кудрявцев В.Н. Решение в преступном поведении: понятие, содержание, общие и специфические признаки // Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. С. 13–21; Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. Учебное пособие / Дубовик О.Л. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. 76 с.; 176 с.; Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // психологический журнал, 2005. №1. С. 7–17; Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решения. М.: Аспект Пресс. 2003. 343 с.; Козелецкий Ю. психологическая теория решений. М.: прогресс, 1979. 504 с.

вертывания преступного умысла¹. Однако даже в этих, «программных» и фундаментальных работах, вероятно в силу идеологических причин нашего недавнего прошлого, игнорируются экзистенциальные, моральные, этические и духовные аспекты (составляющие) социально-психологического базиса принятия преступного решения.

Осуществляя попытку восполнения последних, мы вслед за известным криминологом обратим внимание на то, что «Природа мотивации, генезис поведения, его смысл, и т. д. не могут быть поняты без учета влияния экзистенциального характера человеческого бытия². Именно экзистенциальный аспект принятия решения в сложной, смысложизненной ситуации (а, временной период предвещающий преступление – это всегда или почти всегда период, характеризующийся психологическим напряжением) обостряет и актуализирует (раскрывает) роль и значимость таких социально-психологических измерений (экзистенциалов) человеческого существования как выбор, свобода (свободный выбор), волеизъявление, самопреодоление, ответственность, долг, и т. д. «Индивид собственной волей приходит к существованию в виде того, что он есть. Если человек испытывает ужас перед сознанием самоконституирования (или сопутствующим сознанием отсутствия почвы), то он может избегать проявления воли – например, делая себя нечувствительным к своим желаниям или чувствам, отказываясь от выбора или перекладывая выбор на других людей, институты или внешние события»³.

Учитывая значимость описанных выше экзистенциальных параметров, детерминирующих процесс принятия решения, мы, возвращаясь к анализу особенностей этапа внутреннего конфликта, как препятствия на пути к осуществлению преступного умысла и далее более детально охарактеризуем его.

¹ Багрій-Шахматов Л. В. Організована злочинність та корупція / Л.В. Багрій-Шахматов // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. 1999. № 2. С. 3–5.; Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: Сб. науч. трудов. М., 1984. С. 74–77.

² Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). НОРМА. Москва, 2001. С. 57.

³ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дрabsкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 259.

На этой стадии, субъект может апеллировать к источникам дополнительной информации (обращаться к другим людям, СМИ и т. д.), облегчающим (или осложняющим) процесс принятия решения. Необходимо отметить, что именно эта стадия – как этап морального конфликта *чрезвычайно ценен* (не только в индивидуальном, но и в юридически-правовом смысле). Конфликт имеет возможность разрешиться, но как отмечает К. Хорни «Должны поэтому существовать предпосылки осознания противоречащих друг другу элементов нашей духовной жизни и принятия решения в таких условиях». Далее, перечисляет четыре предпосылки необходимого осознания автор указывает – «Во-первых, мы должны осознавать объект наших желаний и даже более того - объект наших чувств» и далее предлагает в качестве примера вполне адекватный нашей проблематике полемизирующий вопрос «Действительно ли мы желаем стать адвокатом или врачом, или нас привлекает хорошо оплачиваемая и уважаемая профессия»?¹. Именно здесь подчеркнем необходимость наличия ума или рефлексии, которые, по мнению В. Лефевра², приобретают решающее значение в ситуациях принятия решения о совершении преступления.

Именно здесь при условии развитой рефлексии, или получения дополнительной информации, субъект способен отказаться от совершения противоправного поступка. В данном смысловом контексте становятся понятными необходимость наличия в нашей стране так называемых «телефонов доверия», компетентных специалистов в области правоведения, надежных адвокатов, психологических служб, и т. д.

Закономерно возникает вопрос и о детерминации дальнейшего, прежде всего «внутреннего» поведения субъекта. В данном случае ключевой вопрос звучит так: «Куда будут направлены интрапсихические интенции субъекта имеющего прямой преступный умысел»?

¹ Хорни К. «Наши внутренние конфликты». [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/horni_karen/nashi_vnutrennie_konflikti_konstruktivnaya_teoriya_nevroza.html.

² Лефевр В.А. Рефлексия. – М., «Когито-центр», 2003. 496 с.; Лефевр В.А. Алгебра совести / Пер. с англ. М., «Когито-Центр», 2003. 426 с.

Указывая один из важнейших факторов, опосредующих выбор в ситуации принятия жизненно важных решений, К. Хорни оставаясь верной экзистенциальной традиции понимания роли детерминации общества и культуры, раскрывает специфику их значимости, говоря о том, что «Не приходится сомневаться, что выборы, подобные указанным, должны делать люди, живущие в нашей цивилизации, и поэтому можно было ожидать широкого распространения конфликтов указанного вида»¹. Учитывая то, что граждане крымского полуострова перманентно пребывали в неблагоприятных культурно-экономических и социально-психологических условиях, позволим себе еще раз процитировать К. Хорни, которая еще в 50-е годы XX-го столетия проживая в послевоенной Европе, прямо указывает на особенности о перспективе разрешения конфликтов на описываемой нами стадии в ситуациях принятия решения. «Вид, сфера действия и интенсивность таких конфликтов определяются большей частью той цивилизацией, в которой мы живем. Если цивилизация стабильна и традиции устойчивы, то разнообразие доступных нам выборов ограничено...» – и далее приводит пример идентичной ситуации в нашей стране – «Но если цивилизация находится в состоянии быстрого изменения, когда принципиально противоречащие ценности и дивергентные способы жизни сосуществуют бок о бок, то выборы, которые должен делать индивид, многозначны и трудны. Индивид может соответствовать ожиданиям сообщества или быть инакомыслящим индивидуалистом...»².

Вводя в контекст нашей логики социально-психологические параметры: влияние, давление, харизму преступного лидера (в случае совместного совершения преступления, например в ОПГ), укажем, что они также на этом этапе приобретают решающее значение.

Можно констатировать, что с одной стороны социальный параметр является решающим в ситуации принятия решения о совершении противоправного поступка. Более того, даже при

¹ Хорни К. «Наши внутренние конфликты». [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/horni_karen/nashi_vnutrennie_konflikti_konstruktivnaya_teoriya_nevroza.html.

² Хорни К. «Наши внутренние конфликты». [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/horni_karen/nashi_vnutrennie_konflikti_konstruktivnaya_teoriya_nevroza.html.

наличии развитого сознания и экзистенциальных, когнитивных и психо-регулятивных характеристик: интеллекта, социальной гибкости, устойчивости и т. д., далеко не каждый субъект способен отказаться от дальнейшего осуществления преступного умысла и перейти к стадии его реализации. «...даже если мы признаем существование конфликта как такового, мы должны быть способны и готовы отказаться от одного из противоречащих убеждений. Однако способность к ясному и осознанному отказу очень редка, потому что наши чувства и убеждения связаны друг с другом, а также, возможно, потому, что в процессе их анализа большинство людей не чувствует себя защищенными и счастливыми настолько, чтобы вообще от чего-либо отказаться»¹.

Иными словами, мы позволим себе утверждать, что при даже условии ясного осознания необходимости совершить окончательный правовой выбор при принятии сложного решения в ситуации, предвосхищающей совершение преступления, вновь в силу вступает самодовлеющий социальный фактор, «отбрасывающий» индивида от необходимости отказа от вступления на путь правового поведения.

Основываясь на вышеизложенном мы предполагаем, что итоговой детерминантой, наиболее глубинной составляющей, и в конечном итоге, влияющей на *момент* принятия решения о совершении преступления, является совокупность личностных социально-психологических образований. Глубинной основой таковых являются ценности и экзистенциальные ориентиры ценностного содержания.

Они представлены, прежде всего, в таких сложных многокомпонентных социально-психологических образованиях (личностных конгломератах) как *ум* (индивидуальный и социальный интеллект), *отзывчивость* (готовность к оказанию помощи другим, эмпатия) и *совесть*. Последняя – обязательная презентанта «слуг» народа (чиновников), являющаяся неременной социально-личностной атрибутикой. Она по определению не нуждается в обосновании необходимости своего наличия у данного контин-

¹ Хорни К. «Наши внутренние конфликты». [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/horni_karen/nashi_vnutrennie_konflikti_konstruktivnaya_teorija_nevroza.html.

гента лиц. Здесь, по нашему мнению, комментарии и психологический анализ излишни.

Обращаясь к тем особенностям личности субъектов, представляющих публичную власть, которые по определению должны быть критериями их выбора (общественного выдвижения) на данные должности, то укажем, что именно они, по мнению известного психолога А.Ф. Бондаренко¹ являются наиболее значимыми переменными в ситуациях принятия важных решений, имеющих морально-этические составляющие.

Так, к категории коррупционеров, по нашему мнению в большей степени принадлежат люди, которые сочетают в себе наличие ума и отзывчивости, но у которых абсолютно отсутствует компонент совести, что и является важнейшим показателем склонности к совершению коррупционных преступлений. Об этом же писал и К.Г. Юнг, который считал совесть руководящим органом ответственности. «Ответственность касается, прежде всего, людей влиятельных, руководящих другими, располагающих необходимым интеллектом для понимания ситуации нашего мира. От них можно было бы ожидать совестливого приведения мира в порядок, но как раз потому, что здесь должна идти не об одном интеллекте, но также о морали, у нас нет повода для оптимизма. Природа не настолько расточительна в своих дарах, чтобы наделять одновременно и высоким интеллектом и дарами сердца. Где есть одно, обычно отсутствует другое...»².

Разработанное в рамках концепции В. Лефевра³ сочетание перечисленных особенностей субъекта в совокупности представляет определенную типологию личности. Принадлежность к одной из них и является, по нашему мнению, важнейшей, решающей детерминантой специфики принятия решения о совершении преступления. «Моральные решения затрагивают этические вопросы и качаются других людей; они подразделяются Лефевром на две большие категории. Одна этическая философия основана

¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбскиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С.1.

² Юнг К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмьюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зелинский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995. С. 157.

³ Лефевр В.А. Рефлексия. – М.. «Когито-центр», 2003. 496 с.; Лефевр В.А. Алгебра совести / Пер. с англ. М., «Когито-Центр», 2003. 426 с.

на принципе «Компромисс добра и зла есть зло» другая – на принципе «Компромисс добра и зла есть добро». Согласно В. Лефевру первая этическая система разделяется представителями западной культуры, включая Великобританию и Соединенные Штаты, а вторая воплощена в культуре Советского Союза, а также Китая и Среднего Востока и некоторых других регионов»¹.

По нашему мнению эти ментальные детерминанты, выявленные указанным автором, являются глубинным основанием критерия принятия решения, в соответствующей ситуации. Последняя стимулирует их специфику и проявление, «провоцирует» актуализацию и внешний выход самых глубинных субъективных составляющих преступлений характеризующихся прямым умыслом.

¹ Солсо Р.Л. Когнитивная психология. Пер. с англ. М.: Тривола, 1996. С. 455.

Глава 2. Социологическое исследование детерминант должностной преступности в органах публичной власти в Крыму

2.1. Детерминанты преступности должностных лиц органов публичной власти (по материалам социологического исследования – опрос должностных лиц органов публичной власти)

Данный параграф посвящен изучению мнения государственных служащих относительно причин и условий преступности в органах публичной власти на территории Крымского полуострова. Исследование проводилось методом анкетного опроса, с использованием серийного метода отбора респондентов с учетом их места работы – выборка населения от 18 лет. Всего было опрошено 525 респондентов.

Объект исследования: служащие органов публичной власти Крымского полуострова (депутаты представительных органов всех уровней, в том числе депутаты Верховного Совета Автономной Республики Крым, служащие муниципальных образований всех уровней, а также представители органов исполнительной власти представленной в Автономной Республике Крым на момент анкетирования).

Предмет исследования: мнение вышеуказанных респондентов относительно причин и условий, распространенности коррупционной преступности в органах публичной власти на территории Крымского полуострова.

Цель исследования: выявление причин и условий, распространенности коррупционной преступности в органах публичной власти на территории Крымского полуострова.

В процессе исследования были рассмотрены социально-психологические факторы преступности в крымском социуме; определена степень централизации коррупционных отношений в органах публичной власти; проанализированы виды преступлений наиболее часто совершаемых должностными лицами органов публичной власти; выявлены причины совершения указанной ка-

тегории преступлений; определены декларируемые стержневые ценности публичной власти; систематизированы личностные качества, присущие должностным лицам органов публичной власти; проанализированы виды ответственности за совершение должностных преступлений / правонарушений должностными лицами органов публичной власти (в соответствии с УК Украины, который действовал на момент проведения исследования); изучены желаемые меры реформирования органов публичной власти, которые могут способствовать предотвращению преступности в указанной сфере.

Анализ проблемной ситуации. Должностная преступность сегодня стала массовым социально-правовым явлением, которое включает в себя как совокупность должностных преступлений, так и лиц, их совершивших. Должностная преступность стала представлять угрозу для общества, ослабляя и даже изменяя направления государственного влияния на многие сферы социальной жизни.

Противодействие должностной преступности – одна из самых популярных тем, обсуждаемых сегодня на различных уровнях. Очевидно, что общество признало необходимость системной борьбы с данным видом преступлений.

Жизнь показывает, однако, что реализация политических заявлений и эффективность предлагаемых мер противодействия должностным преступлениям государственных служащих зависит не только от действий властей, но также от степени развития экономики страны и гражданской зрелости общества.

Однако объективная реальность такова, что в крымском обществе существуют как бы два уровня восприятия преступности должностных лиц органов публичной власти: нравственное и уголовно-правовое. Нейтральное отношение к проблеме, признание ее «вредной привычкой» создает питательную среду для роста соответствующих преступлений, оправдывая ее «встраивание» в социальную систему. Такая обстановка, когда значительная часть общества относится к этому лояльно, свидетельствует о низкой эффективности действий властей в данном направлении. Ситуацию, на момент проведения анкетирования, существенно усугубляло и нестабильная политическая и экономическая ситуа-

ция в Крыму, низкий уровень доходов населения Крыма, социальная напряженность и прочие негативные факторы.

Изучение проблематики с помощью точки зрения самих должностных лиц органов публичной власти сегодня должно оказать некоторую помощь в последующих научных разработках направлений, как предупреждения, так и борьбы с должностной преступностью.

С учетом указанной цели нами сформулированы следующие **задачи исследования:**

1. Рассмотреть и систематизировать основные социально-психологические факторы преступности в крымском социуме.

2. Определить степень централизации коррупционных отношений в органах публичной власти Крыма.

3. Проанализировать виды преступлений наиболее часто совершаемых должностными лицами органов публичной власти по мнению респондентов-экспертов.

4. Выявить причины совершения коррупционных преступлений должностными лицами органов публичной власти.

5. Определить декларируемые стержневые ценности органов публичной власти.

6. Систематизировать личностные качества, присущие должностным лицам органов публичной власти в Крыму.

7. Проанализировать виды ответственности за совершение должностных преступлений / правонарушений должностными лицами органов публичной власти.

8. Изучить желаемые меры реформирования органов публичной власти в Крыму, которые могут способствовать предотвращению преступности в указанной сфере.

Гипотезы исследования. Гипотеза – главный методологический инструмент, организующий весь процесс исследования и подчиняющий его внутренней логике. В социологическом исследовании гипотезы – обоснованные предположения о структуре социальных объектов, характере связей между изучаемыми социальными явлениями и возможных подходах к решению социальных проблем. Исходные посылыки социологических гипотез черпаются где-то на грани между наблюдениями реальных событий и системой объяснения этих событий в понятиях имеющейся социологической теории и смежных наук. Если знания, которыми

мы располагаем, не позволяют объяснить данные наблюдений, возникают новые предположения – гипотез¹.

Традиционно выделяют прямые и обратные гипотезы. Относительно содержания прямых и обратных гипотез существуют разные определения, так некоторые исследователи считают, что прямая гипотеза предполагает, что структура модели и все её параметры считаются известными, главная задача – провести исследование модели для извлечения полезного знания об объекте. Обратная – известно множество возможных моделей, надо выбрать конкретную модель на основании дополнительных данных об объекте. Чаще всего структура модели известна, и необходимо определить некоторые неизвестные параметры². Однако, в этом исследовании под «прямыми» и «обратными» гипотезами мы понимаем те, которые являются противоположными по своему содержанию друг для друга.

Сформулированные выше задания позволяют обозначить следующие гипотезы исследования:

1. Прямая: к основным социально-психологическим факторам преступности в современном обществе можно преимущественно отнести факторы экономической и социальной направленности – существенное расслоение общества, интенсивный рост социального неравенства, резкое понижение уровня жизни большинства населения, интенсивное развитие коррупции и т. п.
Обратная: большинство респондентов в процессе опроса отметили, что проблемы, скорее, концентрируются на уровне снижения эффективности работы милиции и прокуратуры, неэффективной судебной системы, дефектах функционирования правоохранительных органов, несовершенстве действующего законодательства.

¹ Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программы, методы / В.А. Ядов / [Электронный ресурс]. – URL: http://socioline.ru/_seminar/library/metod/yadov/met_SI.php#_Тoc157700676.

² Прямая и обратная задачи математического моделирования. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C#.D0.9F.D1.80.D1.8F.D0.BC.D0.B0.D1.8F_.D0.B8_.D0.BE.D0.B1.D1.80.D0.B0.D1.82.D0.BD.D0.B0.D1.8F_.D0.B7.D0.B0.D0.B4.D0.B0.D1.87.D0.B8_.D0.BC.D0.B0.D1.82.D0.B5.D0.BC.D0.B0.D1.82.D0.B8_.D1.87.D0.B5.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.BC.D0.BE.D0.B4.D0.B5.D0.BB.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F.

2. Прямая: среди различных уровней публичной власти, по мнению опрошенных, наибольшая степень распространённости преступности наблюдается на уровне центральных органов публичной власти. **Обратная:** большинство респондентов отмечают, что наиболее высокая степень распространённости преступлений должностных лиц органов публичной власти концентрируется на уровне органов местного самоуправления.

3. Прямая: большинство должностных лиц органов публичной власти отмечают, что к наиболее часто совершаемым преступлениям можно отнести злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. **Обратная:** по мнению опрошенных, должностные лица органов публичной власти наиболее часто совершают такие виды преступлений, как нарушение ограничений относительно совместительства и совмещения ограничений с другими видами деятельности, незаконное участие в предпринимательской деятельности.

4. Прямая: большинство респондентов считают, что причинами совершения указанной категории преступлений являются психологические – повышение собственного престижа и авторитета, стремление завоевать личный статус, желание достичь высокой самооценки и т. п. (карьеризм, как мотив преступной деятельности) **Обратная:** многие респонденты придерживаются той точки зрения, что причины указанной категории преступлений лежат преимущественно в материальной плоскости – обеспечении собственного материального благосостояния, желание больше зарабатывать, желание решить жилищную и другие бытовые проблемы (корыстный мотив преступной деятельности).

5. Прямая: респонденты отмечают, что поддерживаемыми декларируемыми стержневыми ценностями органов публичной власти сегодня являются законность, открытость, избежание конфликта интересов. **Обратная:** опрошенные, наоборот, делают акцент таких декларируемых ценностях, как беспристрастность, корректность и толерантность, а также эффективное реагирование на запросы граждан.

6. Прямая: с точки зрения респондентов, к основным личностным качествам современных должностных лиц органов публичной власти можно отнести скорее негативные качества – амбициозность, бюрократизм, равнодушие, безответственное отно-

шение к служебным обязанностям, грубость, высокомерие, злоупотребление служебным положением, коммуникативная неуравновешенность, пренебрежение к законам и прочее. **Обратная:** опрошенные считают, что среди личностных качеств должностных лиц органов публичной власти в их работе преобладают ответственность, гибкость в отношениях, компетентность, профессионализм, обязательность, порядочность, толерантность и т. п.

7. Прямая: по словам большинства респондентов, должностные лица органов публичной власти за совершение должностных преступлений / правонарушений должны нести уголовную и административную ответственность. **Обратная:** большинство опрошенных отмечают, что ответственность за должностные преступления / правонарушения должна быть, скорее, материальной и дисциплинарной.

8. Прямая: если брать во внимание некоторые принципы реформирования органов публичной власти, то предотвращению преступности должностных лиц должны способствовать приоритет профессиональных качеств, компенсированные ограничения и системность подготовки и переподготовки кадров. **Обратная:** к принципам реформирования органов публичной власти, по мнению опрошенных, целесообразно отнести прозрачность, ориентацию на «клиента» и принцип этичности.

Метод исследования. В качестве наиболее удобного метода исследования, который полностью отвечает поставленной цели, был выбран метод опроса.

Метод опроса имеет две разновидности: интервьюирование и анкетирование.

Интервьюирование – беседа исследователя (интервьюера) с представителем исследуемой совокупности (респондентом) по заранее намеченному плану (на основе заранее подготовленного вопросника). Виды интервьюирования: 1) свободное интервью – беседа, как правило, без плана и заранее сформулированных вопросов (применяется на начальной стадии исследования); 2) глубинное интервью – применяется для изучения мнения общественности по определенному кругу вопросов; 3) фокусированное (направленное) интервью – изучение общественного мнения по конкретному факту (явлению или процессу).

Анкетирование – изучение общественного мнения с помощью специального вопросника (анкеты), на которую респондент отвечает без участия интервьюера. Важнейшим преимуществом анкетирования перед интервьюированием является возможность широкого охвата исследуемой аудитории (анкеты распространяются по почте, публикуются в печати, размещаются в Internet)¹.

В нашем случае опрос проводился по средствам анкетирования, специально для исследования разработана анкета исследования на основе пилотного интервьюирования, в анкете учтены различия социально-культурного, образовательного и имущественного характера респондентов.

Выборка. В данном исследовании использовалась *выборка серийная*, где случайным методом отбирались группы, внутри которых проводился сплошной опрос. В процентных данных наблюдается статистическая ошибка в границах $\pm 0,3\%$ (что связано с округлением данных до десятых), анкетирование проводилось анонимно, а также без участия посторонних (незнакомых) для респондента лиц в момент заполнения анкеты, что свидетельствует об отсутствии какого либо давления на анкетлируемого.

Всего в исследовании приняли участие 525 респондентов – территориально все жители крымского полуострова.

Описание инструментария. Анкета состоит из 41 вопроса. Из них: 35 – закрытого типа, где респонденты выбирали один или несколько вариантов ответов, которые в данный момент соответствовали их точке зрения относительно исследуемой проблемы; 5 – полужакрытого формата, где наряду с представленными в анкете альтернативами был предусмотрен и свой вариант ответа; 1 – открытый вопрос, на который респонденты должны были ответить самостоятельно.

Пять вопросов – демографического характера: с их помощью можно было проанализировать пол, возраст, профессиональный статус, категорию госслужбы и регион проживания опрошенных.

Среди **проблем анкетирования**, возникших во время проведения исследования, можно выделить такие:

¹ Основные методы сбора социологической информации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.allsocio.ru/asocs-177-1.html>.

- отказ респондентов принимать участие в исследовании по причине нежелания общаться на данную тематику;
- некоторое количество опросных документов было отбраковано в связи с некачественным (неполным) заполнением.

Анализ демографического блока.

Распределение респондентов в соответствии с критерием «пол» выглядит таким образом: всего было опрошено 77,5% мужчин (407 человек) и 22,5% женщин (118 человек).

Если брать во внимание *возрастные характеристики* опрошенных, то тут данные получили такое распределение:

- 20,2% опрошенных – в возрасте 18–25 лет;
- 39,8% – в возрасте 26–35 лет;
- 34,7% – в возрасте 36–45 лет;
- 4,0% – в возрасте 46–55 лет;
- 1,3% – в возрасте от 56 лет и старше.

С точки зрения *профессионального критерия*, об опрошенных были получены такие сведения:

- респондентов, которые имеют статус руководителя, было опрошено 25,3%;
- респондентов-специалистов – 74,7%.

Анализ характеристик *критерия «категория госслужбы»* (в соответствии с положениями ЗУ Украины «О госслужбе») позволяет отметить, что распределение опрошенных выглядит следующим образом:

- 4,0% – госслужащие второй категории;
- 7,8% – третьей;
- 10,9% – четвертой;
- 18,7% – пятой;
- 22,7% – шестой;
- 25,3% – седьмой;
- 10,7% опрошенных отмечают, что категорию им еще не назначили.

Анализ результатов исследования.

Первый проанализированный вопрос, «**Какие социально-психологические факторы преступности в современном обществе являются основными?**» был общим. Ответы респондентов получили такое распределение (сумма ответов на вопрос пре-

вышает 100,0%, поскольку респондентам была предоставлена возможность выбрать несколько вариантов ответов из всего списка предложенных):

- большинство опрошенных – 56,4% отметили, что основным социально-психологическим фактором преступности в современном обществе является несовершенство действующего законодательства;

- далее респонденты акцентировали внимание на появлении и росте безработицы – 56,0%;

- на третьем месте оказался фактор резкого понижения уровня жизни большинства населения – 46,5%;

- четвертое место занимает альтернатива «падение авторитета закона и других нормативных актов государственной власти» с показателем в 43,0%;

- на пятом месте – неэффективная судебная система – так считают 41,3% опрошенных;

- 37,5% респондентов уверены, что одним из факторов преступности является снижение эффективности работы милиции и прокуратуры, отток из этих органов опытных, энергичных кадров;

- 37,3% упомянули об интенсивном развитии коррупции во властных структурах, в том числе в высших эшелонах;

- про недостатки системы воспитания (семейного, религиозного, школьного, общественного) вспомнили 30,9% опрошенных;

- 30,7% акцент делают на социальной дезорганизации, социальной несправедливости, социальном кризисе;

- десятое место факторов занимает, по мнению госслужащих, кризис системы обучения и воспитания подрастающего поколения (кризис семьи, школьного образования, системы спортивных секций и центров досуга) – 29,1%;

- менее трети голосов набрал фактор неэффективного и несправедливого распределения национальных богатств – 27,0%;

- о падении уровня производства вспомнили 25,3% респондентов;

- 20,0% говорят об ухудшении здоровья нации (физического, психического, морального);

- 18,9% обратили внимание на экспансию западной культуры и развитие идеологии потребления;

- 18,7% – на низкую эффективность позитивного информационного и идеологического влияния, идеологический кризис – этот фактор занял пятнадцатое место;
- 17,1% госслужащих свидетельствуют о дефектах функционирования правоохранительных органов;
- по словам 13,3% респондентов одним из неблагоприятных факторов может выступать и существенное расслоение общества, интенсивный рост социального неравенства;
- менее 10% набрал фактор неэффективного функционирования пенитенциарной системы – 8,4%;
- 8,0% акцентируют свое внимание на общественной разобщенности;
- на двадцатом месте – межнациональные и межрелигиозные конфликты, споры – 4,0%;
- и, последнее место занимает альтернатива – маргинализация общества – 3,0%.

Следующий вопрос «**Как бы Вы оценили степень распространности преступности должностных лиц органов публичной власти?**» был табличным. Ответы на него целесообразно также представить в виде таблицы.

Таблица 1

Степень распространности преступности должностных лиц органов публичной власти, %

	Высокий уровень	Выше среднего	Средний уровень	Ниже среднего	Низкий уровень	Затрудняюсь ответить
Органы государственной власти	30,7	14,7	29,3	4,0	5,3	16,0
Региональные органы власти	22,7	17,3	25,3	14,9	3,8	16,0
Органы местного самоуправления	24,0	20,0	26,5	5,5	9,1	14,9

Итак, как свидетельствуют данные таблицы, наиболее высокий уровень распространности преступности должностных лиц органов публичной власти демонстрирует именно ее верхушка – центральные органы публичной власти – высоким этот уровень

считают 30,7%, а выше среднего – 14,7% госслужащих. На втором месте (если брать во внимание индикатор шкалы «высокий уровень») – органы местного самоуправления – 24,0%. Третье место занимает промежуточное звено, а именно – региональные органы власти.

Если анализировать ситуацию исходя из суммарных показателей индикаторов шкалы «высокий уровень» и «уровень выше среднего», то тенденции вырисовываются такие же, как и при детальном рассмотрении: наиболее высокий уровень преступности у органов государственной власти – 45,4%, затем органы местного самоуправления – 44,0% и региональные органы власти – 40,0%. Соответственно, низкий уровень и уровень ниже среднего по суммарным показателям у региональных органов власти – 18,7%, органов местного самоуправления – 14,6%, органов государственной власти – 9,3%.

С помощью следующего вопроса, **«Какие правонарушения / преступления чаще совершают должностные лица органов публичной власти?»** можно было определить своеобразный рейтинг преступлений:

– злоупотребление должностными полномочиями – этот вид преступлений оказался на первом месте с максимальным показателем в 64,0%;

– на втором месте с минимальным отрывом – нецелевое использование бюджетных средств – 62,7%;

– третье место занимает превышение должностных полномочий – 40,0%;

– на четвертом – нарушение порядка распределения и перераспределения бюджетных средств – 38,7%;

– замыкает пятерку основных преступлений – нарушение порядка выделения земель – 33,3%.

С шестого по десятое место в порядке убывания занимают:

– регистрация незаконных сделок с землей – 32,0%;

– служебная халатность – 26,3%;

– хищение путем присвоения или растраты чужого имущества – 21,3%;

– мошенничество – 21,1%;

– нарушение порядка приватизации государственного имущества – 20,0%.

Наконец, последняя группа преступлений занимает места в рейтинге с одиннадцатого и до самого минимального:

– 18,9% – незаконное участие в предпринимательской деятельности;

– 18,7% – непринятие мер по противодействию коррупции;

– 17,5% – нарушение порядка выдачи разрешительных документов;

– 17,3% – принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом (получение взятки);

– 17,1% – коммерческий подкуп;

– 14,1% – служебный подлог;

– 12,0% – незаконное участие в предпринимательской деятельности;

– 11,8% – нарушение требований финансового контроля;

– 9,3% – незаконное использование информации, которая стала известна при выполнении служебных полномочий;

– 9,1% – нарушение ограничений относительно совместительства и совмещения ограничений с другими видами деятельности;

– 5,3% – нарушение установленных законом ограничений относительно получения подарка / пожертвования;

– 4,2% – нарушение требований относительно уведомления о конфликте интересов;

– 4,2% – воспрепятствование предпринимательской деятельности;

– 4,0% – нарушение порядка осуществления контролируемых мероприятий.

На вопрос **«По Вашему мнению, что именно является причиной совершения правонарушений / преступлений должностными лицами органов публичной власти?»** ответы респондентов получили такое распределение:

– на первом месте – исключительно материальный мотив – обеспечение собственного материального благосостояния – на него обратили внимание 68,0% опрошенных;

– на втором месте с показателем в 61,3% альтернатива «желание больше зарабатывать», которую можно в некоторой степени считать контрольной, поскольку она подтверждает вес максимального упомянутого показателя;

– третье место занимает также альтернатива, имеющая отношение к материальному обеспечению государственных служащих – обеспечение надлежащего состояния существования семьи служащего – 52,0%;

– на четвертом месте с некоторым отрывом в сторону уменьшения показателей опрошенные вынесли желание решить жилищную и другие бытовые проблемы – 45,3%;

– на пятом месте – желание установить более крупные деловые связи – этот показатель оказался почти вдвое меньше предыдущего – 22,7%;

– далее, по словам респондентов, к числу причин совершения преступлений госслужащими, можно отнести стремление занять достойное место в обществе – 17,3%;

– 14,5% считают, что госслужащие-преступники часто руководствуются перспективами дальнейшего профессионального роста;

– на стремление завоевать личный статус, т.е. пытаться попасть в референтную группу обращают внимание 13,3%;

– желание достичь высокой самооценки, по мнению 11,2% опрошенных, также движет преступниками;

– успешность карьеры играет также большую роль в совершении должностных преступлений – так думают 10,7% госслужащих;

– одиннадцатое место у госслужащих занимает альтернатива «возможность повысить самоуважение и уровень собственного достоинства» – 10,5%;

– стремление более полно реализовать себя в управленческой сфере с показателем в 10,3% – на двенадцатом месте;

– 9,3% респондентов отмечают такую причину должностной преступности, как повышение собственного престижа и авторитета;

– 8,0% добавляют к упомянутому списку причин стремление завоевать личный статус, т. е. добиться признания со стороны референтной группы (друзей, приятелей, сверстников, коллег по работе);

– 6,7% опрошенных указали на свой вариант ответа (затрудняюсь ответить).

Следующий вопрос анкеты, – **«Какие, по Вашему мнению, существуют сдерживающие элементы социального контроля для должностных лиц органов публичной власти?»**. Ответы на него получили такое распределение:

– к основным сдерживающим элементам, по словам большинства респондентов, можно отнести боязнь уголовного наказания – 60,2%;

– на втором месте такое понятие, как совесть – 44,2%;

– на третьем месте с очень большим отрывом в сторону уменьшения – страх материального наказания – 19,6%;

– четвертое место в списке сдерживающих факторов занимает отсутствие условий для совершения преступлений – так думают 18,7% госслужащих;

– пятое место занимает общественное осуждение – 12,0%;

– на шестом месте – стереотипы законного поведения – 8,0%;

– 10,5% опрошенных ответили, что таких сдерживающих элементов не существует;

– 3,8% дали свой ответ на вопрос (затрудняюсь ответить).

На вопрос **«Как Вы считаете, какие мотивы самооправдания преступного поведения демонстрируют должностные лица органов публичной власти»** представляем ответы в виде следующей таблицы.

Таблица 2

Мотивы самооправдания преступного поведения должностных лиц органов публичной власти, %

	Скорее, да	Скорее, нет
Искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности применения наказания	57,3	42,7
Жизненный принцип: «Надо жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем»	25,3	74,7
Исключение ответственности за возникновение ситуации, которая понимается как стечение обстоятельств	41,3	58,7
Изображение себя жертвой принуждения, обмана других лиц или собственных ошибок и ошибок, которые и привели к противоправным действиям	40,0	60,0
Убеждение в формальности норм, которые нарушаются, обыденности подобных действий, благодаря чему они расцениваются как допустимые	44,0	66,0
Отрицание предмета преступного посягательства и тем самым игнорирование вредных последствий и общественной опасности деяния	57,3	42,7
Облагораживание истинных мотивов своих действий, в результате чего они представляются как оправдательные и даже правомерные	50,7	49,3
Гипертрофия собственных личностных качеств	41,3	58,7
Отсутствие привычки тщательно обдумывать свои поступки и решения	33,3	66,7
Стремление быть «в команде»	53,3	46,7
Так действуют коллеги, т.е. наглядным является негативный пример	40,0	60,0
Считают, что это позволит решить собственные проблемы	68,0	32,0
Считают, что руководитель заставит делать это других	42,7	57,3

Так, данные таблицы №2 говорят о том, что к пятерке основных мотивов самооправдания можно отнести возможность решить собственные проблемы – 68,0%, отрицание предмета преступного посягательства и тем самым игнорирование вредных последствий и общественной опасности деяния и искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности применения наказания – по 57,3%, стремление быть «в команде» – 53,3%, облагораживание истинных мотивов своих действий, в результате чего они представляются как оправдательные и даже правомерные – 50,7%, убеждение в формальности норм, которые нарушаются, обыденности подобных действий, благодаря чему они расцениваются как допустимые – 44,0%. Самые низкие позиции среди мотивов самооправдания занимают жизненный принцип «надо жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем» – 25,3%, отсутствие привычки тщательно обдумывать свои поступки и решения – 33,3%, изображение себя жертвой принуждения, обмана других лиц или собственных ошибок и ошибок, которые и привели к противоправным действиям и наглядный негативный пример коллег – по 40,0%.

«В чем состоят главные причины преступных проявлений в органах публичной власти?» – так был сформулирован следующий вопрос, респондентам была предоставлена возможность выбрать семь возможных вариантов из предложенных в анкете.

Условно все ответы полученные на вышеизложенный вопрос можно разделить на две. Преступная деятельность в органах публичной власти мотивирована корыстными мотивами, а также карьеризмом, где главенствующую роль занимают корыстные мотивы, так ответы на который выглядят таким образом:

– основная группа респондентов – 60,0% во главу угла выносит экономические факторы (например, низкий уровень вознаграждения, неразвитость механизмов реализации социальных гарантий);

– почти вдвое меньше опрошенных – 37,3% причиной преступного поведения должностных лиц называет низкую правовую культуру государственных служащих;

– на третье место опрошенные вынесли коррумпированные связи должностных лиц органов публичной власти с контролирующими органами и органами надзора – 32,9%;

– по словам четверти респондентов – 25,3% причины преступного поведения следует искать в слабом внутреннем контроле за работой должностных лиц органов публичной власти;

– 22,3% считают, что причины преступного поведения госслужащих заложены в отсутствии ответственности за очевидные, частые правонарушения должностных лиц в этой сфере;

– 21,3% отметили и низкое качество норм закона;

– 20,4% акцент сделали на отсутствии надзора и контроля как способов обеспечения законности в государственном управлении;

– 20,2% обратили внимание и на причину в виде несовершенства правоохранительных органов;

– на отсутствие «специализированных», детализированных запретов и ограничений в той или иной области деятельности государственных служащих (для органов по управлению имуществом, налоговых и др.) указали 20,0%;

– низкую степень регламентации труда государственных служащих отметили 19,8%;

– 16,0% выделили непрозрачность работы должностных лиц органов публичной власти;

– с точки зрения 13,3% опрошенных причину преступного поведения следует искать в высокой интенсивности контактов с гражданами и организациями;

– 14,1% респондентов называют в качестве причин отсутствие Кодекса поведения государственных служащих;

– на неприменение мер ответственности за должностные нарушения обращают внимание 17,3% респондентов;

– 5,3% говорят о неразвитости институтов гражданского контроля;

– 3,8% указали на правовой нигилизм;

– 2,3% опрошенных дали свой ответ (затрудняюсь ответить).

Ответы на вопрос, «**Какие декларируемые стержневые ценности госслужбы сегодня действительно поддерживаются?**» можно рассмотреть в таблице № 3.

Таблица 3

Поддерживаемые декларируемые стержневые ценности службы
в органах публичной власти, %

	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Безусловно, нет	Затрудняюсь ответить
Законность	30,7	32,0	14,7	12,0	10,7
Открытость	21,3	20,0	29,3	13,3	16,0
Беспристрастность	14,3	26,5	30,7	7,4	21,1
Политическая нейтральность	16,0	27,2	27,0	9,3	20,4
Корректность, толе- рантность	25,3	28,0	21,3	6,9	18,5
Эффективное реаги- рование на запросы граждан	28,2	19,6	25,3	9,1	17,7
Избежание конфликта интересов	24,0	32,0	17,3	6,7	20,0

Таким образом, если анализировать ответы респондентов, руководствуясь индикатором шкалы «безусловно, да», то к упомянутым ценностям, которых придерживаются госслужащие в современных условиях, можно, в первую очередь, отнести законность – 30,7%, эффективное реагирование на запросы граждан – 28,2% и корректность, толерантность – 25,3%. Анализ данных на основании индикатора шкалы «безусловно, нет» показал, что законность не всегда является ценностью, которой придерживаются государственные служащие – 12,0%. В категорию ценностей, которых госслужащие не придерживаются, попали также открытость – 13,3% и политическая нейтральность – 9,3%.

Расчет индексов декларируемых ценностей можно провести и с помощью следующей формулы:

$$I_{\text{ценностей}} = ((+1.0 \cdot n_1) + (+0.5 \cdot n_2) + (0 \cdot n_3) + (-0.5 \cdot n_4) + (-1.0 \cdot n_5)) / N, \text{ где}$$

n_1 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «безусловно, да»

n_2 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «скорее, да»

n_3 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «затрудняюсь ответить»

n_4 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «скорее, нет»

n_5 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «безусловно, нет»

N – общее количество респондентов, которые приняли участие в опросе

Так, указанные индексы санкций в рейтинговом списке получили такое распределение:

- $I_{\text{законность}} = 0,05$;
- $I_{\text{избежание конфликта интересов}} = 0,05$;
- $I_{\text{корректность, толерантность}} = 0,04$;
- $I_{\text{эффективное реагирование на запросы граждан}} = 0,03$;
- $I_{\text{беспристрастность}} = 0,03$;
- $I_{\text{политическая нейтральность}} = 0,01$;
- $I_{\text{открытость}} = 0,006$.

Итак, анализ индексов ценностей (что является более об) показал, что к стержневым декларируемым ценностям государственные служащие относят законность – 0,05, избежание конфликта интересов – 0,05, корректность, толерантность – 0,04.

Следующий вопрос имел отношение к выявлению личностных и профессиональных качеств, которые государственные служащие сегодня демонстрируют в работе. Так, на вопрос, «**Какие личностные качества сегодня демонстрируют в своей работе государственные служащие?**» ответы респондентов распределились таким образом:

- на первое место опрошенные выносят такое качество, как равнодушие – 45,3%;
- на втором месте – высокомерие – 34,7%;
- третье место занимает такое качество, как безответственное отношение к служебным обязанностям – 31,6%;
- далее расположено такое качество, как грубость – 30,7%;
- на пятом месте – злоупотребление служебным положением – 30,5%;
- на амбициозность указали 29,3% респондентов;

- такое же количество – 29,3% госслужащих отметили роль профессионализма в работе;
- про ответственность вспомнили 28,4%;
- 28,0% отметили такое качество, как бюрократизм;
- 25,3% указали на коррумпированность госслужащих;
- на десятом месте с показателем 25,1% – нечестность и непорядочность;
- трудолюбие занимает следующую позицию рейтинга – 21,5%;
- 21,3% респондентов акцентируют внимание на порядочности;
- 20,0% – на обязательности;
- еще 20,0% отмечают лицемерие государственных служащих;
- на четырнадцатом месте – приспособленчество с показателем в 19,4%;
- далее расположилось качество «справедливость» – 19,2%;
- на пренебрежение к законам указали 19,0% респондентов;
- 18,7% говорят о гибкости в отношениях;
- такое же количество опрошенных – 18,7% свидетельствуют об интеллигентности госслужащих;
- на восемнадцатом месте – честность – 17,3%;
- и еще 17,3% отметили презрение к людям;
- 16,0% опрошенных акцент сделали на таком качестве, как доброжелательность и это качество заняло двадцатое место рейтинга;
- далее по списку расположилось качество «коммуникабельность» – 15,0%;
- уважение к людям занимает следующую позицию с показателем в 14,7%;
- также 14,7% упоминают об имитации бурной деятельности;
- 13,3% говорят об эрудированности госслужащих;
- 12,9% вспоминают такое негативное качество, как жестокость;
- на двадцать пятом месте – коммуникативная неуравновешенность – 12,0%;
- еще 12,0% свидетельствуют о придирчивости госслужащих;

- 11,6% опрошенных указали на патриотизм;
- 10,7% из предложенного списка качеств выбрали несдержанность;
- еще 10,7% обращают внимание на компетентность;
- на следующем месте рейтинга – коммуникативная уравновешенность – 10,5%;
- далее расположено качество «эмоциональная глухота» – 9,3%;
- такое же количество респондентов – 9,3% выбрали толерантность;
- и, наконец, на последнем месте рейтинга расположилось такое качество, как педантичность с минимальным показателем в 6,7%.

Поскольку диаграмма личностных и профессиональных качеств должностных лиц органов публичной власти выглядит сложной и изобилует нагромождением данных, ее целесообразно разделить на два более компактных графика. При этом более наглядными они будут, если соблюсти принцип полярности, т.е. на одной диаграмме будут представлены положительные личностные и профессиональные качества, а на другой – негативные.

Ответы на табличный вопрос **«По Вашему мнению, какую ответственность должны нести должностные лица органов публичной власти за совершение правонарушений / преступлений?»** представлены в таблице 4.

Таблица 4

Виды ответственности должностных лиц органов публичной власти за совершение правонарушений / преступлений, %

	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Безусловно, нет	Затрудняюсь ответить
Гражданско-правовая ответственность	24,0	24,0	22,7	6,7	22,7
Дисциплинарная ответственность	37,3	29,3	9,3	4,0	20,0
Административная ответственность	30,7	26,7	16,0	3,8	22,9
Уголовная ответственность	41,3	16,0	14,7	6,7	21,3
Материальная ответственность	37,5	18,6	14,5	9,7	19,4

Итак, данные таблицы говорят о том, что госслужащие за совершение должностных преступлений и правонарушений должны нести уголовную ответственность – 41,3%, а также материальную – 37,5% и дисциплинарную – 37,3%. Эти данные соответствуют анализу индикатора шкалы «безусловно, да».

Анализ индексов по уже используемой ранее формуле, позволяет расположить виды ответственности в соответствии с принципом убывания приоритета, таким образом:

- $I_{\text{дисциплинарная ответственность}} = 0,08$
- $I_{\text{уголовная ответственность}} = 0,07$
- $I_{\text{материальная ответственность}} = 0,06$
- $I_{\text{административная ответственность}} = 0,06$
- $I_{\text{гражданско-правовая ответственность}} = 0,03$

Так, по мнению опрошенных, в первую очередь государственные служащие должны нести дисциплинарную ответственность за совершенные должностные преступления – 0,08, на втором месте по количественному показателю – уголовная ответственность – 0,07, на третьем – материальная и административная ответственность – по 0,06.

Следующий вопрос анкеты, **«Какие меры реформирования государственной службы могут способствовать предотвращению преступности должностных лиц органов публичной власти?»** получил такое процентное распределение ответов:

– основная масса респондентов – 53,3% считают, что основным направлением реформирования должен стать приоритет прямых денежных выплат («живых» денег над «теневыми» льготами и привилегиями);

– на втором месте по количественному показателю – компенсированные ограничения (справедливая, прагматично целесообразная материальная и моральная компенсация со стороны общества ограничений отдельных гражданских прав и свобод, которые «добровольно» берет на себя государственный служащий в виде определенных привилегий) – 37,5%;

– на третье место респонденты выносят надлежащее научно-методическое, материально-техническое и технологическое обеспечение выполнения государственными служащими их функций с показателем в 32,0%;

– далее в порядке убывания приоритета – мера соблюдения прозрачности (открытости для общественного контроля) – 30,7%;

– приоритет профессиональных качеств (профессионализм государственных служащих, с учетом конкурсного порядка замещения, объективной системой отбора и оценки кадров, контрактной формы трудовых отношений государственного органа и служащего) на пятом месте списка – 26,7%;

– еще 26,7% опрошенных отметили необходимость постоянного мониторинга и анализа существующей ситуации в кадровом обеспечении государственной службы и перспективное прогнозирование изменений;

– 25,3% выступают за необходимость внедрения принципа служебной лояльности (приверженность, моральный долг быть лояльным служебному долгу);

– 21,7% говорят о проблеме системности подготовки и переподготовки кадров;

– принцип этичности (повышенное внимание к моральным качествам чиновничества, к проблемам административной морали) является приоритетным для 21,3% опрошенных;

– 15,6% акцент сделали на внедрении принципа «вывод за штат» и перевода на хозрасчет значительной части функций государственной службы (сокращение и удешевление государственной службы; уменьшение «экономического поля» для коррупции путем выведения хозяйственных, технических и других сервисных служб за пределы государственной службы);

– 14,9% респондентов отмечают необходимость статусного разделения политических и карьерных административных должностей;

– наконец, 14,3% должностных лиц органов публичной власти упомянули необходимость ориентации на «клиента» (потребителя) как приоритет деятельности государственного служащего (чиновник служит гражданам, прямо и косвенно).

На последний вопрос анкеты **«Как вы считаете, какие именно гарантии законности деятельности государственных служащих являются сегодня наиболее эффективными?»** ответы респондентов распределились таким образом:

– в первую очередь опрошенные считают, что необходим высокий уровень контроля и надзора за соблюдением режима законности на службе с целью выявления, предупреждения и пресечения должностных правонарушений – 43,8%;

– вторая по количественному показателю группа госслужащих отмечает, что приоритет имеет качественная работа самих служащих, которая состоит из многих факторов служебной деятельности и охватывает широкий круг служебных и моральных проблем – 40,4%;

– на третье место вынесли альтернативу «личный профессиональный уровень правового сознания и правовой культуры госслужащего» – 39,4%;

– 31,8% в качестве важнейшего направления видят эффективное принятие мер юридической защиты и юридической ответственности служащих, что ведет к восстановлению нарушенных прав и неотвратимого наступления наказания за допущенные правонарушения по службе;

– 31,2% акцентируют внимание на постоянном совершенствовании и улучшении правовой формы управленческой деятельности, т. е. юридического процесса в государственных органах;

– наименьшая количественная категория опрошенных – 17,3% отмечают, что к эффективным гарантиям законности сегодня можно отнести полноту и эффективность правового регулирования, что адекватно отражает основные закономерности и тенденции развития службы как управленческого процесса в государственных органах.

Таким образом, проанализировав определенную имеющуюся информацию, можно сформулировать некоторые выводы исследования:

1. Итак, в исследовании приняли участие преимущественно мужчины – 77,5% и 22,5% женщин (данное распределение приблизительно характеризует поло-возрастную структуру органов публичной власти на территории как России так и Украины, когда на большинство должностей руководителей и специалистов стараются подбирать сотрудников, руководствуясь именно по поло-возрастными критериями).

Возрастные группы, в которых больше всего респондентов – это 26-35 лет и 36-45 лет – соответственно 39,8% и 34,7%. С профессиональной точки зрения респонденты были поделены на две количественно неравномерные группы, одна из которых – 25,3% – это руководители, а большая – 74,7% – специалисты. Из них, 25,3% были представлены седьмой категорией госслужбы, 22,7% – шестой, 18,7% – пятой, 10,9% – четвертой. Госслужащих второй-третьей категорий было опрошено 11,8% (суммарный показатель).

2. Немаловажное значение для исследования имел анализ социально-психологических факторов преступности в крымском социуме. В большинстве своем респонденты акценты делали на трех основных факторах – несовершенстве действующего законодательства (56,4%), появлении и росте безработицы (56,0%) и резком понижении уровня жизни большинства населения (46,5%). Крайне редко упоминаются факторы маргинализации общества – 3,0%, межнациональных и межрелигиозных конфликтов, споров – 4,0%, общественной разобщенности – 8,0%.

Если провести анализ факторов в соответствии с их систематизацией, то из всех категорий, в качестве современных основных факторов преступности, по мнению респондентов, преобладают социальные факторы, затем расположились экономические,

нормативные и законодательные, образовательные и воспитательные и, на последнем месте по количественным показателям, идеологические и культурные. Итак, полученными данными подтверждается прямая гипотеза № 1.

3. Уровень и степень распространенности преступности должностных лиц органов публичной власти, с точки зрения опрошенных имеет такой вид – наиболее высокий уровень наблюдается в центральных органах публичной власти – 30,7%, затем идут органы местного самоуправления – 24,0% и региональные органы власти – 22,7%. Суммарные показатели индикаторов шкалы «высокий уровень» и «выше среднего» подтверждают указанные тенденции. Соответственно, с точки зрения опрошенных, самый низкий уровень должностной преступности в региональных органах власти – 18,7%, органах местного самоуправления – 14,6%, органах государственной власти – 9,3%. Эти данные всесторонне подтверждают прямую гипотезу № 2.

4. В первую пятерку наиболее часто совершаемых правонарушений / преступлений должностных лиц органов публичной власти попали (в порядке убывания количественного показателя) злоупотребление должностными полномочиями – 64,0%, нецелевое использование бюджетных средств – 62,7%, превышение должностных полномочий – 40,0%, нарушение порядка распределения и перераспределения бюджетных средств – 38,7%, нарушение порядка выделения земель – 33,3%. По словам опрошенных должностных лиц органов публичной власти, к должностным преступлениям, которые встречаются достаточно редко можно отнести нарушение порядка осуществления контролируемых мероприятий – 4,0%, воспрепятствование предпринимательской деятельности и нарушение требований относительно уведомления о конфликте интересов – по 4,2%, нарушение установленных законом ограничений относительно получения подарка / пожертвования – 5,3%, нарушение ограничений относительно совместительства и совмещения ограничений с другими видами деятельности – 9,1%. Подтверждается прямая гипотеза № 3.

5. Причины совершения правонарушений / преступлений должностными лицами органов публичной власти, в первую очередь, лежат в материальной плоскости, поскольку двигательной силой данного вида преступлений является преимущественно

обеспечение собственного материального благосостояния – 68,0%, а также желание больше зарабатывать – 61,3% и обеспечение надлежащего состояния существования семьи служащего – 52,0%. Если проводить анализ мотивационных групп, то мотивы, которые основываются на материальной составляющей (материальное благосостояние, решение бытовых проблем и т. п.) упоминаются вдвое чаще, чем мотивы, имеющие психологическое основание (достойное место в обществе, установление деловых связей, стремление завоевать личный статус, повышение престижа и авторитета). Полученные данные опровергают прямую, и, наоборот, безоговорочно подтверждают обратную гипотезу № 4.

6. К сдерживающим элементам социального контроля для должностных лиц органов публичной власти опрошенные госслужащие и служащие органов местного самоуправления относят боязнь уголовного наказания – 60,2% и страх материального наказания – 19,6% (страх уголовного наказания у многих ассоциируется с возможностью применения конфискации имущества чиновника). Несколько выделяется из общей массы такой сдерживающий элемент, как совесть (второе место после страха уголовного наказания), на который указали 44,2%.

7. К мотивам самооправдания преступного поведения, которые демонстрируют должностные лица органов публичной власти, относятся возможность решить собственные проблемы – 68,0%, отрицание предмета преступного посягательства и тем самым игнорирование вредных последствий и общественной опасности деяния и искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности применения наказания – по 57,3%, стремление быть «в команде» – 53,3%. Т.е. желание решить собственные проблемы прослеживается и в ответах на данный вопрос и, вдобавок, данная мотивация обнаруживает и демонстрирует тенденцию командности вместе с уверенностью о том, что санкций за совершенное преступление можно избежать.

8. Главные причины преступных проявлений в органах публичной власти кроются в экономических факторах – 60,0%. К этому добавляются и некоторые аспекты, имеющие отношение к низкой правовой культуре госслужащих и правовому нигилизму – 37,3%, а также наличие коррумпированных связей с контролирующими органами и органами надзора – 32,9%, что и помогает из-

бегать привлечение к ответственности и наказанию за совершенные преступления / правонарушения. Что касается законодательной части вопроса, то низкое качество законодательной техники изложения нормативно-правовых актов отмечают 21,3% респондентов, а еще 20,2% – на несовершенство правоохранительных органов и органов государственной безопасности, что является некоторыми первопричинами в невозможности или нежелании качественно расследовать данный вид преступлений.

9. В качестве декларируемых стержневых ценностях органов публичной власти опрошенные, прежде всего, видят законность – 30,7%, эффективное реагирование на запросы граждан – 28,2% и корректность, толерантность – 25,3%, что в некоторой степени не соответствует точке зрения рядовых граждан на указанную проблему. Характерным является и ответ относительно политической принадлежности или нейтральности – по мнению многих – это та ценность, которой как раз госслужащие, zaangażированные теми или иными политическими силами, и не придерживаются. Расчет индексов декларируемых ценностей также свидетельствует о большом удельном весе понятий законность – 0,05 и корректность, толерантность – 0,04. Однако к этому добавляется и избежание конфликта интересов – 0,05. Данные частично подтверждают как прямую, так и обратную гипотезу № 5.

10. Довольно обширный ранжированный вопрос о личностных и профессиональных качествах госслужащих, показал, что в первую пятерку присущих данной профессиональной категории качеств, входят равнодушие – 45,3%, высокомерие – 34,7%, безответственное отношение к служебным обязанностям – 31,6%, грубость – 30,7%, злоупотребление служебным положением – 30,5% – т. е. все без исключения отрицательные личностные и профессиональные качества. Лишь на седьмом и восьмом месте рейтинга находятся два положительных качества – соответственно профессионализм – 29,3% и ответственность – 28,4%. Вообще же негативные качества упоминались респондентами в полтора раза чаще, чем позитивные. Подтверждается прямая гипотеза № 6.

11. Вопрос о возможной ответственности должностных лиц органов публичной власти за совершение ими правонарушений / преступлений показал, что опрошенные выступают за уголовную ответственность – 41,3%, а также материальную – 37,5% и дис-

циплинарную – 37,3%. В то время как суммарный показатель индексов говорит о приоритете дисциплинарной ответственности – 0,08, а уже потом об уголовной – 0,07 и материальной – 0,06. К указанному списку добавляется еще и административная ответственность – 0,06. Данные исследования частично подтверждают и прямую, и обратную гипотезу № 7.

12. К некоторым мерам реформирования органов публичной власти опрошенные отнесли такие направления – приоритет прямых денежных выплат («живых» денег над «теневыми» льготами и привилегиями) – 53,3%, компенсированные ограничения (справедливая, прагматично целесообразная материальная и моральная компенсация со стороны общества ограничений отдельных гражданских прав и свобод, которые «добровольно» берет на себя должностное лицо органов публичной власти в виде определенных привилегий и льгот) – 37,5%, а также надлежащее научно-методическое, материально-техническое и технологическое обеспечение выполнения должностными лицами органов публичной власти своих функций – 32,0%. Так, как видно из полученных результатов исследования, все опять крутится вокруг материального фактора – должностные лица органов публичной власти – респонденты упорно акцентируют свое внимание и внимание исследователя на проблеме низкого вознаграждения за свою работу. Такое распределение ответов имеет под собой реальную основу – заработная плата чиновников в Украине достаточно низкая (на уровне прожиточного минимума) и, поскольку большинство опрошенных имеют статус специалистов и невысокую категорию их зарплата далека от желаемой, что и проецируется на соответствующие ответы. К низким количественным показателям можно отнести такие направления реформирования, как статусное разделение политических и карьерных административных должностей – 14,9% и ориентация на «клиента» (потребителя) как приоритет деятельности государственного служащего – 14,3%. Данные ответы частично подтверждают прямую гипотезу № 8.

13. Наконец, оценка гарантий законности деятельности государственных служащих как эффективных, выявила, что респонденты обращают внимание на необходимость высокого уровня

контроля и надзора за соблюдением режима законности на службе с целью выявления, предупреждения и пресечения должностных правонарушений – 43,8%, качественную работу самих служащих, которая состоит из многих факторов служебной деятельности и охватывает широкий круг служебных и моральных проблем – 40,4% и личный профессиональный уровень правового сознания и правовой культуры госслужащего – 39,4%.

Итак, результаты опроса показали, что: кадровый корпус должностных лиц органов публичной власти скорее ориентирован на удовлетворение личных нужд, а не на служение обществу и государству (предоставление административных услуг должностными лицами органов публичной власти и представление интересов граждан муниципального образования); в нижних и верхних эшелонах органов публичной власти практически одинаков удельный вес чиновников, рассматривающих свою должность как средство удовлетворения личных интересов за счет интересов общества. Подобное отношение к работе создает все условия для процветания в государственном аппарате коррупции и лоббизма.

Большое значение в системе детерминант должностной и коррупционной преступности имеют негативные личностные характеристики самих государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, а также депутатов всех уровней. К числу этих характеристик относятся такие черты, как антиобщественная установка, корысть, зависть, карьеризм, готовность принести в жертву материальной выгоде закон, нормы морали, профессиональную честь.

Добавим еще и такой факт, что чем моложе государственный служащий (отсутствует собственный жизненный опыт), тем больше он склонен к нарушению нравственных и профессиональных норм, что свидетельствует о необходимости введения возрастных ограничений при назначении на должности в органах публичной власти. Указанный тезис подтверждает положения высказанные ведущими российскими криминологами Ю.М. Анто-

няном, В.Н. Кудрявцевым и В.Е. Эминовым¹. Механизм данного сдерживающего фактора нами описывался в ряде публикаций².

Наличие во многих структурах ситуативного (а не нормативного) типа управления, позволяющего служащим решать многие вопросы по своему усмотрению, а также распространенность не уведомительного, а разрешительного порядка решения физическими и юридическими лицами тех или иных своих проблем способствует практической реализации чиновниками их корыстной мотивации.

На должностную и коррупционную преступность серьезно влияет и существующая в учреждениях социально-психологическая обстановка, признание коррупции в среде служащих нормальным явлением.

Такой вывод подтверждается и социологическим анализом этических проблем в органах публичной власти в Крыму и г. Севастополь. Проведенное исследование свидетельствует, что должностным лицам органов публичной власти присущи три группы негативных качеств:

– «профессионально-деятельностные отклонения» (бюрократизм, коррумпированность и взяточничество, злоупотребление служебным положением, превышение служебными полномочиями, пренебрежение законами или их игнорирование);

– «профессионально-моральные отклонения» (равнодушие, пренебрежение к людям, нечестность и непорядочность, беспринципность);

– «профессионально-функциональные отклонения» (имитация бурной деятельности, безответственное отношение к должностным и служебным обязанностям).

Их причинами, на момент проведения исследования, являлись такие факторы как: недостаточная правовая регламентация деятельности должностных лиц органов публичной власти; от-

¹ Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб. Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 237–238.

² Кашкаров А.А. Процесс получения высшего образования как сдерживающий фактор должностной преступности органов публичной власти. / А.А. Кашкаров / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.- практ. конф., 25–26 сентября 2014 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2014. С. 569–572.

сутствие надлежащего контроля со стороны гражданского общества; отсутствие надлежащей требовательности высших руководителей; снижение уровня моральности как в органах публичной власти, в частности, так и в обществе, в целом, низкая общая и моральна культура должностных лиц органов публичной власти.

Лидирующую позицию занимают преступления, связанные с злоупотреблением должностными полномочиями или их превышением. Распространенность этих видов преступлений связана с тем, что статус и положение чиновников позволяют им осуществлять широкий круг неправомερных действий, получая конкурентное преимущество перед иными лицами. Например, чиновники могут использовать внутреннюю (инсайдерскую) информацию, материально-техническую базу или искусственно затягивать подписание важных документов и договоров, воспрепятствование в проведение конкурсов и тендеров. Рассматриваемые преступления могут длиться долгое время, что дает возможность должностным лицам не спеша готовить почву для преступления и заметать следы.

Преступность должностных лиц органов публичной власти в Крыму на момент проведения исследования имела объективные причины:

- экономические – низкий уровень их материального обеспечения; низкие размеры должностных окладов, не выполнение социально-экономических гарантий предусмотренных законодательством;

- политические – нестабильность социально-политических процессов и государственного устройства в период проведения исследования, частая смена правящих элит в центральных органах власти, донецко-киевская клановость в центральных и основных региональных органах публичной власти;

- правовые – отсутствие надежных правовых методов регулирования и управления органами публичной власти;

- моральные – ценности в виде взятки не считаются чиновниками преступлением, а рассматриваются многими из них как простое дополнение к заработной плате и является дополнительным стимулом работы в органах публичной власти.

Не в полной мере соразмерна установленная законом ответственность лиц, виновных в совершении должностных и корруп-

ционных преступлений, с тяжестью содеянного. Содержащиеся в законах ограничения, направленные на создание механизма предупреждения и целенаправленной борьбы с должностными преступлениями в системе государственной службы, сегодня остаются всего лишь декларацией. На практике они абсолютно неэффективны.

2.2. Детерминанты преступности должностных лиц органов публичной власти в Республике Крым» (по материалам социологического исследования сотрудников правоохранительных органов Республики Крым)

В этом разделе монографии излагается мнение экспертов – сотрудников правоохранительных органов причин и условий преступности должностных лиц органов публичной власти на территории крымского полуострова в период с января по май 2014 года, проводилось методом анкетного опроса, с использованием серийного метода отбора респондентов – выборка населения от 18 лет. Всего было опрошено 763 респондента.

Объект исследования: сотрудники правоохранительных органов расположенных на территории крымского полуострова.

Предмет исследования: мнение сотрудников правоохранительных органов относительно некоторых аспектов совершения должностными лицами органов публичной власти должностных преступлений, их выявления и расследования.

Цель исследования: выявление точки зрения сотрудников правоохранительных органов относительно некоторых аспектов совершения должностными лицами органов публичной власти должностных преступлений, их выявления и расследования, а также выявление причин и условий совершения преступлений должностными лицами органов публичной власти в Крыму.

Опасность поражения органов публичной власти и других звеньев государственного механизма коррупцией, лоббизмом, мздоимством, протекционизмом и другими подобными пороками ставила и ставит на первый план во всех странах задачу уголов-

но-правовой борьбы с этими явлениями, а также обеспечения криминологической безопасности общества и органов публичной власти в сфере противодействия коррупции.

Это говорит о высокой актуальности темы исследования. Точка зрения экспертов в изучении данной проблематики представляет особый интерес, поскольку полученные данные могут всесторонне способствовать решению указанной проблемы.

С учетом сформулированной выше цели можно определить следующие **задачи исследования**:

1. Рассмотреть основные социально-психологические факторы преступности в крымском социуме.

2. Проанализировать ответы опрошенных экспертов относительно степени распространенности коррупционной преступности должностных лиц органов публичной власти.

3. Проанализировать виды преступлений, которые чаще всего должностными лицами органов публичной власти.

4. Определить причины совершения коррупционной преступлений должностными лицами органов публичной власти.

5. Провести анализ мотивов самооправдания преступного поведения должностных лиц органов публичной власти.

6. Систематизировать данные относительно гарантий законности деятельности должностных лиц органов публичной власти, являющихся сегодня наиболее эффективными.

7. Выявить точку зрения применительно к наиболее целесообразным санкциям за совершение преступных деяний в отношении должностных лиц органов публичной власти.

8. Проанализировать факторы, усложняющие работу правоохранительных органов в сфере выявления, документирования и расследования преступлений, совершенных должностными лицами органов публичной власти.

Гипотезы исследования. Данные задания позволяют сформулировать следующие гипотезы:

1. **Прямая:** с точки зрения большинства респондентов к основным социально-психологическим факторам преступности в современном обществе можно, в первую очередь, отнести резкое понижение уровня жизни большинства населения, появление и рост безработицы, интенсивное развитие коррупции во властных структурах, падение уровня производства и прочие факторы пре-

имущественно экономической направленности. **Обратная:** многие опрошенные отмечают, что основные факторы преступности лежат в социальной плоскости – социальной дезорганизации, социальной несправедливости, социальном кризисе; существенном расслоении общества, интенсивном росте социального неравенства; неэффективном и несправедливом распределении национальных богатств.

2. **Прямая:** По мнению экспертов, наиболее распространенной является преступность должностных лиц органов публичной власти на максимально высоком государственной уровне. **Обратная:** большинство опрошенных акцентируют внимание, что должностная преступность госслужащих распространена преимущественно в региональных органах власти и органах местного самоуправления.

3. **Прямая:** среди наиболее часто встречаемых видов должностных преступлений доминируют злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом (получение взятки). **Обратная:** по мнению опрошенных, к основным видам преступлений данной категории можно отнести мошенничество, нецелевое использование бюджетных средств, служебный подлог.

4. **Прямая:** большинство респондентов считают, что основными причинами совершения коррупционных преступлений совершаемых должностными лицами органов публичной власти являются обеспечение собственного материального благосостояния должными лицами органов публичной власти, желание больше зарабатывать, желание решить жилищную и другие бытовые проблемы, т. е. сугубо материальные аспекты (материальные мотивы совершения преступления). **Обратная:** респонденты придерживаются той точки зрения, что причины должностных преступлений состоят в желании установить более крупные деловые связи, завоевании личного статуса, успешности карьеры должностного лица органа публичной власти (так называемые мотивы карьеризма).

5. **Прямая:** респонденты отмечают, что среди мотивов самооправдания у должностных лиц органов публичной власти на первый план выступают убеждение в формальности норм, кото-

рые нарушаются, обыденности подобных действий, благодаря чему они расцениваются как допустимые, наглядный негативный пример коллег и исключение ответственности за возникновение ситуации, которая понимается как стечение обстоятельств. **Обратная:** опрошенные, наоборот, делают акцент на таких мотивах, как искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности применения наказания и жизненный принцип «надо жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем».

6. Прямая: респонденты обращают внимание на тот факт, что к основной гарантии деятельности должностных лиц органов публичной можно отнести принятие мер юридической защиты и юридической ответственности служащих, что ведет к восстановлению нарушенных прав и неотвратимого наступления наказания за допущенные правонарушения по службе. **Обратная:** опрошенные считают, что к подобным гарантиям, прежде всего, относится качественная работа самих должностных лиц органов публичной, которая состоит из многих факторов служебной деятельности и охватывает широкий круг служебных и моральных проблем.

7. Прямая: по мнению большинства опрошенных экспертов, наиболее целесообразными санкциями в отношении должностных лиц органов публичной власти являются штраф, конфискация имущества и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. **Обратная:** большинство опрошенных отмечают, что в качестве основных санкций за совершение должностных преступлений лучше использовать ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок и арест, т. е. более жесткие меры.

8. Прямая: эксперты считают, что к факторам, которые усложняют работу правоохранительных органов в направлении выявления преступлений, совершенных должностными лицами органов публичной власти, можно отнести слабую материально-техническую обеспеченность органов милиции, недостаточные полномочия сотрудников милиции, неправильный подбор кадров и негативное отношение населения к милиции, что также является препятствием для расследования преступлений указанной направленности. **Обратная:** сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД), на момент проведения исследования, отмечают,

что среди негативных факторов, препятствующих работе ОВД, доминируют несовершенство действующего законодательства, латентность коррупционной преступности и толерантность населения к правонарушениям / преступлениям, которые совершают должностные лица органов публичной.

Метод исследования. В качестве наиболее удобного метода исследования, который полностью отвечает поставленной цели, был выбран метод опроса – анкетирование.

Выборка. В данном исследовании использовалась *серийная выборка*, при которой случайным методом отбирались группы, внутри которых проводился сплошной опрос. В процентных данных может наблюдаться незначительная статистическая ошибка в границах $\pm 0,3\%$ (что связано с округлением данных до десятых). Всего в исследовании приняли участие 763 респондента. Опрос проводился на территории крымского полуострова.

Описание инструментария. Анкета состоит из 43 вопросов. Из них: 35 – закрытых, где респонденты выбирали один или несколько вариантов ответов, которые в данный момент соответствовали их точке зрения относительно исследуемой проблемы и не имели возможности дать собственный ответ; 7 вопросов – полужакрытого типа, где наряду с предложенными в анкете альтернативами был предусмотрен и свой вариант ответа; 1 открытый вопрос, на который респонденты должны были ответить самостоятельно.

Четыре вопроса – демографического характера: с их помощью был проанализирован пол и возраст респондентов, профессиональная направленность (структурное подразделение) и территориальное распределение.

К проблемам анкетирования, возникших во время проведения исследования, можно отнести только одну основную – незначительное количество опросных документов было отбраковано в связи с некачественным (неполным) заполнением.

Анализ демографического блока.

Распределение респондентов в соответствии с критерием «пол» выглядит таким образом: всего было опрошено 75,2% мужчин (574 человека) и 24,8% женщин (189 человек).

Если принимать во внимание *возрастные характеристики* опрошенных, то тут данные получили такое распределение:

- 17,4% опрошенных – в возрасте 18–25 лет;
- 60,6% – в возрасте 26–35 лет;
- 16,5% – в возрасте 36–45 лет;
- 4,6% – в возрасте 46–55 лет;
- 0,9% – в возрасте от 56 лет и старше.

С точки зрения *профессионального статуса*, об опрошенных были получены такие сведения:

- респондентов, которые представляют оперативный состав ОВД (подразделения по борьбе с экономической преступностью, подразделения по борьбе с организованной преступностью) опрошено 30,3%;

- сотрудников подразделений следствия ОВД – 6,4%¹;

- представителей органов государственной безопасности – 20,2;

- сотрудников прокуратуры (в том числе следственные подразделения прокуратуры², а также надзирающих прокуроров) – 15,6%;

- другие подразделения (сотрудники иных оперативных подразделений ОВД, штаба, управления кадрового обеспечения, ВУЗа системы МВД) – 27,5%.

Первый вопрос, который был проанализирован, носил общую нагрузку и нацелен на выявление **основных социально-психологических факторов преступности в современном обществе**. Ответы респондентов на данный вопрос получили такое распределение (сумма ответов превышает 100,0%, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов из всего списка предложенных):

- чуть больше половины опрошенных – 54,1% отметили, что к основным факторам преступности, в первую очередь, стоит отнести резкое понижение уровня жизни большинства населения;

¹ В соответствии с УПК Украины 2012 года расследование должностных (коррупционных) преступлений отнесено к компетенции следственных подразделений ОВД.

² В соответствии с УПК Украины 2012 года расследование должностных (коррупционных) преступлений совершенных должностными лицами, признанными в соответствии с Законом Украины «О государственной службе в Украине» государственными служащими I-III отнесено к компетенции следственных подразделений органов прокуратуры.

– на втором месте – появление и рост безработицы – такую точку зрения поддерживают 50,5%;

– третью позицию занимает фактор, который свидетельствует о несовершенстве действующего законодательства – 46,8%;

– интенсивное развитие коррупции в органах публичной власти, в том числе в высших эшелонах является причиной роста преступности с точки зрения 44,0% сотрудников правоохранительных органов и органов государственной безопасности;

– на недостатки системы воспитания (семейного, религиозного, школьного, общественного) указали 42,2% респондентов – данная альтернатива замыкает первую пятерку факторов;

– на шестом месте, с точки зрения респондентов, социальная дезорганизация, социальная несправедливость, социальный кризис – 40,4%;

– как считают 38,5% экспертов, причиной всему – неэффективная судебная система;

– 35,8% акцентируют внимание на падении авторитета закона и других нормативных актов государственной власти;

– треть опрошенных – 33,0% отмечают, что к факторам преступности можно также отнести и существенное расслоение общества, интенсивный рост социального неравенства;

– на десятом месте, по словам респондентов, кризис системы обучения и воспитания подрастающего поколения (кризис семьи, школьного образования, системы спортивных секций и центров досуга) – 28,7%;

– на снижение эффективности работы милиции и прокуратуры, отток из этих органов опытных, энергичных кадров акцент сделала четверть опрошенных – 24,8%;

– 22,9% считают, что к основным факторам преступности также можно отнести падение уровня производства;

– про неэффективное и несправедливое распределение национальных богатств напомнили 20,2%;

– 19,3% обратили внимание и на фактор ухудшения здоровья нации (физического, психического, морального);

– 18,3% критически относятся к самой структуре, в которой они работают, акцентируя внимание на дефекты функционирова-

ния правоохранительных органов (эта альтернатива занимает пятнадцатое место);

– по словам 17,4% сотрудников ОВД, к факторам преступности стоит отнести и низкую эффективность позитивного информационного и идеологического влияния, идеологический кризис;

– 10,1% указали на маргинализацию общества;

– про экспансию западной культуры и развитие идеологии потребления вспомнили 8,3% опрошенных;

– 7,5% считают, что к факторам преступности относится и общественная разобщенность;

– на двадцатом месте – межнациональные и межрелигиозные конфликты, споры – 5,5%;

– последнее место рейтинга с минимальным показателем в 3,7% занимает альтернатива относительно неэффективного функционирования пенитенциарной системы.

Ответы на второй вопрос **«Как бы Вы оценили степень распространенности преступности должностных лиц органов публичной власти?»**.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили степень распространенности преступности должностных лиц органов публичной власти?»

	Высокий уровень	Выше среднего	Средний уровень	Ниже среднего	Низкий уровень	Затрудняюсь ответить
Органы государственной власти	40,4	24,8	22,0	3,7	0,9	8,3
Региональные органы власти	27,5	31,2	22,9	4,6	2,8	11,0
Органы местного самоуправления	33,9	25,7	24,8	3,7	2,8	9,2

Итак, респонденты считают, что наиболее высокий уровень преступности должностных лиц органов публичной власти демонстрируют органы государственной власти – 65,2% (сумма ответов индикаторов шкалы «высокий уровень» и «выше среднего»). На втором месте – органы местного самоуправления – с су-

мой показателей в 59,6%. На третьем месте с незначительным отрывом от второго – региональные органы власти – 58,7%. Такая же тенденция прослеживается и в количественных показателях альтернатив с учетом исключительно одного индикатора шкалы – «высокий уровень».

Следующий вопрос анкеты, – **«Какие правонарушения / преступления чаще совершают должностные лица органов публичной власти?»** позволил выстроить рейтинг должностных преступлений:

- на первом месте – злоупотребление должностными полномочиями – 88,1%;

- на втором с показателем 60,8% – превышение должностных полномочий;

- на третьем месте – нецелевое использование бюджетных средств – 46,8%;

- служебная халатность с показателем 42,2% занимает четвертое место рейтингового списка;

- замыкает пятерку основных должностных преступлений с точки зрения экспертов – служебный подлог – 35,8%;

- далее следует такой вид преступления, как незаконное участие в предпринимательской деятельности – 32,9%;

- принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом (получение взятки) – 31,2%;

- на нарушение порядка выделения земель указали 27,5% опрошенных;

- такое же количество респондентов – 27,5% акцент делают на такой вид преступления, как хищение путем присвоения или растраты чужого имущества;

- 26,6% считают, что одним из основных должностных преступлений является мошенничество – 26,6%;

- на десятом месте – регистрация незаконных сделок с землей – 21,9%;

- далее, по мнению экспертов, следует такой вид преступлений, как нарушение порядка распределения и перераспределения бюджетных средств – 18,3%;

- на непринятие мер по противодействию коррупции указали 16,5%;
- 14,7% отметили нарушение порядка приватизации государственного имущества;
- коммерческий подкуп отметили 12,8% опрошенных;
- такое же количество экспертов – 12,8% указывают на незаконное использование информации, которая стала известна при выполнении служебных полномочий;
- еще 12,8% напоминают о нарушении порядка выдачи разрешительных документов;
- пятнадцатую позицию занимает нарушение установленных законом ограничений относительно получения подарка / пожертвования – 6,4%;
- еще 6,4% акцентируют внимание на нарушении ограничений относительно совместительства и совмещения ограничений с другими видами деятельности;
- с показателем 4,6% идет нарушение требований финансового контроля;
- нарушение порядка осуществления контролирующих мероприятий также находится в конце рейтинга должностных преступлений – 4,6%;
- 1,8% считают, что к числу должностных преступлений относится воспрепятствование предпринимательской деятельности;
- на последнем месте рейтинга – нарушение требований относительно уведомления о конфликте интересов – 1,2%;
- свой вариант ответа отметили 0,9% респондентов (откат).

Анализ причин **совершения правонарушений / преступлений должностными лицами органов публичной власти** по результатам социологического опроса получил такое распределение данных:

- основной причиной преступного поведения должностных лиц сотрудники правоохранительных органов считают обеспечение собственного материального благосостояния – 71,6%;
- на втором месте смежная позиция, которая в качестве контрольного маркера, подтверждает предыдущую альтернативу –

желание больше зарабатывать – 54,1% опрошенных отметили данную позицию;

– желание решить жилищную и другие бытовые проблемы также является причиной должностных преступлений – 49,5%;

– по мнению 38,8% экспертов, не последней из причин есть обеспечение надлежащего состояния существования семьи служащего;

– треть респондентов – 33,0% считают, что желание установить более крупные деловые связи также является движущей силой для многих госслужащих;

– 19,3% акцент делают на альтернативу – стремление госслужащих завоевать личный статус, т.е. пытаться попасть в референтную группу;

– такая же в количественном составе группа респондентов – 19,3% обращает внимание на альтернативу «успешность карьеры»;

– повышение собственного престижа и авторитета, по мнению 18,3% сотрудников милиции, также является одной из причин должностных преступлений;

– 15,6% экспертов обратили внимание на стремление госслужащих занять достойное место в обществе;

– 13,8% считают, что причиной может выступать и перспектива дальнейшего профессионального роста;

– желание достичь высокой самооценки – на эту причину указали 12,8% опрошенных;

– с точки зрения 11,9%, одним из мотиваторов деструктивного поведения может быть и желание повысить самоуважение и уровень собственного достоинства;

– 11,0% также обращают внимание на стремление завоевать личный статус, но уже в контексте добиться признания со стороны референтной группы (друзей, приятелей, сверстников, коллег по работе);

– последнюю позицию с минимальным показателем занимает стремление более полно реализовать себя в управленческой сфере – 7,3%.

Следующий вопрос имел отношение к изучению **существующих сдерживающих элементов социального контроля**

для должностных лиц органов публичной власти. Так, ответы на указанный вопрос получили такое распределение:

– большинство опрошенных – 69,7% считают, что основным сдерживающим фактором для должностных лиц органов публичной власти может быть страх уголовного наказания;

– вдвое меньшее количество респондентов – 30,3% также делают акцент на опасении наказания, но уже материального;

– на третьем месте – отсутствие условий для совершения преступлений – так ответила четверть экспертов – 24,1%;

– понятие совести, как сдерживающего элемента, может быть эффективным с точки зрения 17,4% респондентов;

– 12,7% настроены пессимистично и отмечают, что таких сдерживающих элементов социального контроля в настоящее время нет;

– 11,9% сотрудников ОВД отмечают, что сдерживающим фактором может быть и общественное осуждение;

– 6,4% экспертов указали на стереотипы законного поведения;

– 2,6% отметили свой вариант ответа (отсутствие бюрократических процедур; затрудняюсь ответить).

Следующий вопрос **«Как Вы считаете, какие мотивы самооправдания преступного поведения демонстрируют должностные лица органов публичной власти?»** был табличным. Ответы на него также будут иметь табличную форму (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«Какие мотивы самооправдания преступного поведения
демонстрируют должностные лица органов публичной власти?»**

	Скорее да	Скорее нет
Искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности применения наказания	62,4	37,6
Жизненный принцип: «Надо жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем»	63,3	36,7
Исключение ответственности за возникновение ситуации, которая понимается как стечение обстоятельств	56,1	43,9
Изображение себя жертвой принуждения, обмана других лиц или собственных ошибок и ошибок, которые и привели к противоправным действиям	57,1	42,9
Убеждение в формальности норм, которые нарушаются, обыденности подобных действий, благодаря чему они расцениваются как допустимые	70,6	29,4
Отрицание предмета преступного посягательства и тем самым игнорирование вредных последствий и общественной опасности деяния	55,2	44,8
Облагораживание истинных мотивов своих действий, в результате чего они представляются как оправдательные и даже правомерные	66,1	33,9
Гипертрофия собственных личностных качеств	45,7	54,3
Отсутствие привычки тщательно обдумывать свои поступки и решения	41,3	58,7
Стремление быть «в команде»	54,3	45,7
Так действуют коллеги, т.е. наглядным является негативный пример	57,0	42,9
Считают, что это позволит решить собственные проблемы	72,5	27,5
Считают, что руководитель заставит делать это других	35,8	64,2

Таким образом, данные таблицы № 2 свидетельствуют о том, что к основным мотивам самооправдания должностных лиц органов публичной власти, опрошенные относят возможность решить собственные проблемы – 72,5%; убеждение в формальности норм, которые нарушаются, обыденности подобных действий, благодаря чему они расцениваются как допустимые – 70,6%; облагораживание истинных мотивов своих действий, в результате чего они представляются как оправдательные и даже правомерные – 66,1%. Соответственно, эти же маркеры занимают низшие позиции рейтинга с точки зрения мотивов самооправда-

ния, которые скорее не присущи государственным служащим. Если проанализировать альтернативы с точки зрения индикатора шкалы «скорее да», то тут минимальные рейтинговые позиции занимают такие альтернативы, как «руководитель заставит делать это других» – 35,8%; отсутствие привычки тщательно обдумывать свои поступки и решения – 41,3%; гипертрофия собственных личностных качеств – 45,7%.

«В чем состоят главные причины преступных проявлений в органах государственной власти?» – ответы на данный вопрос были распределены таким образом:

– основной причиной преступных проявлений сотрудники милиции считают экономические факторы (например, низкий уровень вознаграждения, неразвитость механизмов реализации социальных гарантий) – 55,0%;

– 51,4% отметили, что к причинам должностных преступлений можно отнести коррумпированные связи должностных лиц органов публичной власти с контролирующими органами и органами надзора;

– по мнению 42,2% виной всему низкая правовая культура государственных служащих;

– 41,3% экспертов обращают внимание на непрозрачность работы должностных лиц органов публичной власти;

– 33,9% респондентов акцент делают на отсутствии надзора и контроля как способов обеспечения законности в государственном управлении;

– слабый внутренний контроль за работой должностных лиц органов публичной власти – этот аспект также есть причиной преступности госслужащих – это точка зрения 28,4% опрошенных;

– 27,5% отметили неприменение мер ответственности за должностные нарушения;

– по мнению 23,7% причина лежит в отсутствии ответственности за очевидные, частые правонарушения должностных лиц в этой сфере;

– 22,0% опрошенных считают, что к причинам должностных преступлений можно отнести отсутствие «специализированных», детализированных запретов и ограничений в той или иной

области деятельности государственных служащих (для органов по управлению имуществом, налоговых и др.);

– 17,4% сотрудников ОВД отмечают несовершенство правоохранительных органов;

– 15,6% – низкое качество норм закона;

– еще 15,6% – низкая степень регламентации труда государственных служащих;

– правовой нигилизм с точки зрения 13,8% сотрудников милиции также является причиной преступных проявлений в органах государственной власти;

– 11,3% экспертов ко всему перечисленному относят и неразвитость институтов гражданского контроля;

– 11,0% – отсутствие Кодекса поведения государственных служащих;

– на последнем месте – высокая интенсивность контактов с гражданами и организациями – 10,1%.

Ответы на следующий табличный вопрос **«По Вашему мнению, какую ответственность должны нести должностные лица органов публичной власти за совершение правонарушений / преступлений?»** представлены в таблице 7.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Какую ответственность должны нести должностные лица органов публичной власти за совершение правонарушений / преступлений?»

	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Безусловно, нет	Затрудняюсь ответить
Гражданско-правовая ответственность	34,9	23,9	13,8	5,5	22,0
Дисциплинарная ответственность	39,4	28,4	13,8	2,8	15,6
Административная ответственность	35,8	31,2	11,0	2,8	19,3
Уголовная ответственность	67,0	15,6	4,6	3,7	9,2
Материальная ответственность	56,9	21,1	4,6	6,4	11,0

Данные предыдущей таблицы говорят о том, что, по мнению сотрудников правоохранительных органов, должностные лица органов публичной власти должны нести за совершенные коррупционные преступления уголовную ответственность – 82,6%, а также материальную ответственность – 78,0% (по данным суммы индикаторов шкалы «безусловно, да» и «скорее, да»). На третьем месте – дисциплинарная ответственность – 67,8%, далее расположены административная ответственность – 67,0% и гражданско-правовая ответственность – 58,8%.

Ответы на следующий вопрос анкеты **«Как вы считаете, какие именно гарантии законности деятельности должностных лиц органов публичной власти являются сегодня наиболее эффективными?»** получили такое распределение:

– на первое место эксперты вынесли качественную работу самих служащих, которая состоит из многих факторов служебной деятельности и охватывает широкий круг служебных и моральных проблем – 47,7%;

– второе место заняла альтернатива относительно необходимости осуществления высокого уровня контроля и надзора за соблюдением режима законности на службе с целью выявления, предупреждения и пресечения должностных правонарушений – 45,0%;

– такое же количество респондентов – 45,0% отметили, что к эффективным гарантиям законности можно отнести и принятие мер юридической защиты и юридической ответственности служащих, что ведет к восстановлению нарушенных прав и неотвратимого наступления наказания за допущенные правонарушения по службе;

– на третьем месте – личный профессиональный уровень правового сознания и правовой культуры должностного лица органа публичной власти – данную альтернативу выбрали 42,2% респондентов;

– чуть меньше трети опрошенных – 31,2%, отметили необходимость постоянного совершенствования и улучшения правовой формы управленческой деятельности, т.е. юридического процесса в органах публичной власти;

– на последнем пятом месте – полнота и эффективность правового регулирования, что адекватно отражает основные закономерности и тенденции развития службы как управленческого процесса в государственных органах – 23,9%.

На следующий вопрос **«По Вашему мнению, какие санкции должны быть наиболее целесообразными в отношении должностных лиц органов публичной власти за совершение преступных деяний?»** ответы представлены в таблице 8.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Какие санкции должны быть наиболее целесообразными в отношении должностных лиц органов публичной власти за совершение преступных деяний?»

	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Безусловно, нет	Затрудняюсь ответить
Штраф	39,4	34,9	7,3	1,8	16,5
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	63,3	22,8	3,7	1,9	8,2
Общественные работы	22,9	25,7	25,7	11,0	14,7
Исправительные работы	20,2	26,6	27,5	10,1	15,6
Конфискация имущества	42,2	31,2	11,9	3,7	11,0
Арест	37,6	29,4	12,8	5,5	14,7
Ограничение свободы	32,9	29,4	14,7	5,6	17,4
Лишение свободы на определенный срок	51,4	21,1	7,3	6,4	13,8

Итак, если оперировать суммой индикаторов шкалы «безусловно, да» и «скорее, да», то наиболее целесообразной санкцией эксперты считают лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 86,1%. На втором месте – штраф – 74,3%, на третьем – конфискация имущества – 73,4% и лишь затем – лишение свободы на определенный срок – 72,5%.

В данном вопросе интерес представляет расчет Индексов санкций. Данное действие можно выполнить с применением следующей формулы:

$$I_{\text{санкций}} = ((+1.0 \cdot n_1) + (+0.5 \cdot n_2) + (0 \cdot n_3) + (-0.5 \cdot n_4) + (-1.0 \cdot n_5)) / N, \text{ где}$$

n_1 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «безусловно, да»

n_2 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «скорее, да»

n_3 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «затрудняюсь ответить»

n_4 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «скорее, нет»

n_5 – количество респондентов, которые выбрали индикатор «безусловно, нет»

N – общее количество респондентов, которые приняли участие в опросе

Так, указанные индексы санкций в рейтинговом списке получили такое распределение: $I_{\text{лишение права занимать должности}} - 0,09$; $I_{\text{штраф}} - 0,07$; $I_{\text{лишение свободы}} - 0,07$; $I_{\text{конфискация имущества}} - 0,06$; $I_{\text{арест}} - 0,05$; $I_{\text{ограничение свободы}} - 0,05$; $I_{\text{общественные работы}} - 0,02$; $I_{\text{исправительные работы}} - 0,01$

Полученные данные подтверждают общее распределение и также свидетельствуют о том, что приоритетными санкциями для преступников государственных служащих, сотрудники органов внутренних дел видят лишение права занимать определенные должности, штрафные санкции и лишение свободы – это первая тройка санкций. Далее расположились в порядке убывания конфискация имущества, арест, ограничение свободы, общественные работы и исправительные работы.

На вопрос «**Нужно ли усилить санкции за совершение преступлений должностными лицами органов публичной власти?**» почти половина респондентов – 47,7% ответили, что, безусловно, такая мера должна иметь место. Треть опрошенных – 31,2% скорее придерживается данной точки зрения. 13,8% отвечают, что они скорее не считают целесообразным усиливать санкции за совершение преступлений госслужащими, а 1,8% вообще выступают против данной меры. 5,5% экспертов затруднились с ответом на вопрос.

Считаете ли Вы достаточными меры, которые осуществляют правоохранительные органы по противодействию совершению преступных деяний должностными лица-

ми органов публичной власти?» – так был сформулирован следующий вопрос. При этом большинство экспертов – 67,0% уверены в том, что меры правоохранительных органов недостаточны. Лишь 16,8% опрошенных придерживаются той точки зрения, что мер достаточно, а 16,3% не ответили на вопрос.

На вопрос, **«Какие факторы, на Ваш взгляд, в большей степени усложняют работу правоохранительных органов в направлении выявления преступлений, совершенных должностными лицами органов публичной власти?»** ответы респондентов получили такое распределение:

– на первом месте у экспертов – слабая материально-техническая обеспеченность – 45,0% указали именно на данный фактор;

– 37,6% среди причин, которые усложняют работу ОВД и прочих правоохранительных органов, видят неправильный подбор кадров;

– еще 37,6% отмечают недостаточные полномочия сотрудников ОВД для успешного выполнения своих обязанностей в подобных ситуациях;

– на третьем месте – негативное отношение населения к правоохранительным органам – 32,1%;

– на несовершенство действующего законодательства указали 28,7% опрошенных;

– пятое место занимает альтернатива – неукомплектованность кадрами – 23,9%;

– и еще такая же по численности категория – 23,9% отмечало отсутствие помощи населения;

– высокий уровень латентности коррупционной преступности – эту причину указали 21,4% респондентов;

– на недоверии населения к правоохранительным органам акцентировали внимание 22,0% опрошенных;

– 19,3% обращали внимание на толерантность населения к правонарушениям / преступлениям, которые совершают должностные лица органов публичной власти;

– на десятом месте с показателем в 18,9% – большой объем работы;

- некорректные распоряжения непосредственных начальников – на данную альтернативу указали 17,4% экспертов;
- еще 17,4% – на боязнь потерпевших обращаться за помощью в правоохранительные органы (проблема виктимизации поведения потерпевшего от коррупционного преступления);
- 16,5% считают, что одной из проблем, препятствующих качественному выполнению правоохранительными органами своих обязанностей, является кризис морали, нравственности, ценностей;
- 12,8% акцент делают на незнание населением своих прав;
- 11,9% респондентов говорят об отсутствии разработанных теоретических и методологических концепций о причинах и условиях данного вида преступления / правонарушения;
- 10,1% указывают на некомпетентность высшего руководства (кумовство, доценко-киевская клановость в высших органах публичной власти, на момент проведения исследования);
- на шестнадцатом месте альтернатива – привлечение сотрудников правоохранительных органов к выполнению обязанностей, не предусмотренных служебными обязанностями и должностными инструкциями – 7,3%;
- о дополнительных подработках сотрудников органов правопорядка, которые мешают им же качественно выполнять свои обязанности, свидетельствуют 6,4% экспертов;
- такое же количество опрошенных – 6,4% говорят о слабом контроле руководства за деятельностью сотрудников правоохранительных органов;
- 2,8% указали на свой вариант ответа (коррупция в ОВД, работа органов прокуратуры против интересов правоохранительной и судебной систем).

На последний вопрос **«Насколько эффективным есть действующее законодательство в отношении криминально-правовой охраны от преступлений, совершенных должностными лицами органов публичной власти?»** почти половина респондентов – 41,3% ответили, что действующее законодательство является достаточно эффективным, но на практике предоставленные им возможности не используются. 26,9% считают, что действующее законодательство в силу своего несовершенства

играет малозаметную (незаметную) роль при защите от данного вида преступления / правонарушения. 26,3% придерживаются той точки зрения, что реальной защиты в таких случаях нет, то есть законодательство неэффективно. Не ответили на данный вопрос 5,5% опрошенных сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, проанализировав полученный в ходе анкетирования массив информации, можно сформулировать некоторые выводы исследования:

1. В исследовании приняли участие преимущественно мужчины – 75,2% и 24,8% женщин, что свидетельствует о соответствующем гендерном отражении структуры правоохранительных органов крымского полуострова. Основные возрастные группы опрошенных – это 26-35 лет 18-25 лет и 36-45 лет – соответственно 60,6%, 17,4% и 16,5%. С профессиональной точки зрения респонденты были представлены такими подразделениями, как следствие, оперативные подразделения по линии противодействия преступлениям в сфере экономики, противодействия организованной преступности, уголовной розыск, штаб, подразделения кадрового обеспечения, постоянный состав ВУЗа системы МВД, а также представителями органов прокуратуры и органов государственной безопасности.

2. Среди перечисленных социально-психологических факторов, которые способствуют росту преступности в крымском обществе, по мнению экспертов, на момент проведения исследования доминировали преимущественно факторы экономической направленности – резкое понижение уровня жизни большинства населения (54,1%), появление и рост безработицы (50,5%), интенсивное развитие коррупции в органах публичной власти, в том числе в высших эшелонах (44,0%), падение (сокращение) уровня производства товаров (22,9%). Не последнее место занимают и альтернативы, имеющие социальные корни – социальная дезорганизация и деградация населения, социальная несправедливость, социальный кризис (40,4%), существенное расслоение общества, интенсивный рост социального неравенства (33,0%), неэффективное и несправедливое распределение национальных богатств (20,2%).

Маркеры, имеющие отношение к законодательной системе можно сгруппировать таким образом – несовершенство действу-

ющего законодательства (46,8%), падение авторитета закона и других нормативных актов государственной власти (35,8%). Внутренние проблемы правоохранительных органов и смежных структур, также не способствующие улучшению ситуации, лежат в плоскости неэффективной судебной системы (38,5%), отток из ОВД, других силовых ведомств и прокуратуры опытных, энергичных кадров (24,8%), дефекты функционирования правоохранительных органов (18,3%), неэффективное функционирование пенитенциарной системы (3,7%). Некоторые аспекты, связанные с процессами воспитания и обучения имеют такое распределение – недостатки семейной, религиозной, школьной, общественной системы воспитания (42,2%), кризис системы обучения и воспитания подрастающего поколения (кризис семьи, школьного образования, системы спортивных секций и центров досуга – 28,7%).

Отдельным блоком стоит группа альтернатив, имеющих отношение к культурным и идеологическим факторам – низкая эффективность позитивного информационного и идеологического влияния, идеологический кризис (17,4%), экспансия западной культуры и развитие идеологии потребления (8,3%), маргинализация общества (10,1%). Последний блок – это общественные отношения, в число которых входят общественная разобщенность (7,5%), межнациональные и межрелигиозные конфликты (5,5%). Особняком стоит фактор ухудшения физического, психического, морального здоровья нации (19,3%).

3. Уровень распространенности преступности должностных лиц органов публичной власти опрошенные оценивают как «высокий» или «выше среднего». При этом хуже всего оценивается ситуация с преступностью в органах государственной власти – 65,2%; на втором месте – преступность в органах местного самоуправления – 59,6%, на третьем – в региональных (крымских) органах власти – 58,7%. Таким образом, негативные акценты в многоуровневой структуре управления делаются на высший и низший уровни.

4. Если рассматривать конкретные правонарушения и преступления, которые чаще всего совершают должностные лица органов публичной власти, то, по мнению опрошенных, доминируют злоупотребление должностными полномочиями (88,1%), превышение должностных полномочий (60,8%) и нецелевое исполь-

зование бюджетных средств (46,8%). Менее 10,0% набрали такие альтернативы, как нарушение установленных законом ограничений относительно получения подарка / пожертвования, нарушение ограничений относительно совместительства и совмещения ограничений с другими видами деятельности, нарушение порядка осуществления контролирующих мероприятий, нарушение требований финансового контроля, воспрепятствование предпринимательской деятельности и нарушение требований относительно уведомления о конфликте интересов. Именно эти виды правонарушений / преступлений реже всего встречаются в органах публичной власти. Отметим, что эксперты не считают часто встречаемым видом преступления такой вид, как принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом (получение взятки) – только треть опрошенных акцентировали на этом факторе свое внимание. Еще четверть респондентов отметили такую альтернативу, как мошенничество. На наш взгляд, такое распределение несколько противоречит (в сторону занижения показателей) статистическим данным.

5. Причины совершения правонарушений / преступлений должностными лицами органов публичной власти с точки зрения экспертов, прежде всего, лежат в личностной плоскости, а именно – обеспечение собственного материального благосостояния является первопричиной данного противоправного поведения (71,6%). Другой маркер – желание больше зарабатывать (который выступал в качестве контрольного) подтверждает эту неблагоприятную тенденцию (54,1%). На третьем месте рейтинга также причина личностного характера – желание решить жилищную и другие бытовые проблемы (49,5%). Вообще же, мотиваторы деструктивного поведения у государственных служащих, в первую очередь, являются личностными с материальным подтекстом, далее следуют личностные профессиональные, личностные психологической направленности и, наконец, социальные.

6. Большинство экспертов обращают внимание на тот факт, что механизмом сдерживающего контроля для должностных лиц органов публичной власти может быть страх (боязнь) уголовного наказания (69,7%). Остальные факторы варьируются в пределах от 30,3% до 6,4%. При этом, отметим, что такой элемент контроля, как наличие стереотипов законного поведения, по мнению

сотрудников правоохранительных органов, является абсолютно недействительным. Отметим, что такое моральное качество как совесть также не является эффективным элементом социального контроля, впрочем, как и общественное осуждение. Вообще же 12,7% экспертов акцентируют внимание на том, что сдерживающих элементов в настоящее время не существует.

7. При этом среди мотивов самооправдания преступного поведения со стороны должностных лиц органов публичной власти доминирует также то, которое направлено на решение личных вопросов – возможность решить собственные проблемы (72,5%). Убеждение в формальности норм, которые нарушаются, обыденности подобных действий, благодаря чему они расцениваются как допустимые (70,6%) и облагораживание истинных мотивов своих действий, в результате чего они представляются как оправдательные и даже правомерные (66,1%) заняли, соответственно, второе и третье место в списке мотивов. То есть, как видно из полученных данных, для большинства должностных лиц органов публичной власти, по мнению сотрудников правоохранительных органов, данное противоправное поведение в большинстве случаев является обыденным и несколько оправдательными, поскольку направлены на реализацию собственных материальных или прочих личностных интересов.

8. Вопрос об основных причинах преступных проявлений в органах публичной власти выявил, что сотрудники правоохранительных органов к ним относят, прежде всего, экономические факторы (55,0%), что вполне логично, учитывая низкий уровень материального вознаграждения должностных лиц органов публичной власти. Осложняется ситуация и коррумпированными связями должностных лиц органов публичной власти с контролирующими органами и органами надзора (51,4%). К этому же добавляется и низкая правовая культура должностных лиц органов публичной власти (42,2%). Таким образом, указанные три фактора выступают главными причинами преступного поведения должностных лиц органов публичной власти. Помимо указанных факторов, многие другие также были отмечены экспертами в качестве причин преступного поведения. При этом два таких аспекта, как несовершенство правоохранительных органов и низкое каче-

ство норм закона были невысоко оценены экспертами – соответственно 17,4% и 15,6%.

9. По мнению респондентов, должностные лица органов публичной власти должны привлекаться за совершенные деяния к уголовной ответственности (82,6%), а также материальной ответственности (78,0%). Далее идут результаты относительно дисциплинарной ответственности (67,8%), административной ответственности (67,0%) и гражданско-правовой ответственности (58,8%). Учитывая все предыдущие данные вполне логичным представляется применение более жестких методов в отношении должностных лиц органов публичной власти.

10. Если принимать во внимание гарантии законности деятельности должностных лиц органов публичной власти, то наиболее эффективными экспертам представляются качественная работа самих служащих (47,7%), высокий уровень контроля и надзора за соблюдением режима законности на службе с целью выявления, предупреждения и пресечения должностных правонарушений / преступлений (45,0%) и принятие мер юридической защиты и юридической ответственности служащих (45,0%), а также личный профессиональный уровень правового сознания и правовой культуры госслужащего (42,2%).

11. Вопрос о наиболее целесообразных уголовно-правовых санкциях в отношении должностных лиц органов публичной власти за совершение преступных деяний позволяет отметить, что к числу наиболее целесообразных, эксперты, в первую очередь, относят лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (86,1%). На втором месте – штрафные санкции (74,3%), а на третьем – конфискация имущества (73,4%). Если же оперировать данными, полученными в результате подсчета индексов, то рейтинговый список санкций в первой-третьей позициях в принципе подтверждается, но ко второму месту рейтинга помимо штрафных санкций добавляется лишение свободы. Далее в порядке убывания расположились такие санкции, как конфискация имущества, арест, ограничение свободы, общественные работы и исправительные работы.

12. При этом на вопрос об усилении санкций, предусмотренных законодательством об уголовной ответственности за совершение преступлений должностными лицами органов публичной власти почти половина экспертов однозначно отмечает, что

этот законодательный аспект должен быть реализован. Добавим к сказанному, что 67,0% уверены в том, что меры правоохранительных органов в отношении противодействия совершению преступных деяний должностными лицами органов публичной власти в настоящее время явно недостаточны.

13. К факторам, усложняющим работу правоохранительных органов в направлении выявления преступлений, совершенных должностными лицами органов публичной власти сотрудники правоохранительных органов отнесли слабую материально-техническую обеспеченность (45,0%), неправильный подбор кадров (37,6%), недостаточные полномочия сотрудников правоохранительных органов для успешного выполнения своих обязанностей в подобных ситуациях (37,6%), негативное отношение населения к органам правопорядка (32,1%). Отметим еще и такой фактор, как несовершенство действующего законодательства (28,7%), поскольку далее речь пойдет именно о нем.

14. Итак, что касается законодательного аспекта, действовавшего на момент проведения исследования, применительно к его эффективности в отношении криминально-правовой охраны от преступлений, совершенных должностными лицами органов публичной власти, то, по мнению 41,3% респондентов действующее законодательство является достаточно эффективным, но на практике предоставленные им возможности не используются. 26,9% считают, что действующее законодательство играет мало-заметную (незаметную) роль при защите от данного вида преступления / правонарушения, а 26,3% придерживаются той точки зрения, что законодательство неэффективно.

2.3. Детерминанты преступности должностных лиц органов публичной власти (по материалам социологического анкетирования лиц осужденных за совершение должностных преступлений)

Эта часть монографии посвящена изучению мнения осужденных, пребывающих в местах лишения свободы, а также содержащихся в следственном изоляторе (далее – СИЗО), относительно детерминант должностной преступности в органах публичной власти, проводилось методом анкетного опроса, с исполь-

зованием серийного метода отбора респондентов учитывая принцип инкриминирования конкретных статей Уголовного кодекса Украины (а именно, ст. 190, 191, 364, 365, 367, 368 УК Украины) – выборка населения от 18 лет. Всего было опрошено 644 респондента. Исследование, в виде анкетирования, проводилось в период с декабря 2013 года по май 2014 года.

Объект исследования: осужденные за должностные преступления, которые в период проведения исследования отбывали наказание в местах лишения свободы, а также лица содержащиеся в СИЗО, которые обоснованно подозревались в совершении коррупционных преступлений.

Предмет исследования: мнение осужденных, которые отбывают наказание в местах лишения свободы относительно некоторых аспектов совершения должностных преступлений.

Цель исследования: выявление точки зрения осужденных лиц определенных категорий (ст.ст.190 (мошенничество), 191 (присвоение, растрата либо завладение путем злоупотребления служебным положением), 364 (злоупотребление властью либо служебными полномочиями), 365 (превышение власти либо служебных полномочий), 367 (служебная халатность), 368 (получение взятки) УК Украины), которые отбывают наказание в местах лишения свободы относительно некоторых аспектов совершения должностных преступлений.

В процессе исследования были рассмотрены некоторые личностные и профессиональные характеристики осужденных, которые, возможно, стали причиной совершения должностных преступлений; проанализированы ответы опрошенных относительно присущих им ценностных ориентаций; определена степень централизации коррупционных отношений; выявлено отношение респондентов к правовым нормам, законам, установленным государством; систематизированы негативные качества, присущие государственным служащим; дан анализ влиянию некоторых факторов на служебную деятельность государственных служащих; определена основная мотивация преступного поведения осужденных государственных служащих.

Анализ проблемной ситуации.

Преступность в органах публичной власти представляет собой совокупность совершаемых должностными лицами преступ-

лений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Общественная опасность этих преступлений состоит в том, что в результате их совершения серьезно нарушается нормальная, регламентированная соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов и органов местного самоуправления.

Основными факторами преступности должностных лиц органов публичной власти является сложность структуры органов власти, бюрократия, порождаемая самими чиновниками, отсутствие внешнего и внутриорганизационного контроля над деятельностью аппарата органов публичной власти. Ситуация существенно осложняется по причине тотальной безответственности властных структур любого уровня. Добавим к этому и слабость гражданского общества, отрыв общества от власти. Институты гражданского общества не имели реальной возможности влиять на ситуацию в сфере противодействия коррупции и должностной преступности.

Сложность обнаружения фактов совершения должностных преступлений, само служебное положение должностных лиц органов публичной власти, их совершающих, создают трудности правоохранительным органам в борьбе с этим видом преступности. Не случайно латентность должностных преступлений превышает, по мнению экспертов, 90,0%¹.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется необходимостью активизации научного поиска оптимальных путей и способов предупреждения преступности, которая в течение длительного времени демонстрирует устойчивые тенденции к увеличению.

С учетом указанной цели можно сформулировать следующие **задачи исследования:**

1. Выявить некоторые личностные и профессиональные аспекты, которые имели отношение к служебной деятельности респондентов и способствовали совершению коррупционных преступлений.

¹ Криминология. Учебник для ВУЗов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. С. 321.

2. Проанализировать ценностные ориентации, присущие опрошенным.

3. Определить степень централизации коррупционных отношений.

4. Выявить отношение респондентов к правовым нормам и законам.

5. Систематизировать негативные качества, присущие должностным лицам органов публичной власти.

6. Проанализировать влияние некоторых факторов на служебную деятельность должностных лиц органов публичной власти.

7. Определить основную мотивацию преступного поведения осужденных должностных лиц органов публичной власти.

Гипотезы исследования. Данные задания позволяют сформулировать следующие гипотезы:

1. Прямая: большинство опрошенных утверждают, что они в профессиональной сфере относились к категории лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления. **Обратная:** большее число респондентов отмечают, что они имели статус лиц, приравненных к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления.

2. Прямая: Среди наиболее содержательных для себя ценностных ориентаций, опрошенные выбирают такие, как семья, работа, свобода, человеческое достоинство, духовность, защита, любовь, уважение. **Обратная:** большинство осужденных, наоборот, выбирает ценностные ориентации, связанные с более материальной основой или силовым и властным аспектами, к примеру, – благополучие, собственность, сила, власть, месть, успех или вообще отметили, что для них не важны перечисленные понятия.

3. Прямая: большинство осужденных отмечают, что для структур, где они ранее работали, характерна децентрализованная коррупция. **Обратная:** по мнению опрошенных, для структур характерна централизованная коррупция разной направленности – как «снизу вверх», так и «сверху вниз».

4. Прямая: большинство респондентов считают, что в своей профессиональной деятельности необходимо придерживаться законов и других правовых норм. **Обратная:** многие респонденты

придерживаются той точки зрения, что не все законы безупречны, поэтому к ним необходимо относиться с учетом собственных интересов или вообще нарушать в соответствии со своими принципами.

5. Прямая: респонденты отмечают, что среди негативных качеств, присущих государственным служащим, в первую очередь, доминируют профессионально-деятельностные отклонения. **Обратная:** опрошенные, наоборот, делают акцент на профессионально-моральные отклонения должностных лиц органов публичной власти, доминирующие в их служебной деятельности.

6. Прямая: респонденты обращают внимание на факт влияния на их служебную деятельность собственных меркантильных и карьерных интересов, жизненного принципа «Нужно жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем» и гипертрофию собственных качеств. **Обратная:** опрошенные считают, что первоочередное влияние на их профессиональную деятельность и поведение оказывают указания непосредственного руководителя, желание «быть в команде» и негативный наглядный пример коллег.

7. Прямая: по словам большинства осужденных должностных лиц органов публичной власти, основными мотивами их преступного поведения были низкий уровень жизни, обеспечение собственного материального благополучия, желание больше зарабатывать и т. п. факторы личного характера. **Обратная:** большинство опрошенных отмечают, что главными мотиваторами их преступного поведения можно считать более общественные мотивы, а именно – негативный пример других, желание завоевать личный статус, т. е. получить признание в сфере профессиональной или общественной деятельности, указания руководства и т. п.

Метод исследования. В качестве наиболее удобного метода исследования, который полностью отвечает поставленной цели, был выбран метод опроса (*опросный документ – анкета прилагается*). Метод является аналогичным двум предыдущим подразделам.

Выборка. В данном исследовании использовалась *выборка серийная*, где отбирались не люди, а группы. Группы отбирались случайным методом, а внутри их проводился сплошной опрос. Достоинства и недостатки данного метода: достоинства – простой в организационном плане, снижение временных и матери-

альных затрат; недостатки – жесткий контроль количества групп в генеральной совокупности (иначе о принципе случайности речь идти не может), возможные перекосы из-за того, что на момент опроса не всегда удается застать всех членов группы.

Отметим, что в процентных данных может иметь место статистическая ошибка в границах $\pm 0,3\%$ (что связано с округлением данных до десятых).

Всего в исследовании приняли участие 644 респондента.

Описание инструментария. Анкета состоит из 47 вопросов. Из них: 38 – закрытого типа, где респонденты могли выбрать один или несколько вариантов ответов, которые в данный момент соответствовали их точке зрения относительно исследуемой проблемы; 8 – полужакрытого формата, где наряду с представленными в анкете альтернативами был предусмотрен и свой вариант ответа; 1 – открытый вопрос, на который респонденты должны были ответить самостоятельно.

Восемь вопросов – демографического характера: с их помощью можно было проанализировать пол, возраст, уровень образования, состав семьи, профессиональный статус, материальный уровень опрошенных.

Среди **проблем анкетирования**, возникших во время проведения исследования, можно выделить такие:

- отказ респондентов принимать участие в исследовании по причине нежелания общаться на данную тематику;
- незначительное количество опросных документов было отбраковано в связи с некачественным (неполным) заполнением.

В процессе исследования мы столкнулись с интересным, на наш взгляд, фактом, это то, что в группах, на момент окончания анкетирования, не возвращали от двух до десяти анкет либо анкетизируемые просили одну две анкеты забрать с собой. По нашим наблюдениям это связано с тем, что содержание анкет вызывало интерес у анкетизируемых и они хотели ознакомиться с ними в более крупной группе, а именно в отряде с другими осужденными.

Анализ демографического блока.

Распределение респондентов в соответствии с критерием «пол» выглядит таким образом: всего было опрошено 45,7% мужчин (294 человека) и 54,3% женщин (350 человек).

Если брать во внимание *возрастные характеристики* опрошенных, то тут данные получили такое распределение:

- 11,0% опрошенных – в возрасте 18–25 лет;
- 28,3% – в возрасте 26–35 лет;
- 30,3% – в возрасте 36–45 лет;
- 17,5% – в возрасте 46–55 лет;
- 8,5% – в возрасте от 56 лет и старше;
- 4,3% – свой возраст не указали.

С точки зрения *образовательного критерия*, опрошенных были получены такие сведения:

- респондентов, которые имеют среднее профессиональное образование (ПТУ) не было выявлено;
- со средним специальным образованием (колледж, техникум) было опрошено 7,5% осужденных;
- 39,6% респондентов получили высшее образование (диплом бакалавра);
- еще 53,0% получили также высшее образование (диплом специалиста, магистра).

Анализ характеристик *критерия «состав семьи»* позволяет отметить, что из опрошенных осужденных 34,6% в браке не состоят; 37,1% состоят в браке; 21,7% разведены; 2,2% имеют статус вдовца / вдовы.

Вопрос о содержании детей / ребенка выявил, что у 51,4% респондентов действительно на иждивении пребывает несовершеннолетний ребенок или несколько детей; у 48,6% на иждивении несовершеннолетних детей нет.

Распределение опрошенных с точки зрения их *профессионального статуса* имеет следующий вид. В соответствии с Законом Украины «О государственной службе» они были поделены на две группы: лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления (49,7%) и лица, которые приравниваются к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления (50,4%).

Распределение респондентов из первой профессиональной группы выглядит таким образом:

- 4,5% – руководители центральных органов исполнительной власти, их заместители;

- 9,2% – государственные служащие, должностные лица местного самоуправления;
- 2,2% – должностные лица Вооруженных Сил;
- 8,5% – профессиональные судьи, члены Высшего совета юстиции;
- 4,2% – лица рядового и начальственного состава ОВД;
- 4,0% – должностные и служебные лица таможенной службы;
- 8,7% – должностные и служебные лица государственной налоговой службы;
- 8,4% – лица рядового и начальственного состава органов и подразделений гражданской защиты;
- 0% – народные депутаты, депутаты местных советов;
- 0% – должностные и служебные лица других органов государственной власти.

Вторая профессиональная группа респондентов выглядит так:

- 6,7% – должностные лица юридических лиц публичного права, которые получают заработную плату за счет государственного или местного бюджета;
- 31,2% – лица, которые не являются государственными служащими, должностными лицами местного самоуправления или оказывают публичные услуги;
- 6,1% – лица, которые постоянно или временно занимают должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или лица, специально уполномоченные на выполнение таких обязанностей в юридических лицах частного права независимо от организационно-правовой формы;
- 6,4% – должностные лица юридических лиц, физические лица в случае получения от них лицами или при участии этих лиц другими лицами неправомерной выгоды.

Анализ сферы профессиональной деятельности респондентов выявил такие особенности распределения:

- 15,4% были заняты в сфере торговли;
- 12,9% – в сфере жилищно-коммунального хозяйства;
- 12,9% служили в органах внутренних дел;

- 11,0% работали в органах власти и управления;
- 10,2% – в сфере промышленности;
- 6,4% – в сфере здравоохранения;
- 5,1% – военнослужащие Вооруженных Сил;
- 4,5% – в сфере строительства;
- 4,2% – в сфере культуры;
- 3,4% – в сфере транспорта;
- 2,8% – в налоговой службе;
- 2,5% – в сфере сельского хозяйства;
- 2,3% – в сфере образования;
- 2,0% – в сфере социального обеспечения;
- 1,9% были представителями общественных организаций;
- 2,5% указали на свой вариант ответа (органы государственной безопасности и прокуратуры);
- ни одного респондента не было зафиксировано в числе сотрудников сферы кредитования, финансов и банковского дела, а также судебной системы.

Последний вопрос демографического блока был призван выявить *уровень материального благополучия* респондентов:

- 65,2% опрошенных отметили низкий уровень дохода своей семьи;
- 21,7% указали, что их семью можно отнести к группе малообеспеченных семей;
- 6,7% отнесли себя к группе семей со средним уровнем дохода;
- 2,0% – к группе с высоким уровнем дохода;
- 4,2% осужденных не смогли дать ответ на вопрос.

Первый блок вопросов носил общий характер и был нацелен на выявление некоторых аспектов относительно профессиональной деятельности респондентов.

Первый вопрос, который был проанализирован, имел отношение к **ценностным ориентациям осужденных**, которые присущи им в настоящее время. Так, ответы респондентов на вопрос получили такое распределение (здесь сумма ответов на вопрос превышает 100,0%, поскольку респондентам была предоставлена

возможность выбрать несколько вариантов ответов из всего списка предложенных):

- большинство опрошенных – 84,8% отметили, что наиболее важным понятием для них является семья;
- на второе место по количественному показателю респонденты вынесли такое понятие, как благосостояние – 61,0%;
- замыкает тройку основных ценностей понятие стабильности – 54,3%;
- четвертое место, по мнению опрошенных, разделили два понятия духовность и свобода – по 45,7%;
- на пятом месте рейтинга – понятие труд с показателем в 41,1%;
- 39,0% респондентов акцент делают на таком понятии, как безопасность;
- 37,1% обратили внимание на справедливость;
- 34,8% среди всех перечисленных понятий отметили такое, как мир;
- для 30,4% осужденных важным является такое понятие, как успех;
- десятое место рейтинга с показателем 28,1% заняло понятие совесть;
- для 24,1% опрошенных важны приватность и невмешательство в личную жизнь;
- 23,9% респондентов акцентируют внимание на понятии защиты;
- 21,9% обратили внимание на понятие человеческого достоинства;
- 21,7% среди важных понятий выбирают права человека;
- для 19,6% важен закон;
- 17,4% приоритет отдают понятию «ответственность»;
- 15,2% выступают за порядок;
- 8,9% акцент ставят на понятии «собственность»;
- 6,9% осужденных не выбрали ни единого понятия, то есть, тем самым отметили, что приоритетных ценностей они не имеют;
- для 6,8% опрошенных основной ценностью является власть;

- про патриотизм вспомнили 6,5% респондентов;
- 4,2% отметили социальный порядок, т.е. безопасность жизни на основе верховенства права;
- и, 2,0% заключенных упомянули про понятие «сила».

На вопрос **«Как бы Вы охарактеризовали степень централизации коррупционных отношений в той структуре, где Вы раньше работали?»** были даны такие ответы. Почти половина опрошенных – 41,1% указали, что распространен, скорее, такой вид коррупции, как централизованная коррупция «снизу вверх», для которой характерен сбор взяток нижестоящими (на служебной лестнице) сотрудниками и распределение этих средств между ними и вышестоящим руководством. Вторая количественная группа респондентов – 25,9% отметила, что, на их взгляд, коррупция имеет децентрализованный характер, при котором каждое должностное лицо действует по собственной инициативе. Десятая часть осужденных – 10,9% считает, что имеет место такой вид коррупционных отношений, как централизованная коррупция «сверху вниз», когда взятки, регулярно собираемые вышестоящими сотрудниками, частично передаются подчиненным. 6,5% опрошенных утверждают, что в структуре, где они раньше работали, коррупции почти не было, а 15,2% не смогли ответить на поставленный вопрос.

Следующий вопрос смыслового блока **«Чем Вы, в первую очередь, руководствовались во время выполнения своих должностных обязанностей?»**. Ответы на него распределились следующим образом:

- 39,4% респондентов указали, что они руководствовались указаниями непосредственного руководителя и частично своими функциональными обязанностями;
- 17,9% отметили, что приоритетными для них, в первую очередь, были интересы своей организации;
- 17,5% опрошенных руководствовались должностными инструкциями;
- 8,7% осужденных считают, что во время своей профессиональной деятельности они руководствовались собственными представлениями о работе;
- 8,5% обратили внимание на факт, что для их профессиональной деятельности приоритет имела личная ответственность за порученное дело;

– 4,2% респондентов руководствовались указаниями руководства;

– только для 2,0% опрошенных важность представляли интересы общества;

– 1,7% указали на свой вариант ответа (затрудняюсь ответить).

Следующий вопрос, который представлял интерес с исследовательской точки зрения, был нацелен на выявление точки зрения осужденных о **личном их отношении к правовым нормам и законам, установленным государством**. Так, максимальное количество опрошенных, – 65,2% отмечает, что законов и других правовых норм, безусловно, необходимо придерживаться. По мнению трети респондентов – 30,4% не все законы являются безупречными, а потому, и подходить к ним нужно с учетом собственных интересов. Для 4,3% осужденных понятие закона является несколько атрофированным и они считают, что законы вполне можно обходить или нарушать, собственно для этих целей они и устанавливаются.

На вопрос **об ответственности за правонарушения / преступления** ответы опрошенных для большей наглядности целесообразно представить в табличном виде, поскольку сам вопрос тоже имел табличную форму.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Насколько во время бывшей работы, Вы были осведомлены об ответственности за преступления/правонарушения?»

	Осведомлен	Частично осведомлен	Не осведомлен
Гражданско-правовой ответственности	49,0	36,0	14,9
Дисциплинарной ответственности	45,7	38,5	15,8
Административной ответственности	45,7	41,5	12,9
Уголовной ответственности	52,2	30,1	17,7
Материальной ответственности	47,8	28,4	23,8

Так, результаты таблицы № 1 свидетельствуют о том, что лучше всего опрошенные были осведомлены об уголовной ответственности – 52,2%, чуть хуже – о гражданско-правовой ответственности – 49,0% и материальной ответственности – 47,8% (индикатор шкалы «осведомлен»).

Однако если анализировать суммарные показатели индикаторов шкалы «осведомлен» и «частично осведомлен», то результаты получаются несколько иными. Больше всего респондентов имели представление об административной ответственности – 87,2%, гражданско-правовой ответственности – 85,0%, дисциплинарной ответственности – 84,2%, уголовной ответственности – 82,3% и материальной ответственности – 76,2%.

«Как Вы считаете, какие негативные качества присущи государственным служащим, отбывающим наказание за должностные преступления?» – так был сформулирован следующий вопрос, ответы на который распределились следующим образом:

– 41,3% респондентов отметили, что к основным негативным качествам должностных лиц органов публичной власти можно, в первую очередь, отнести профессионально-деятельностные отклонения, а именно – бюрократизм, коррупцию, взяточничество, злоупотребление служебным положением, пренебрежение законами;

– с точки зрения 37,0% опрошенных, должностным лицам органов публичной власти присущи профессионально-моральные отклонения – равнодушие, неуважение к людям, нечестность и непорядочность, беспринципность;

– наименьшая количественная категория опрошенных – 21,7% считают, что служба в органах публичной власти чаще всего демонстрирует профессионально-функциональные отклонения – имитацию бурной деятельности, безответственное отношение к служебным обязанностям, недостаточный уровень правовой регламентации деятельности, отсутствие контроля со стороны общественности, отсутствие требовательности со стороны высшего руководства, снижение уровня моральности в обществе, низкая общая и моральная культура должностных лиц органов публичной власти.

Результаты, полученные на следующий вопрос **«Как Вы считаете, в какой степени на поведение госслужащих влияют следующие факторы?»** также представлены в виде таблицы.

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, в какой степени на поведение госслужащих
влияют следующие факторы?»

	Влияют в решающей степени	Влияют в определенной степени	Не влияют
Указания и приказы непосредственного руководителя	56,5	32,6	10,9
Собственный жизненный опыт	28,3	54,3	17,4
Собственные меркантильные и карьерные интересы	28,4	43,4	28,3
Жизненный принцип «Нужно жить сего- дняшним днем и не задумываться о будущем»	21,7	41,5	36,8
Искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности применения наказания	14,6	48,3	37,0
Гипертрофия собственных личностных качеств	12,9	50,0	37,1
Желание быть «в команде»	30,0	52,2	17,9
Негативный наглядный пример коллег	36,8	32,6	30,6

Так, данные таблицы № 2 говорят о том, что решающее значение на поведение государственных служащих оказывали указания и приказы непосредственного руководителя – 56,5%, негативный наглядный пример коллег – 36,8% и желание быть «в команде» – 30,0%.

Среди факторов, которые в меньшей степени оказывают влияние на поведение госслужащих, – собственный жизненный опыт – 54,3%, иллюзия необязательности применения наказания – 48,3%. К факторам, которые не оказывают поведенческого влияния, опрошенные отнесли, прежде всего, гипертрофию собственных личностных качеств – 37,1%, а также собственные меркантильные и карьерные интересы – 28,3%. Наглядно указанные варианты ответов представляем с помощью данным следующей диаграммы.

Следующий блок вопросов был связан с выявлением прошлого и настоящего противоправного поведения осужденных.

В контексте всего изложенного интерес представляло прошлое противоправное поведение респондентов. На вопрос «**Привлекались ли Вы когда-нибудь к административной ответственности?**» большинство осужденных – 97,4% дали на него

отрицательный ответ, то есть из всего числа опрошенных, было выявлено всего 2,6% тех, кто привлекался ранее к административной ответственности.

Что касается противоправного поведения, за которое опрошенные понесли наказание в настоящее время, то на вопрос **«Какая (какие) статья (и) Уголовного кодекса Вам инкриминирована?»** были получены такие ответы:

- ст. 190 УК Украины (мошенничество) – 14,8%;
- ч. 2 ст. 191 УК (присвоение, растрата имущества или завладение им путем злоупотребления служебным положением) – 5,3%;
- ст. 364 УК (злоупотребление властью или служебным положением) – 14,4%;
- ст. 365 УК (превышение власти или служебных полномочий) – 13,8%;
- ст. 366 УК (служебный подлог) – 4,2%;
- ст. 367 УК (служебная халатность) – 6,4%;
- ст. 368 УК (получение взятки) – 41,1%.

На следующий вопрос **«Кто в Вашем случае был инициатором уголовного производства?»** 37,1% респондентов ответили, что в их случае инициировали уголовное преследование органы внутренних дел. По словам 34,6% осужденных – органы прокуратуры; в 15,0% случаях – органы государственной безопасности, 6,5% респондентов указали на собственное руководство, а 4,3% – на фискальные органы. 6,5% респондентов указали на свой вариант ответа (затрудняюсь ответить; частный заказ с целью завладения моим имуществом).

«Как давно Вы отбываете наказание в местах лишения свободы?» – так был сформулирован следующий вопрос, ответы на который получили такое распределение:

- 60,9% осужденных отметили, что они отбывают наказание на протяжении 1–3 лет;
- 21,7% – до одного года;
- 17,4% – в течение 4–5 лет.

При этом свое осуждение респонденты считают как случайностью, так и закономерностью. Так, опрошенных, которые утверждают, что их осудили случайно зафиксировано 73,9%. Респондентов же, кто отметил, что считает свое осуждение закономерностью, выявлено 30,6%.

Следующий вопрос «**Насколько обоснованным, по Вашему мнению, было возбуждение уголовного дела?**» продолжил смысловой блок анкеты. Как оказалось только треть осужденных – 30,3% отмечают, что уголовное дело было обоснованным; по словам 69,7% респондентов, уголовное дело в отношении их возбуждено не обоснованно.

Из 69,7% небольшая часть опрошенных указала, по какой именно причине они считают возбуждение уголовного дела необоснованным: уголовное дело было сфабриковано сотрудниками ОВД; уголовное дело является бездоказательным; оперативная информация по делу была неверной; в моих действиях не было состава преступления; преступление было из области хозяйственно-правовой; преступление было гражданско-правовым; затрудняюсь ответить.

Ответы на вопрос, «**Какие высказывания соответствуют Вашему делу?**» рассмотрим на основании данных таблицы 11.

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос:
«Какие высказывания соответствуют Вашему делу?»

	Да	Нет
Свое преступление я отношу к случаю, в котором правоохранные органы специально усилили его тяжесть, а суд при рассмотрении дела необоснованно учел только доводы, предоставленные обвинением, не рассмотрев другие, которые существенно снижают ответственность и смягчают наказание	58,2	41,8
Я осознаю и понимаю, что совершил преступление, хотя мотивы, которыми я тогда руководствовался, сейчас представляются мне глубоко ошибочными и неправильными	32,6	67,4
Преступление не планировал заранее: все получилось машинально и необдуманно	39,3	60,7

Полученные ответы говорят о том, что более половины респондентов – 58,2% утверждают, что преступление, совершенное ими является не настолько тяжелым, как его представили сотрудники правоохранных органов, а суд не учел всех доводов защиты. По словам трети опрошенных – 39,3% преступление вообще носило спонтанный характер. И только 32,6% (почти треть) осужденных отмечают, что понимают и осознают, что совершили

преступление, хотя мотивация, двигавшая ими в тот момент, сегодня представляется ошибочной.

На вопрос «**Считаете ли Вы свое осуждение справедливым?**» только 28,1% респондентов ответили утвердительно, а 71,9% указали, что они не согласны с тем фактом, что были осуждены. Некоторые из несогласных попытались аргументировать свою точку зрения: не совершал уголовного преступления; доводы обвинения были преувеличенными; не имел намерения совершить преступление; все было подстроено против меня; были смягчающие обстоятельства, которые суд не учел; затрудняюсь ответить

Целью следующего вопроса было выявление **мотивации респондентов относительно совершенного ими преступления**. Ответы на данный вопрос получили такое распределение:

- половина опрошенных – 50,2% считает, что стечение обстоятельств и стало причиной совершения ими преступления;
- на втором месте среди мотивов альтернатива «не думал, что придется отвечать» – на нее указали 15,4% респондентов;
- третье место получила альтернатива, где речь шла о желании больше зарабатывать – 7,3% осужденных обращают на нее свое внимание;
- далее по степени убывания, с показателем 6,5% – обеспечение надлежащего состояния существования семьи;
- 2,8% осужденных акцент сделали на желании повысить собственный престиж и авторитет;
- 2,3% имели намерение решить свою жилищную или другие бытовые проблемы;
- 2,2% хотели занять достойное место в обществе;
- также 2,2% респондентов считают, что совершили преступление, базируясь на негативном примере других;
- еще 2,2% отмечают, что ими двигало желание обеспечить собственное материальное благополучие;
- 2,0% пытались таким образом улучшить свои перспективы профессионального роста;
- 1,2% хотели более полно реализовать себя в управленческой сфере;

- по словам 0,9% опрошенных, они пытались завоевать личный статус, т.е. добиться признания в сфере профессиональной или общественной деятельности;
- 0,3% руководствовались указаниями руководителя;
- 0,2% пытались достичь высокой самооценки;
- 8,7% респондентов указали на свой вариант ответа (не совершал преступления, затрудняюсь ответить);
- ни один из опрошенных не выбрал альтернативы самоутверждение; борьба за статус, лидерство; успешность карьеры; незнание законов; повышение самоуважения и личного достоинства; низкий уровень жизни; связь с лицами криминогенной направленности; желание установить более крупные деловые связи.

На вопрос **«Когда Вы совершали преступление, думали ли Вы о последствиях и ответственности?»**, только 30,3% осужденных отметили, что они задумывались о последствиях совершенного ими преступления; об ответственности за него думало еще меньшее количество респондентов – 14,9%.

Ответы на следующий вопрос **«Как Вы считаете, кто (что) виновен в том, что с Вами случилось?»** показали, что треть опрошенных – 34,6% винит во всем обстоятельства; 28,3% считают, что во все виновны исключительно они сами; 10,9% утверждают, что причиной всего является сегодняшняя жизнь. Так выглядит тройка основных маркеров.

Меньшее количество респондентов указали на такие варианты ответов, как свое окружение (друзья) – 8,9%; окружение (коллеги) – 6,4%; образ жизни – 4,5%; окружение (руководство) – 2,3%; государство – 2,2%. 2,0% осужденных дали собственный ответ на вопрос (виной всему послужила моя принципиальная гражданская позиция; все подстроено против меня; затрудняюсь ответить).

Ответы на вопрос **«Причинили ли Ваши преступные действия вред?»** презентуем в таблице 12.

Распределение ответов на вопрос:
«Причинили ли Ваши преступные действия вред?»

	Да	Нет
Государству	21,6	78,4
Гражданам	49,5	50,5
Обществу	30,4	69,6

Итак, практически половина осужденных придерживаются той точки зрения, что своими преступными действиями они причинили вред гражданам – на этот факт указали 49,5% опрошенных. Приблизительно треть респондентов – 30,4% отметили, что своими действиями они нанесли определенный ущерб обществу, а 21,6% считают, что причинили вред государству.

Некоторые из осужденных, которые отметили, что не причинили вреда государству, акцентировали внимание, что факт совершения ими преступления, к государству не имеет никакого отношения. Из тех, кто не считает, что причинил вреда гражданам, многие говорят о том, что граждане в результате их преступных действий не пострадали. Та же категория опрошенных, которая отметила, что не причиняли ущерба обществу, утверждает, что общество вообще находилось в стороне от их противоправных действий.

Ответы на следующий вопрос – «**Какие переживания у Вас сейчас наиболее сильно выражены?**» дают возможность сформировать такой рейтинг ответов:

- 30,6% отметили, что испытывают чувство вины перед собой;
- 23,8% респондентов утверждают, что испытывают чувство вины перед своими родными;
- 15,2% осужденных переживают потерю свободы;
- 13,0% жалеют об отсутствии общения с родственниками, разрыве отношений с ними;
- 6,4% опрошенных подавлены из-за невозможности что-либо изменить в своем положении;
- 2,2% обращают внимание на смену привычного образа жизни;

– еще 8,9% респондентов указали на свой вариант ответа (сломанная жизнь; несправедливость в нашей стране; не имею возможности видеть семью и детей; дети воспитываются без матери; затрудняюсь ответить).

«Что могло бы удержать Вас от совершения преступления в будущем?» – таким образом сформулирован следующий вопрос. Большинство опрошенных – 60,9% отмечают, что от совершения преступления их может удержать семья. На втором месте с большим отрывом в показателях – страх уголовного наказания – 17,2% респондентов высказали именно такую точку зрения. На третьем месте с показателем в 4,2% – общественное осуждение и порицание.

Меньшую роль среди сдерживающих факторов играют отсутствие условий для совершения преступления – 3,6% и страх материального наказания – 2,5%. Отметим, что 11,6% опрошенных имеют свою точку зрения в качестве ответа на вопрос (от совершения преступления в будущем может удержать лишение свободы; совесть; духовный опыт; не имею намерения в будущем совершать преступление; затрудняюсь ответить).

Наконец, на последний вопрос **«При возникновении аналогичной ситуации в будущем, совершили ли бы Вы преступление снова?»** ответы респондентов оказались единогласными: все без исключения 100,0% дали на поставленный вопрос отрицательный ответ.

Таким образом, проанализировав определенный массив информации, можно сформулировать некоторые выводы исследования:

1. Итак, в исследовании приняли участие преимущественно женщины – 54,3% и 45,7% мужчин (такое распределение в принципе соответствует половозрастной структуре современного общества). Возрастные группы, в которых больше всего респондентов – это 36-45 лет и 26-35 лет – соответственно 30,3% и 28,3%. Большинство опрошенных с высшим образованием, хотя и разного образовательно-квалификационного уровня – от бакалавра (39,6%) до специалиста и магистра (53,0%). Статус семейных имеет только треть опрошенных – 37,1%, остальные либо в браке не состоят, либо разведены. При этом на иждивении половины респондентов

находятся несовершеннолетние дети или же один ребенок – 51,4%. С профессиональной точки зрения респонденты были поделены на две приблизительно равные группы. Из них, 50,4% были лицами, которые приравниваются к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, а 49,7% – лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления. Из второй профессиональной группы больше было тех, кто является государственным служащим, должностным лицом органов местного самоуправления – 9,2%; из первой – лиц, которые не являются государственными служащими, должностными лицами местного самоуправления или оказывают публичные услуги – 31,2%. Таким образом, подтверждается прямая гипотеза № 1. Однако, первая категория в количественном эквиваленте не намного меньше второй, поэтому можно утверждать, что результатами исследования также частично подтверждается обратная гипотеза № 1. Если брать во внимание прошлую сферу профессиональной деятельности, то большинство из респондентов были заняты в сфере торговли – 15,4%, жилищно-коммунального хозяйства – 12,9% и служили в органах внутренних дел – 12,9%. В контексте изложенного интерес представлял вопрос об уровне материального благополучия осужденных, поскольку данный фактор мог иметь самое прямое отношение к их противоправной деятельности. При этом большинство респондентов отмечают низкий уровень дохода своей семьи – 65,2%. Отметим, что результаты исследования дают возможность указать на некоторые особенности личности должностного преступника: для нее характерен достаточно высокий удельный вес лиц, достигших 26–45 лет, а также преобладание представителей низшего и среднего звена иерархии должностных лиц. Профессиональная деятельность связана с различными отраслями хозяйства и управления, с работой в контролирующих и правоохранительных органах, с руководством предприятиями, учреждениями, организациями.

2. Немаловажное значение для исследования имел анализ ценностных ориентаций осужденных, поскольку именно они в большинстве случаев являются двигательной силой деятельности человека. Опрос показал, что для 84,8% респондентов большое значение имеет семья, что не совсем коррелирует с семейным

статусом опрошенных, из которых, как уже упоминалось, только треть является семейными. Вторая по значимости ценность для респондентов – благосостояние – на нее указали 61,0% осужденных, что немаловажно, т. к. материальный фактор является одной из первопричин совершения должностных, коррупционных и прочих преступлений государственными служащими. На третьем месте для опрошенных – стабильность. Очевидно, что данная ценность имеет для них большое значение в конкретный момент проведения опроса, поскольку, находясь в местах лишения свободы, именно этого большинство респондентов и лишено. Отметим, что такая ценность, как закон для осужденных лишь на пятнадцатом месте с незначительным показателем в 19,6%, т. е. несмотря на то, что опрошенные находятся в ситуации отбывания наказания, значение данной ценностной категории для них не увеличилось. Последние ступени рейтинга занимали такие ценностные ориентации, как сила, социальный порядок, патриотизм, т. е. те категории, которые не имеют для опрошенных большого значения. Таким образом, анализ ценностных ориентаций, дает возможность подтвердить частично как прямую, так и обратную гипотезу № 2, поскольку среди упомянутых ценностей акценты делаются и на духовных, и на материальных и силовых аспектах.

3. Что касается степени централизации коррупционных отношений, то большинство опрошенных (41,1%) отмечают, что такой факт имеет место быть, но централизация осуществляется снизу-вверх, т.е. нижестоящее звено собирает взятки, а распределение средств осуществляется несколько позже вышестоящим звеном. Приблизительно четверть респондентов отмечает, что коррупционные отношения носят децентрализованный характер, поскольку каждое должностное лицо, независимо от занимаемого поста, у которого есть средства и возможности для осуществления данного противоправного деяния, действует по собственной инициативе. Такой вариант коррупционных отношений, как централизованная коррупция сверху-вниз встречается достаточно редко. Результатами исследования подтверждается обратная гипотеза № 3.

4. Предыдущие данные подтверждаются и тем фактом, что во время выполнения своих должностных обязанностей, 39,4% осужденных руководствовались указаниями непосредственного

руководителя и частично своими функциональными обязанностями.

5. При этом такое понятие как нормы закона представляют интерес для 65,2% респондентов, которые отмечают, что законов и прочих правовых норм следует придерживаться. По мнению 34,7% опрошенных, законы не безупречны и не должны препятствовать собственным интересам, т.е. их вполне можно обойти или нарушить (суммарное количество двух категорий осужденных). Полученные данные подтвердили прямую гипотезу № 4.

6. Об ответственности за совершенные должностные правонарушения / преступления респондентов в свое время предупреждали. Но акценты делались, скорее на административную ответственность – 87,2%, гражданско-правовую ответственность – 85,0%, дисциплинарную ответственность – 84,2%, уголовную ответственность – 82,3% и, чуть реже, на материальную ответственность – 76,2%.

7. Анализ негативных качеств, присущих государственным служащим, показал, что приблизительно половина респондентов – 41,3% к таким качествам, в первую очередь, относит профессионально-деятельностные отклонения (бюрократизм, коррупцию, взяточничество, злоупотребление служебным положением, пренебрежение законами). Вторая по численности группа (37,0%) высказала предположение, что представителям государственной службы присущи профессионально-моральные отклонения – равнодушие, неуважение к людям, нечестность и непорядочность, беспринципность. Наконец, наименьшая по численности группа (21,7%) опрошенных отметила, что государственным служащим, скорее, присущи профессионально-функциональные отклонения (имитация бурной деятельности, безответственное отношение к служебным обязанностям, недостаточный уровень правовой регламентации деятельности, отсутствие должного уровня контроля со стороны общественности, отсутствие требовательности со стороны руководства, низкая общая и моральная культура госслужащих). В ответах на данный вопрос трудно дать однозначный ответ прямая или обратная гипотеза подтверждается по причине небольшого разрыва между числовыми данными категорий. Но если обращать внимание строго на количественный показа-

тель, то становится очевидным, что подтвердилась прямая гипотеза № 5.

8. При этом на поведение госслужащих в немалой степени оказывают влияние указания и приказы непосредственного руководителя – 56,5%, негативный наглядный пример коллег – 36,8% и желание быть «в команде» – 30,0%. Мало влияют на их поведение такие факторы, как гипертрофия собственных личностных качеств – 37,1%, искаженное представление о ситуации, иллюзия необязательности использования наказания – 37,0%, жизненный принцип «Нужно жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем» – 36,8%. Данные исследования подтверждают обратную гипотезу № 6.

9. Что касается прошлого противоправного поведения осужденных, то только 2,6% из всего числа опрошенных привлекались ранее к административной ответственности.

10. В данный период времени почти половине респондентов (41,1%) инкриминируется ст. 368 УК Украины (получение взятки). С достаточно большим отрывом в показателях в сторону уменьшения фигурируют данные по ст. 190 УК (мошенничество) – 14,8%, ст. 364 УК (злоупотребление властью или служебным положением) – 14,4%, а также ст. 365 УК (превышение власти или служебных полномочий) – 13,8%. По ст. 367, ч.2 ст. 191, ст. 366 УК осуждено небольшое количество опрошенных (суммарный показатель – 15,9%).

11. В большинстве случаев уголовное дело против должностных лиц органов публичной власти, принявших участие в опросе, было инициировано органами внутренних дел и органами прокуратуры – соответственно 37,1% и 34,6%. Реже уголовное производство в отношении осужденных вели фискальные органы и собственное руководство.

12. Блок вопросов о наказании и ответственности выявил, что большинство опрошенных (60,9% отбывают наказание в заведениях пенитенциарной службы) на протяжении 1–3 лет. При этом 73,9% упорно продолжают считать, что их осудили случайно (лишь 30,6% считают свое осуждение закономерным итогом совершения преступления). По мнению 69,7% респондентов уголовное дело в отношении их было необоснованным. К тому же больше половины опрошенных (58,2%) относят свое преступле-

ние к категории тех, где правоохранительные органы специально усилили его тяжесть, а суд при рассмотрении дела необоснованно учел только доводы, предоставленные обвинением, благодаря которым наказания можно было либо избежать, либо его в некоторой степени смягчить. Только треть респондентов – 32,6% соглашаются с тем, что совершили преступление и отмечают, что мотивация преступления в данное время им представляется ошибочной. Поскольку тенденции в ответах осужденных прослеживаются достаточно четкие, не удивительно, что только 28,1% опрошенных считают свое осуждение справедливым.

13. Если брать во внимание мотивацию совершения преступления, то, учитывая предыдущие данные, половина респондентов – 50,2% указывает, что преступление было совершено в силу стечения обстоятельств. Еще несколько маркеров, на которые опрошенные обратили внимание – это стойкое убеждение в том, что отвечать за преступление не придется (15,4%), а также желание больше заработать (7,3%). Если суммировать процентные показатели исключительно личных мотиваторов, таких, как обеспечение надлежащего состояния существования семьи, желание повысить свой авторитет, желание решить жилищную или другие бытовые проблемы и т. п., то 27,6% ответов были направлены именно на решение указанных вопросов. Исследования, проведенные другими аналитиками, позволяют утверждать, что для должностных преступлений характерна, преимущественно, корыстная мотивация. Преступления совершаются умышленно (за исключением халатности) из корыстных побуждений или личной заинтересованности (защита ведомственных, местных интересов). Итак, если абстрагироваться от точки зрения респондентов относительно стечения обстоятельств, можно утверждать, что частично подтверждается как прямая, так и обратная гипотеза № 7.

14. Только треть осужденных – 30,3% указали, что задумывались о последствиях совершенного ими преступления, а об ответственности за совершенное деяние помнило вдвое меньшее количество респондентов – 14,9%. Вину за случившееся респонденты возлагают либо на обстоятельства и теперешнюю жизнь – 45,5% (суммарный показатель), либо на самих себя – 28,3%. Окружение в лице друзей, коллег и руководства, также оказывает

влияние на решения и действия человека – такую точку зрения высказали 17,6% опрошенных (суммарный показатель).

15. Ответы на вопрос о причиненном ущербе позволяют выявить тот факт, что приблизительно половина осужденных – 49,5% считают, что своими действиями они, в первую очередь, причинили ущерб рядовым гражданам; примерно треть опрошенных пребывает в уверенности, что от нанесенного ими ущерба пострадало общество; и лишь пятая часть респондентов – 21,6% говорит о вреде, причиненном государству.

16. Если анализировать переживания опрошенных, которые свойственны им в данный конкретный момент, когда они отбывают наказание в местах лишения свободы, то 54,4% испытывают чувство вины (из этого количества – 30,6% – чувство вины перед собой, а 23,8% – чувство вины перед своими родными). Отсутствие свободы является критическим фактором для 15,2% респондентов. Еще 13,0% осужденных высказывают чувство подавленности из-за отсутствия общения с родственниками, разрыве отношений с ними.

17. В будущем от совершения преступления опрошенных могла бы удержать семья – на этот факт обратили внимание 60,9%. Меньшее количество респондентов делает акцент также на страх уголовного наказания и общественное осуждение и порицание. При этом единогласно все осужденные отмечают, что в случае возникновения аналогичной ситуации в будущем, они бы снова преступления не совершили.

Глава 3. Психологическая характеристика личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление

3.1. Психологическая характеристика личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление (по методике Р.Б. Кэттела)

Осуществляя психологический анализ полученных данных при помощи применения психодиагностической методики 16PF, 16-ти факторный личностный опросник Р.Б. Кэттела, укажем на основные методологические положения, детерминирующие особенности интерпретации результатов эмпирического исследования.

Для обработки последних мы применили наиболее адекватную процедуру идентичную названию опросника – так называемый факторный анализ данных (компьютерная версия пакета Statistika 6.0).

«Факторный анализ – комплекс аналитических методов, позволяющих выявить скрытые (латентные) признаки, а также причины их возникновения и внутренние закономерности их взаимосвязи»¹.

Как известно из методологии целевых функций применения математических процедур в психологии «Интерпретация факторов - одна из основных задач факторного анализа»². В описании психологических характеристик личности испытуемых, в первую очередь, интерпретации подвергаются факторы, получившие наибольшую выраженность (факторную нагрузку) по диагностическим шкалам, применявшихся в исследовании опросников.

Таким образом, математические данные составляют базовую основу, «каркас» для осуществления основных интерпрета-

¹ Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике-СПб.: Издательство «Питер», 2000. С. 361.

² Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. С. 253.

тивных заключений исследователя. Однако целью психологического аспекта нашего исследования являлось получение своеобразного психолого-юридического диагноза в отношении к представителям органов публичной власти, совершившим корыстные преступления с прямым умыслом. Специфика последних предполагала анализ субъектов в рамках криминально-правового ракурса понимания проблемы, в то время как «Диагноз психологический – конечный результат деятельности психолога, направленный на выяснение сущности индивидуально-психологических особенностей личности...»¹.

Описание последних предполагает рефлексию и формулировку фундаментальных теоретических положений, составлявших основу интерпретативной процедуры предложенной автором в данном разделе:

– учет демографических и социологических данных по результатам социологического опроса. Последние составляли субъективно-объективные параметры характеристик испытуемых, дополнявших непосредственные результаты факторного и кластерного анализа;

– учет концептуальных положений концепций и теорий социально-психологических особенностей субъектов и ситуации корыстных преступлений, совершаемых представителями органов публичной власти и имеющих прямой умысел. Они явились, исходным материалом для логики интерпретативных и аналитических авторских интенций;

– необходимость и обязательность опоры на психологический и профессиональный опыт исследователя, необходимых для понимания специфики полученных результатов.

Приступая к их психологическому анализу, укажем также на то, что кластерный анализ применялся нами с целью выявления дополнительных, не всегда выявляемых процедурой факторизации данных корреляций. Как отмечает специалист в области математических средств обработки данных психологических исследований «Выбирая факторный анализ как средство изучения корреляций исследователь должен отдавать себе отчет в том, что это

¹ Бурлачук Л.Ф. , Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике-СПб.: Издательство «Питер», 2000. С. 86.

один из самых сложных трудоемких методов. Зачастую нет веских оснований предполагать наличие факторов как скрытых причин изучаемых корреляций, и задача исследователя заключается лишь в обнаружении группировок тесно связанных переменных. Тогда целесообразнее вместо факторного анализа использовать кластерный анализ корреляций»¹.

Таким образом, применяя по отношению к идентичным первичным результатам две математические процедуры обработки данных мы «перекрывали» их наиболее перспективно возможные зоны значимости. Последние имели бы маловероятную доступность (достижимость) и соответственно не представляли бы возможности для анализа и интерпретации, в случае применения к ним лишь одного из способов математического анализа, поскольку «...кластерный анализ обладает еще одним преимуществом: его применение не связано с потерей исходной информации о связях между переменными, что неизбежно при факторном анализе»².

Таблица 13

Факторный анализ результатов по методике 16 PF Р. Кэттела испытуемых осужденных работников органов внутренних дел и иных правоохранительных органов

Название шкал	Factor 1	Factor 2	Factor 3
М	-0,719563	-0,092461	0,206927
Ф	0,492196	-0,099485	0,604202
Общительность	-0,389295	0,562611	-0,387839
Интеллект	-0,269746	-0,547306	-0,145816
Эмоциональная устойчивость	-0,752542	-0,304986	0,166606
Доминантность-подчинённость	-0,337604	-0,249852	0,207461
Беспечность	-0,430632	-0,286662	-0,242576
Нормативное поведение	-0,154834	0,435382	0,104175

¹ Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с., с. 254

² Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с., с. 254

Робость – смелость	-0,691712	-0,097286	0,393047
Эмоциональная чувствительность	-0,028476	-0,354872	0,610857
Подозрительность-доверчивость	0,203886	-0,032022	0,345198
Практичность – мечтательность	0,106058	-0,721899	-0,087453
Прямолинейность – проницательность	0,227265	0,303953	0,607050
Спокойствие – тревожность	0,689186	0,147244	0,146246
Ригидность – гибкость	0,374548	-0,475897	0,086891
Конформизм – неконформизм	0,279108	-0,269484	-0,109373
Самоконтроль	-0,506327	0,613730	0,361269
Напряжённость	0,822148	0,101283	-0,074689
Expl.Var	4,083257	2,519351	1,919999
Prp.Totl	0,226848	0,139964	0,106667

Результаты, представленные в таблице 1 и рис 1 указывают на типичные для работников государственных служб (прежде всего, характерных для сотрудников ОВД) личностные особенности, отражающие в первую очередь наличие у них профессионально-важных, и, подчеркнем, необходимых для их вида деятельности качеств. В особенности это непротиворечиво видно по результатам первого фактора, представленного шкалами *устойчивость, смелость, спокойствие, свобода без усилий* (свойство противоположное напряженности). Это вполне логично подтверждается и данными полученными по второму фактору: *практичность* в совокупности с высоким уровнем *самоконтроля* – также необходимые профессиональным службистам (чиновникам).

Окончательно проясняют и завершают «картину» психологического портрета личности совершившего преступление «ответственного» работника органов публичной власти результаты кластеризации данных, представленных в таблице 2.

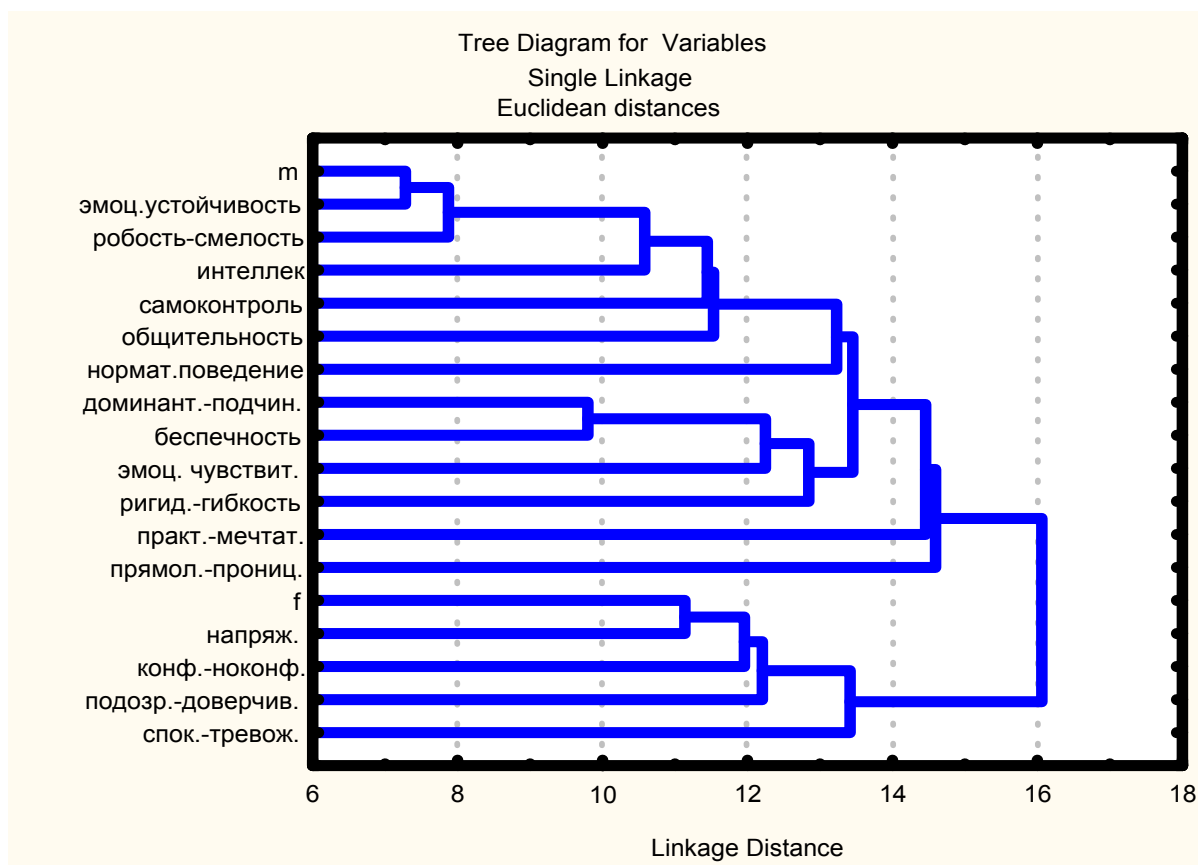

Рис. 1 Дендрограмма результатов кластерного анализ по методике 16 PF Р.Б. Кэттела испытуемых осужденных работников органов внутренних дел и иных правоохранительных органов

Ложь (*m*), в сочетании с *эмоциональной устойчивостью*, составляет самый высокий (среди всех остальных результатов данной дендрограммы) уровень значимости. Далее к ним, на чуть более низком уровне значимости, присоединяется *смелость*, с примыкающими *интеллектом* (выше среднего), и *подчиненностью* (приспособляемостью) и *беспечность* прямо указывают на образ «Игрока» - типичного корыстного преступника.

«Игрок» – это образ человека, лишенный совести, имеющий необходимые для осуществления сложных (хитрых) безнравственных поступков умственные способности (*интеллект выше среднего*). Он достаточно устойчив и *спокоен* для того, чтобы хладнокровно осуществить преступный умысел. Он практичен и соответственно его интересует только личная выгода, именно для этого он без излишних нравственных мучений использует других людей. Для последнего у него вполне достаточно *проницательности* в отношении с ними и *чувствительности* для их понимания и умения произвести на них впечатление душевного («своего в доску») человека. Именно поэтому ему доверяют. Приходится

констатировать, что такие люди – действительно достаточно часто бывают ценными для начальства специалистами, компетентными работниками, послушными (шкала *подчиненности*) и достаточно компетентными исполнителями. Именно на служебных должностях, где необходимо придерживаться строгой субординации, соблюдения инструкций такие работники необходимы и действительно по праву занимают свое место. Однако все вышеуказанное нивелируется и принимает прямо противоположный негативный (криминальный) модус существования, в случае если у такого субъекта имеется корень всех страстей (преступлений) – *ложь*, т. е., высокий уровень предрасположенности к обману. «...обман – безнравственная форма защиты собственных интересов. При этом, однако, создается впечатление соблюдения нравственных и других социальных норм (принципов честности, справедливости, юридических законов и т. д.), что как бы удваивает обман, обуславливает двуплановость всякого акта обмана»¹. Именно это, наиболее ярко характеризует преступную склонность субъектов представляющих органы публичной власти.

Далее осуществим анализ данных по группе осужденных государственных служащих представленные в таблице 14 и рис. 2.

Таблица 14

Факторный анализ результатов по методике 16 PF Р. Кэттела испытуемых осужденных государственных служащих

Название шкал	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
М	-0,006890	0,793990	0,192727	0,132852
F	-0,334264	-0,092318	-0,346518	0,517196
общительность	-0,069757	0,339193	-0,194331	-0,776768
интеллект	-0,192951	-0,087252	0,460226	-0,493287
Эмоциональная устойчивость	-0,235262	0,194553	0,529758	0,003005
Доминатность – подчинённость	-0,627894	0,046315	-0,243905	0,021601
Беспечность	-0,414292	0,381087	-0,225408	0,086593

¹ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). НОРМА. Москва, 2001. С. 65.

Продолжение таблицы 14

Нормативное поведение	0,444877	0,336518	-0,468033	0,268153
Робость – смелость	-0,340310	0,626928	0,036716	-0,022530
Эмоциональная чувствительность	0,164366	-0,088822	0,325059	0,063847
Подозрительность – доверчивость	-0,497875	-0,103361	-0,403315	0,001321
Практичность – мечтательность	-0,333851	-0,082164	0,496984	0,028813
Прямолинейность – проницательность	0,641028	0,197839	0,206914	-0,134208
Спокойствие – тревожность	0,203512	-0,081942	-0,366703	-0,502314
Ригидность – гибкость	-0,788345	-0,284980	0,095448	-0,183716
Конформизм - нонконформизм	0,482874	-0,462863	0,233981	0,145540
самоконтроль	0,318633	0,433495	-0,309097	-0,205173
напряжённость	0,058153	-0,617491	-0,447296	-0,242135
Expl.Var	2,887089	2,388961	2,070213	1,643128
Prp.Totl	0,160394	0,132720	0,115012	0,091285

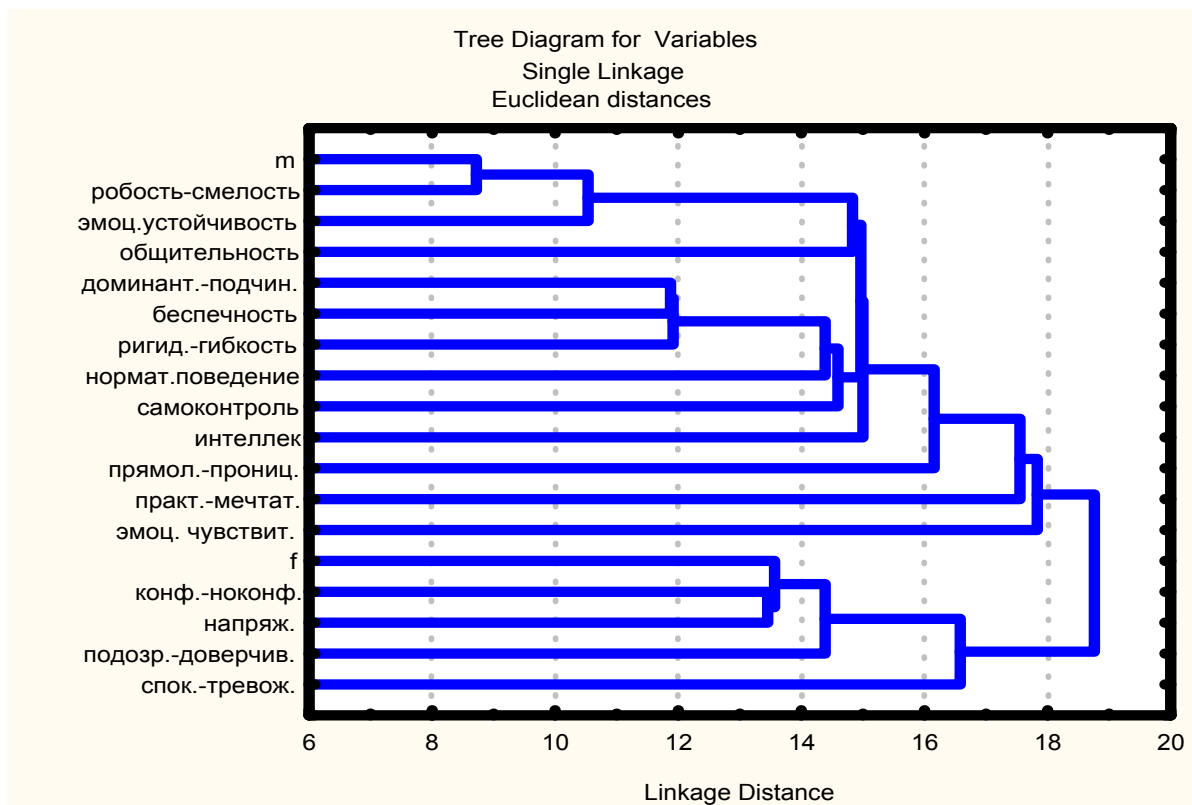

Рис. 2 Дендрограмма результатов кластерного анализ по методике 16 PF Р. Кэттелла испытуемых групп осужденных государственных служащих

Подчиненность-гибкость-прямолинейность, а также *ложь*, в сочетании со *смелостью* и *общительностью*, свидетельствуют о субъекте, хорошо ориентирующемся в структуре межличностных и деловых отношений (*общительность*). Это человек, умеющий «лабиринтировать» среди коллег и начальства. При необходимости он способен менять собственную тактику взаимодействия, общения, принятия решений, и, в целом, стратегию своего поведения. Такой представитель публичной власти способен быстро ориентироваться на общую атмосферу и динамику политики принятой на месте собственной службы (*гибкость*). Последнее качество, находящееся в обратной (ортогональной) зависимости по отношению к *прямолинейности*, указывает, по нашему мнению, на то, что такой субъект не отступает от принятого решения в случае, если его мнение затрагивает других людей, но в то же время всегда готов *подчиниться*. Это, в сочетании с высоким уровнем *лжи* (*фактор 2*) и *общительности* (самостоятельная единственная шкала в *факторе 4*) - признак умения угодить начальству и хитро и незаметно (*гибкость*), но обойти («подсидеть», «подставить под удар») равного по должности коллегу. Это служебный «карьерист» - разновидность «игрока». Требуется далее подчеркнуть: его *смелость* прямо пропорциональна *напряженности* (*фактор 2*), что свидетельствует о «напускном» бесстрашии, т. е., скорее не о том, что такой субъект действительно обладает этим качеством, причисленным психологами-классиками к ряду волевых особенностей личности¹, а о наличии внутренней напряженности (вытесняемой сознанием при помощи психологических защитных механизмов «Я»). Последнее, вероятно связано с необходимой, в силу служебных обязанностей привычкой производить впечатление смелого, решительного человека для создания определенного образа предназначенного для коллег и начальства. И, особо подчеркнем, более всего на зависимых от них обычных граждан, так как именно они являются чаще всего потерпевшей стороной в ситуациях взаимодействия с коррумпированными чиновниками. Именно на них рассчитаны мнимые (напускные) *общительность, подчиненность* («послуш-

¹ Ильин Е.П. Психология воли – СПб: Издательство «Питер», 2000. 288 с.; Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003. 512с.

ность» законодательству и строгому начальству), *смелость* (решительность), *прямота*, которая в глазах наивных граждан воспринимается как честность без лукавства (по принципу «нам нечего скрывать от народа») и подкрепляющая их внешняя свобода в поведении (легкая расслабленность, как признак защитного поведения скрывающего внутреннее напряжение).

В действительности (на самом деле) такой тип всегда хронически внутренне *напряжен* – это критерий бессознательного ощущения опасности, а у субъектов окончательно не развращенных коррупцией и властью еще и признак чувства вины. У таких субъектов голос совести через интуицию пытается «пробиться» сквозь декларируемую субъектом смелость и указать на противоправность и безнравственность собственных поступков и образа жизни в целом. Такие субъекты благодаря наличию у них *проницательности* «улавливают», за счет развитого у них в процессе их деятельности субдоминантного (иррационального) ощущения, возможное наказание (отсюда ощущение *напряженности*).

Результаты по данной группе испытуемых предоставляют возможность описать и альтернативный тип личности представителя публичной власти, ориентированного на корыстные преступления с прямым умыслом.

Применяя альтернативную предыдущей, но методологически логичную интерпретацию результатов, мы получаем в итоге совершенно определенный тип субъекта. Субъекта, предрасположенного к такому преступлению как вымогательство (ст. 189 УК Украины), а также злоупотреблению властью (ст. 364 УК Украины).

Ригидность-проницательность-доминантность (фактор 1) – тип властного, «неповоротливого» в своих решениях, застревающего «заикленного» на своих собственных идеях, но достаточно разбирающегося в людях (*проницательность*) человека. Это ярко выраженный тип организатора преступной деятельности (скорее всего лидер ОПГ). Он методично и упрямо, жестко (при необходимости жестоко), не взирая ни на что, реализует собственные цели и в этом ему помогают *ригидные* черты его личности. Приобретенные благодаря выраженной *доминантности* (способности и готовности в случае необходимости грубо подчинять и подавлять) должность и статус, обеспечивают ему возможность руководствоваться и довольствоваться определенными, стереотип-

ными, отработанными схемами восприятия и понимания профессиональных ситуаций. Это часто проявляется, например, при совершении экономических преступлений, требующих ориентации на традиционные (чаще всего незамысловатые) «опробованные» и проверенные варианты их осуществления.

Для подбора исполнителей и контроля всей преступной деятельности (ОПГ) такому субъекту необходима *проницательность* – в полной мере его характеризующая (см. уровень 0,641, *фактор 1*). Вышеперечисленное, в сочетании с производящими на его подчиненных впечатлением *смелости* и *общительности*, при «вытесненном» (замаскированном) для окружающих напряжении, способствует созданию полновесной харизмы лидера. Именно у этих субъектов «...несущие смысло-энергетическую нагрузку элементы деструктивности в процессе их реализации несомненно «обогащаются» наслоениями, имеющими социальную детерминацию. Например, субъект может идентифицировать власть с собственной волей, в таком случае агрессия может выступать в облики власти для удовлетворения многих страстей и потребностей. Таким образом мы получаем различного рода злоупотребления «властью», «служебным положением», и т. д.¹. Последнему, как раз и готовы легко *подчиняться* определенные типы субъектов, предрасположенные именно для этого. Представленные нами в описании предыдущего типа качества *подчиненность*, *гибкость* (в данном характеризуемая как умение «прогибаться»), а также *напряженность* (боязнь ослушаться начальника) и внутренняя *робость* (см. *фактор 2*, *нагрузка 0, 626*) этому прямое подтверждение.

Переходя к анализу результатов по группам осужденных служащих органов местного самоуправления и депутатов всех уровней – см. таблицу 15 и рис 3.

¹ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). НОРМА. Москва, 2001. С. 68.

Таблица 15

Результаты факторного анализа результатов по методике 16 PF
Р. Кэттела испытуемых групп осужденных служащих органов
местного самоуправления и депутатов всех уровней

Название шкал	Factor	Factor	Factor
М	-0,523467	0,579489	0,289480
F	0,470734	-0,061844	0,703935
Общительность	-0,090362	0,370230	-0,381694
Интеллект	-0,043443	0,261959	-0,386917
Эмоциональная устойчивость	-0,467554	0,233733	-0,163631
Доминатность – подчинённость	0,728274	0,359991	-0,098593
Беспечность	0,576463	0,548356	0,155512
Нормативное поведение	-0,330189	0,214052	0,504980
Робость – смелость	-0,159776	0,715684	0,036278
Эмоциональная чувствительность	-0,184471	-0,138786	-0,180391
Подозрительность – доверчивость	0,322957	0,059080	-0,063310
Практичность – мечтательность	-0,077448	-0,021638	-0,646173
Прямолинейность – проницательность	-0,553841	-0,206527	-0,201885
Спокойствие – тревожность	0,022360	-0,257622	-0,021846
Ригидность – гибкость	0,478873	0,392269	-0,481549
Конформизм-нонконформизм	-0,297337	-0,736980	0,010598
Самоконтроль	-0,422451	0,480591	0,147666
Напряжённость	0,717498	-0,370192	-0,043224
Expl.Var	3,184079	2,785534	1,942718
Prp.Totl	0,176893	0,154752	0,107929

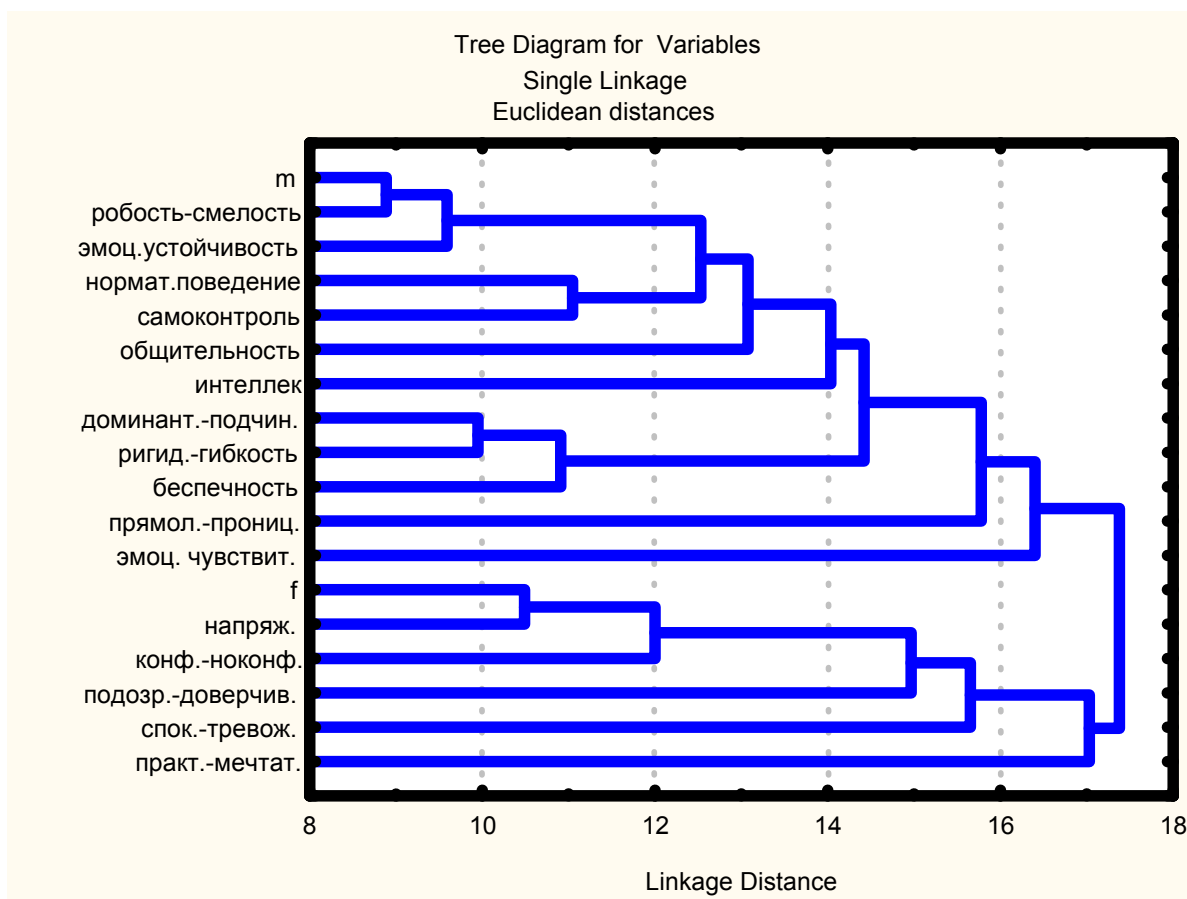

Рис. 3 Дендрограмма результатов кластерного анализа по методике 16 PF Р.Кэттела испытуемых групп осужденных служащих органов местного самоуправления и депутатов всех уровней

Прежде всего отметим традиционные для данного контингента и уже упоминаемые при описании характеристик испытуемых из предыдущих групп, такие качества как: *ложь, проницательность, свободное (без усилий) поведение, доминантность, (фактор 1)*; *ложь* (вновь проявившаяся), *беспечность, смелость (фактор 2)*. Укажем также на очень значимые, по нашему мнению, и не проявлявшиеся в предыдущих группах результаты по шкалам *конформизм (фактор 2)* и *практичность, ненормативное поведение* и заниженная самооценка (f). Последние, яркое свидетельство склонности к совершению противоправных поступков, т. к., *практическая ориентированность* (по сути, эгоизм) в сочетании с направленностью субъекта на нарушение *нормативности жизнедеятельности* и ориентацией на *приспособление (конформизм – готовность поддаваться мнению группы и ее лидеру)* и низкая самооценка (самоуважение и комплекс неполноценно-

сти) – это типичный пример коррупционера – тихони. Такое сочетание идеально подходит под образ взяточника, субъекта склонного к подлогу, злоупотреблению властью, а также к таким «тихим», ненасильственным преступлениям как: присвоение и растрата имущества либо завладением им путем злоупотребления служебным положением, противодействие законной хозяйственной деятельности.

Обобщая, отметим, что в целом все образы «корыстного типа личности» описанные нами характеризуются наличием глубинного конфликта системы отношений личности и их ценностных ориентаций.

Все это и сформировало условия для агрессивности (чаще внутренней) и экспансивности (по Л.В. Кондратюку)¹ в отношении к окружающим. Преступление – внешнее выражение, прежде всего искаженности в характере, увлеченностью страстями. Деньги и приобретаемая в конечном итоге за счет этого власть, а также болезненное самолюбие и повышенное честолюбие наряду поспособствовали незрелому, по сути, лживому, инфантильному преступному поведению и образу жизни в целом. Конфликт между разумом и чувством неполноценности и, как следствие, неудовлетворяемое стремление к власти, как замена полноценной духовной и душевной жизни. Таков - итог «захваченности» психики корыстными побуждениями и влечениями. Вспомним, также как подтверждение, распространенные среди такого типа преступников (народных депутатов, представителей ОВД) различные виды аддикций (психологической зависимости). Например, алкогольной, сексуальной (использование услуг проституток), наркотической (употребление «легких» наркотических препаратов), игровой (доходящие до уровня мании увлечения чиновников казино, биллиардом, карточным играми, тотализатором, и.т.д.).

¹ Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микркриминология). НОРМА. Москва, 2001. 344 с.

3.2. Психологическая характеристика личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление (по методике К. Леонгард и Д. Шмишек)

Далее осуществим анализ результатов полученных при помощи применения психодиагностической методики на исследование акцентуаций характера. Авторами – разработчиками теста являются К. Леонгард и Д. Шмишек¹.

В качестве респондентов в данном случае выступали все перечисленные выше группы испытуемых, составившие в совокупности так называемую общую группу.

Таблица 16

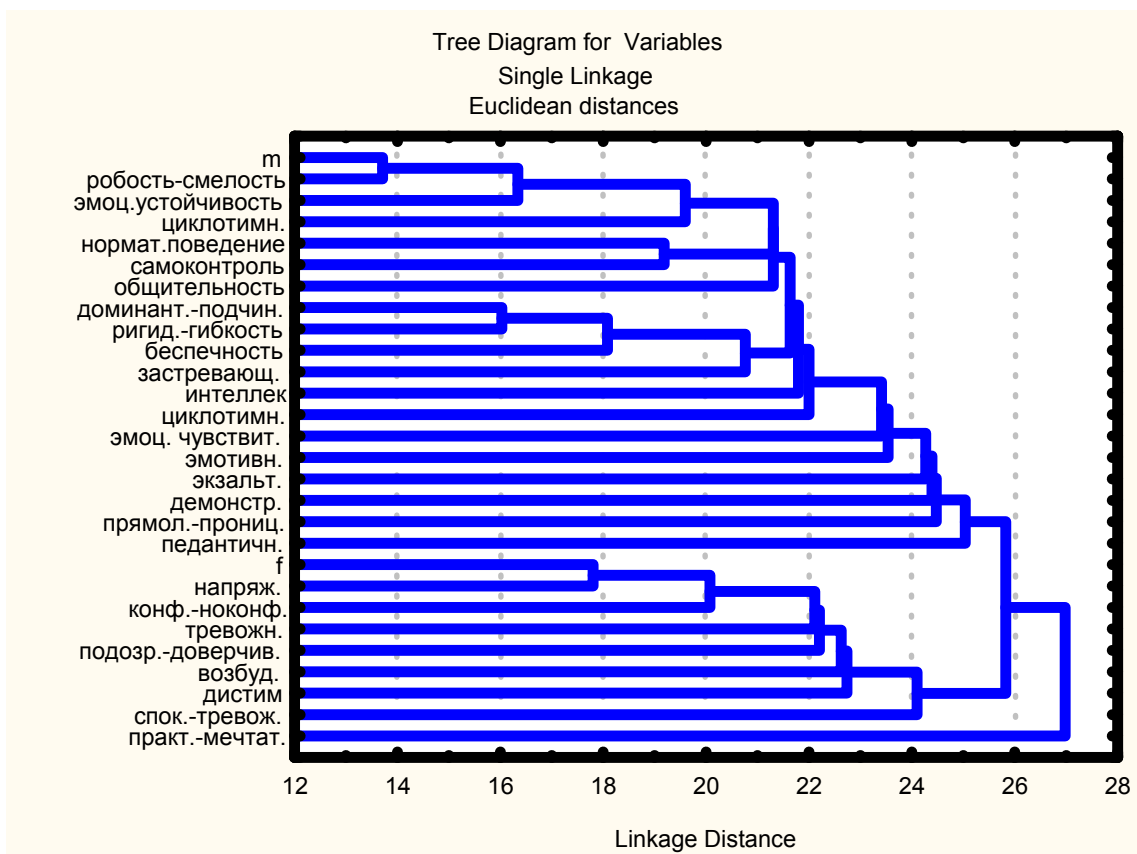
Таблица результатов исследований акцентуации характера
по методике К. Леонгард и Д. Шмишек

	Factor	Factor	Factor	Factor
М	0,460854	0,444906	0,331426	0,257191
Ф	-0,357037	0,177435	-0,341856	0,557807
общительность	-0,018170	0,260715	0,187148	-0,302493
Интеллект	0,021535	0,186690	0,165326	-0,505873
Эмоциональная устойчивость	0,335609	0,047044	0,361197	-0,030052
Доминантность – подчинённость	-0,624167	0,377673	-0,115288	0,039753
Беспечность	-0,493595	0,565104	0,115711	0,185630
Нормативное поведение	0,391469	0,197822	-0,024891	0,406394
Робость – смелость	0,075405	0,569328	0,466830	0,182339
Эмоциональная чувствительность	0,095118	-0,236098	0,091041	0,057219
Подозрительность – доверчивость	-0,324157	0,147086	-0,300884	0,142906
Практичность – мечтательность	-0,032987	-0,008229	0,054799	-0,490356
Прямолинейность – проницательность	0,467651	-0,291103	0,221466	-0,134481
Спокойствие – тревожность	0,014235	-0,172845	-0,390960	-0,063228
Ригидность – гибкость	-0,508160	0,373534	0,041789	-0,300528

¹ Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 528 с.

Продолжение таблицы 16

Конформизм – неконформизм	0,251106	-0,723832	-0,118250	0,013104
самоконтроль	0,409771	0,410235	0,134531	-0,027231
напряжённость	-0,583856	-0,175104	-0,413080	-0,118088
циклотимный	0,409436	0,157482	-0,401260	0,260573
застревающий	-0,045046	-0,158234	-0,066206	0,185632
эмотивный	-0,006940	-0,160931	0,372698	0,385356
Педантичный	-0,294223	-0,297132	0,091526	0,081513
тревожный	-0,429139	-0,201617	0,407437	0,169497
циклотимный	-0,330271	-0,224400	0,516643	0,280741
демонстративный	0,321441	0,050562	-0,445065	0,303089
возбудимый	-0,398264	-0,376493	0,313209	0,197202
дистимный	-0,069000	-0,012499	0,172180	-0,269622
Экзальтированный	-0,163723	-0,362742	0,416909	0,178886
Expl.Var	3,252665	2,745257	2,418183	1,951947
Prp.Totl	0,116167	0,098045	0,086364	0,069712

Дендрограмма 1

Дендрограмма результатов исследований акцентуации характера по методике К Леонгард и Д. Шмишек

Концептуальную методологическую основу данного диагностического инструментария составила одноименная с названием методики психологическая концепция К. Леонгарда.

Основываясь на вышеизложенном, необходимо отметить, что данные факторного и кластерного анализа (см. дендрограмма 1) результатов исследований акцентуации характера в итоге и явились основной для описания и составления психологического портрета личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление, характеризующееся прямым умыслом.

Циклотимность и *тревожность* – всего лишь два значимых результата «едва «дотягивающих» до уровня подлежащих анализу и интерпретации. Таковые были зафиксированы по всем показателям факторного анализа, без учета ранее интерпретированных особенностей личности по методике Р. Кэттела.

Интересно и значимо отметить, что полученные акцентуированные черты находятся в ортогональной зависимости между собой. Последнее означает – чем более выражена одна черта – *циклотимность*, тем менее проявляется другая – *тревожность*. Соответственно истинной будет и симметричная логика: при высокой *тревоге*, у данного типа личности совершенно не будет проявляться *циклотимность* характера. Мы предполагаем, что тревожность, трансформировавшаяся из разряда психического состояния в фиксированное свойство характера, обусловлена многочисленными ситуациями как прямой сознательной умышленной подготовки, так и непосредственно совершения преступлений данными субъектами.

Далее осуществим анализ тревожности и циклотимности непосредственно в контексте выявленной по результатам методики Р. Кэттела типологии личностей субъектов органов власти, совершивших преступления с прямым умыслом.

1-й тип – *«Игрок-исполнитель* (послушный игрок): *устойчивость, смелость, спокойствие, свобода без усилий, практичность* в совокупности с высоким уровнем *самоконтроля*, *ложь (m)*, в сочетании с *эмоциональной устойчивостью*. Описывая психологические портрет данного, вполне профессионального типа личности, укажем, что по нашему мнению тревожность, входящая в структуру его качеств, кажется не «вписывающейся» в перечень в целом позитивных (не учитывая высокий уровень лжи)

психологических особенностей. Вышеописанный тип личности как нельзя лучше подтверждает феномен так называемой *онтологической тревоги*¹ и соответствующую ему *циклотимию*. Последние, ярко выражены как раз у человека стремящегося избежать «судьбы и смерти», т. е. как отмечает П. Тиллих «Тревога судьбы и смерти порождает непатологическое стремление к надежности. Целые области цивилизации служат тому, чтобы обезопасить человека от ударов судьбы и смерти. Человек понимает, что абсолютная и окончательная надежность невозможна»². Именно поэтому и, в том числе вследствие такового, масса людей пытается за счет власти и денег максимально обеспечить себе надежность в жизни. Представитель государственной власти потому то и занимает служебное положение, что подчас глубинным мотивом его деятельности (карьера, связи, власть) и является достижение такого состояния психологической устойчивости, при котором он не будет испытывать внутренний конфликт из-за ощущения неизвестности за будущее. Такие люди, обладая внешним *спокойствием, свободой без усилий и высоким уровнем самоконтроля* на самом деле чрезвычайно зависимы от внешней ситуации, отсюда их внутренняя *циклотимия* психических состояний и скрытое от внешней видимости, глубоко вытесненное состояние экзистенциальной *тревоги*. Последняя как раз и является мотивом совершения преступлений имеющих прямой умысел. Попытка справиться (саморегулироваться) с полуосознаваемой ощущаемой тревожностью как раз и приводит к бесконечному накоплению материальных средств, завязыванию и упрочнению «нужных» связей, стремлению занять высокое служебное положение. Это становятся самоцелью и приводят в итоге к коррумпированности, так как дают такому типу на какой-то момент ощущение достигнутой безопасности и гарантии того, что с ним ничего не случится и ему ничего не грозит в будущем. Последнее невозможно, так как такой тип считает, что способен решить лю-

¹ Пауль Тиллих Избранное: Теология культуры. Перевод с английского, Издательство «Юрист», М., 1995. 480 с.; Фромм. Э. Бегство от свободы / Э.Фромм; пер.с англ. Г.Ф. Швейника, Г.А. Новичковой. 2-изд. М.: Академический Проект, 2008. 254 с.; Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. М. Занадворовой, Ю. Овчинниковой. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. 624 с.

² Тревога и тревожность: Учеб. пособие / Сост. и общ. ред. В.М. Астапова. СПб.: Изд. дом "Питер": ЗАО "Питер бук", 2001. С. 75.

бые проблемы (деньги, власть). Далее испытываемое им некоторое время чувство комфорта и стабильности (эйфории) сменяется прямо противоположным переживанием беспокойства, страха и *тревоги*. Субъект постепенно осознает призрачную мнимость контроля над собственной судьбой. Таким образом, *циклотимия* и соответственно *невротическая тревожность* экзистенциальной этиологии, как момент негативного циклотимического спада, становятся устойчивыми характерологическими особенностями личности «игрока». Тревога – есть указание на то, что такой человек понимает (смутно ощущает), что может переиграть всех, кроме собственной судьбы и смерти. Подобное мироощущение часто свойственно именно состоятельным коррупционерам, имеющим многое, но не внутреннее спокойствие.

2-й тип: а) «*Служебный карьерист*» - разновидность «игрока»: *подчиненность-гибкость-прямолинейность, ложь*, в сочетании со *смелостью* и *общительностью*. Такие люди действительно перед большой опасностью могут быть смелыми, но в повседневной («обыденной жизни коррупционера») тревога-обычный эмоциональный фон его мироощущения. Это нормальная и, более того, – адекватная реакция на внутреннее чувство и точная рефлексия ситуации «...важной функцией тревоги является, по нашему мнению, функция оценки сложившейся ситуации»¹. Напомним, что речь идет о ситуации уже совершенного однажды (часто не единожды) или готовящегося к реализации корыстного преступления. Усиливает и окончательно закрепляет *тревожность*, как психологическое качество (свойство характера) многочисленные ситуации «хронического пребывания в преступлении», т. е., сам собственно преступный образ жизни. Последний свойственен именно членам преступных группировок ориентированных на совершение целенаправленных и регулярно осуществляемых коррупционных преступных деяний. Эти люди, которые являются представителями государственной власти «...в состоянии тревоги чувствуешь себя – и на самом деле являешься – беспомощным. Оказаться беспомощным особенно невыносимо для тех лиц, для которых власть является преобладающим началом.

¹ Тревога и тревожность. Учеб. пособие / Сост. и общ. ред. В.М. Астапова. СПб.: Изд. дом "Питер": ЗАО "Питер бук", 2001. С. 161.

Под впечатления явного несоответствия своей реакции они негодуют на нее, как если бы она показывала их слабость или трусость»¹.

б) Тип «*организатора преступной деятельности*» (чаще всего – лидер ОПГ):

ригидность – проницательность – доминантность. У такой личности реакция на опасность, как правило – агрессия, иногда – это ступор (*ригидность*). Типичный представитель такого типа за счет сочетания *доминантности* (решительности и активности) и *ригидности* (проявляемой в упорстве и непреклонности) способны преодолеть угрожающую (*тревожащую*) их ситуацию. «Встать над ситуацией», переосмыслить ее значение, установить новую иерархию ее последовательности решения поведенческих задач, способствующих достижению общей цели, – эффективный путь снятия состояния *тревоги* и формирования адекватных способов его преодоления»². На это способны некоторые лидеры ОПГ вызывающие в определенной степени уважение не только у собственных подчиненных (исполнителей), но и у широкой публики. Но глубинно-психологической основой такого поведения является именно реакция на чувство *тревоги*, специфика которой заключается именно в попытке *решительного* преодоления себя.

3-й тип: «*Типичный коррупционер-взяточник*» (*злоупотребитель-растратчик*): *ложь, проницательность, свободное (без усилий) поведение, доминантность, беспечность, смелость, конформизм, практичность, ненормативное поведение и заниженная самооценка (f)*.

Тревожность – прямое выражение явного или (чаще) скрытого невроза и именно на это указывает наличие у данного типа склонности к *ненормативному поведению* и соответствующим реакциям (минимум их проявления – это ненормативная лексика, ставшая нормой, например в межличностном общении сотрудников ОВД). *Циклотимия* для такого человека – яркий показатель конфликта возникающего между противоположными качествами: *доминантности и беспечности, смелости (показной) и занижен-*

¹ Тревога и тревожность. Учеб. пособие / Сост. и общ. ред. В.М. Астапова. СПб.: Изд. дом "Питер": ЗАО "Питер бук", 2001. С. 171.

² Тревога и тревожность. Учеб. пособие / Сост. и общ. ред. В.М. Астапова. СПб.: Изд. дом "Питер": ЗАО "Питер бук", 2001. С. 166.

ной самооценки, лжи и смелости, ненормативного и беспечного поведения с одной стороны и стремлением к конформизму с другой. Циклотимия в контексте описанный противоположных личностных тенденций (бинарных по содержанию) – результат их внутреннего компромисса. Как следствие такового – тревожность, т. к., любой внутренний компромисс с самим собой, это всегда в той или иной степени ощущение дискомфорта и тревоги. Необходимо отметить, что у большинства описанных типов – тревожность – есть своеобразная «психологическая плата», компенсация бессознательной части психики человека за его излишне сознательную ориентацию на практичность, самоконтроль, показную смелость, мнимую беспечность, свободу и, самое главное – тенденцию ко лжи представителей всех групп испытуемых.

Заключение

Учитывая вышеизложенные материалы исследования, проведенного в период с декабря 2013 года по май 2014 года, можно сделать следующие выводы о состоянии должностной преступности в органах публичной власти на территории крымского полуострова.

1. Должностные преступления в органах публичной власти Крыма, на момент проведения исследования, были достаточно распространенным, однако, латентным явлением.

2. По материалам исследования прослеживается тенденция относительно высокой степени лояльности к должностной преступности в органах публичной власти, среди респондентов, что свидетельствует об определенной ментальности крымского населения и предрасположенности к коррупционным преступлениям.

3. Централизация должностной преступности в органах публичной власти, в большинстве случаев, осуществляется снизу-вверх, т.е. нижестоящее звено собирает взятки, а распределение средств осуществляется несколько позже вышестоящим звеном. Вместе с тем, четверть коррупционных отношений носят децентрализованный характер, поскольку каждое должностное лицо, независимо от занимаемого поста, у которого есть средства и возможности для осуществления данного противоправного деяния, действует по собственной инициативе. Такой вариант коррупционных отношений, как централизованная коррупция сверху-вниз встречается достаточно редко, когда руководители действуют с подчиненными.

4. Мотивы совершения должностных преступлений в органах публичной власти можно разделить на две большие группы: преступления совершаемые из корыстных мотивов; преступления совершаемые на почве карьеризма. Следует отметить, что корыстные мотивы преобладают над карьеризмом.

5. Так же на уровень должностной преступности в органах публичной власти Крыма существенно влияла социально-политическая и экономико-социальная напряженность в обществе, которая присутствовала в Крыму с 2004 года, рост безработицы, существенное влияние центра (Киева) и донецко-киевских кланов на общественные, политические и прочие процессы происходящие в Крыму.

Литература

1. Александровская С.В. Марк Туллий Цицерон: Концепция борьбы с коррупцией // Юристъ-Правоведъ, 2003. – № 2 (7). – С. 60–65.
2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996.
3. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб. Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 366 с.
4. Багрій-Шахматов Л.В. Організована злочинність та корупція / Л.В. Багрій-Шахматов // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – 1999. – № 2. – С. 3–5.
5. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
6. Берегиня: Історія, звичаї, традиції українського народу. К., 1993-1994. – 143 с.
7. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Изд-во полит. Лит-ры, 1990. – 366 с.
8. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике.– СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 528 с.
9. Буткевич С.А. Відмивання грошей і корупція: актуальні проблеми протидії та шляхи їх вирішення / С.А. Буткевич // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика) № 2 (28), 2012.– 88 с.
10. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: Сб. науч. трудов. – М., 1984. – С. 74–77.
11. Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция. Психологический анализ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 216 с.
12. Волков Б.С. Мотивы преступлений: Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Волков Б.С. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.

13. Гадойбоев С.А. Поняття та причини корупції серед особового складу органів внутрішніх справ України. – 2005. – № 5. – С. 22–36.

14. Герасина Л.Н. Коррупция как аномальное социальное явление: в парадигме современной социологии права, политологии и глобалистике // Зб. наук. пр. Харківського центру по вивченню організованої злочинності. Випуск дев'ятий. – Х., 2004. – С. 5–44.

15. Данчук М.Д. Социально-психологические причины возникновения коррупционного деликта // Проблемы общей и педагогической психологии: Зб. наук. праць / АПН України, Ін-т ім. Г.С. Костюка; За ред. С.Д. Максименка. – К., 2004.–Т. 7. – Вип 4. – С. 84–93.

16. Данчук М.Д., Шимко В.А. Щодо питання про індивідуально-психологічні особливості правоохоронців-корупціонерів // Збірник тез міжнар. наук.-практ. конферен.: 22-23 березня 2007 року. – Л., В-о ПП „Аврал”, 2007. – С. 75–78.

17. Долгова А.И. Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней / А.И. Долгова // Коррупция и борьба с ней / под ред. В.В. Астанина. – Москва, Российская криминологическая ассоциация, 2000. – 320 с.

18. Доля Л.М. Боротьба з корупцією – першочергове завдання на шляху реалізації європейського вибору України // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – К.: 2005. – № 8. – С. 32–38.

19. Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. Учебное пособие / Дубовик О.Л. – М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. – 176 с.

20. Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Дубовик О.Л. – М., 1976. –16 с.

21. Дубовик О.Л. Проблема принятия решения о совершении преступления в криминологической науке / О.Л. Дубовик // Вопросы борьбы с преступностью, Вып. № 23, М., «Юрид. лит.», 1975. – С. 25–46.

22. Дубовик О.Л. Роль мотивации в механизме преступного поведения // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – С. 115–132.

23. Дубовик О.Л., Кудрявцев В.Н. Решение в преступном поведении: понятие, содержание, общие и специфические признаки // Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. Сборник научных трудов. – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. – С. 13–21.

24. Етнографія України: Навчальний посібник. – Львів: Світ, 1994. – 520 с.; Мировоззрение древних славян. – К.: Наук. Думка, 1985. – 167с.

25. Заброда Д.Г. Взаємодія суб'єктів боротьби з корупцією (адміністративно-правовий аспект): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Національна академія внутрішніх справ України. – К., 2005. – 240 с.

26. Зелінський А.Ф., Коржанський М.Й. Корислива злочинна діяльність. – К.: Генеза, 1998. – 144 с.

27. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. – Харьков: Вища школа, 1986. – 167 с.

28. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 142 с.

29. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб: Издательство «Питер», 2002. – 234 с.

30. Ильин Е.П. Психология воли. – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 288 с.

31. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

32. Йосифович Д.І. Історичні аспекти боротьби з корупцією (на прикладі Конституції Гетьмана Пилипа Орлика 1710 р.) / Д.І. Йосифович // Науковий вісник НАВС України. – № 3. – 2004. – С. 286–291.

33. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

34. Камлик М.І., Невмержицький Є.В. Корупція в Україні. – К. : Знання, 1998. – 186 с.

35. Кашкаров А.А. Классификация преступлений, совершаемых государственными служащими и должностными лицами

органов местного самоуправления (по материалам Автономной Республики Крым) / А.А. Кашкаров / Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2014. – № 1 (14). – С. 84.

36. Кашкаров А.А. Процесс получения высшего образования как сдерживающий фактор должностной преступности органов публичной власти / А.А. Кашкаров / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.- практ. конф., 25–26 сентября 2014 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. – Краснодар: Издательский Дом. – Юг, 2014. – 680 с.

37. Кашкаров О.О. Кримінально-правова характеристика антикорупційних новел національного законодавства / О.О. Кашкаров // Форум права. – 2013. – № 1. – С. 391–396 [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2013-1/13koonnz.pdf>.

38. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: прогресс, 1979. – 504 с.

39. Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрoкриминология). – НОРМА. Москва, 2001. – 344 с.

40. Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал, 2005.– № 1.– С. 7–17.

41. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решения. – М.: Аспект Пресс. – 2003. – 343 с.

42. Корнієнко М. В. Організована злочинність в Україні: сучасний стан, кримінологічна характеристика, заходи протидії. – К., 2004. – 304 с.

43. Криминология. Учебник для ВУЗов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с.

44. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 1008 с.

45. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. – М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. – 216 с.

46. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. – М.: Юрид. лит., 1985. – 416 с.

47. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
48. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х томах / Под. ред В.В. Давыдова, А.А. Леонтьева и В.П. Зинченко. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 318 с.
49. Лефевр В.А. Алгебра совести / Пер. с англ. – М., «Когито-Центр», 2003. – 426 с.
50. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.. «Когито-центр», 2003. – 496 с.
51. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1999. – 452 с.
52. Мельник М.І. Кримінологічні та кримінально-правові аспекти протидії корупції: Дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Національна академія внутрішніх справ України. – К., 2002. – 506 с.
53. Мельник М.І. Корупція – корозія влади (соціальна сутність, тенденції та наслідки, заходи протидії). [Монографія] / М.І. Мельник. – К.: Юридична думка, 2004. – 400 с.
54. Мілер В., Гределанд О., Кошечкіна Т. Звичаєва корупція? Громадяни та уряди у посткомуністичній Європі / [Пер. з англійської]. – К.: «К.І.С.», 2004. – 328 с.
55. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
56. Невмержицький Є.В. Корупція як соціально – політичне явище: особливості проявів і механізми подолання в сучасній Україні: Дис... канд. політ. наук: 23.00.02 / НАН України; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького – К., 1999. – 179 с.
57. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность. // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 2-е изд. – 160 с.
58. Основные методы сбора социологической информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allsocio.ru/asocs-177-1.html>.
59. Пауль Тиллих Избранное: Теология культуры / Перевод с английского. – Издательство «Юрист». – М., 1995. – 480 с.
60. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении преступника в частности. – Москва ИНФРА-М, 2007. – 304 с.

61. Прямая и обратная задачи математического моделирования. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C#.D0.9F.D1.80.D1.8F.D0.BC.D0.B0.D1.8F_.D0.B8_.D0.BE.D0.B1.D1.80.D0.B0.D1.82.D0.BD.D0.B0.D1.8F_.D0.B7.D0.B0.D0.B4.D0.B0.D1.87.D0.B8_.D0.BC.D0.B0.D1.82.D0.B5.D0.BC.D0.B0.D1.82.D0.B8.D1.87.D0.B5.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.BC.D0.BE.D0.B4.D0.B5.D0.BB.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F
62. Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. – СПб.: Питер, 2004. – 496 с.
63. Райх В. «Психология масс и фашизм». [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/RAJH_W/raihdd.txt.
64. Різак І.М., Бисага Ю.М., Палінчак М.М., Чегерський В.І., Белов Д.М. Корупція як негативне соціальне явище і шляхи її подолання в Україні та міжнародний досвід. – Ужгород: Ліра, 2004. – 64 с.
65. Рубинштейн Л.С. Бытие и сознание. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
66. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии / Л.С. Рубинштейн. – СПб.: Изд – во «Питер», 2004. – 713 с.
67. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1998. – 784 с.
68. Сервецький І.В. Науково-теоретичні проблеми боротьби з організованою злочинністю і корупцією в Україні // Боротьба з організованою злочинністю та корупцією: Мат. наук.-практ. конф. 4-5 квітня 2000 р. в м. Києві. – К. РВВ МВС України, 2001. – С. 79–94.
69. Современная психология: Справочное руководство. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 688 с.
70. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
71. Сонди Л. Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно – психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / Л. Сонди [пер. с нем В.И. Николаев]. – М.: «Когито-Центр», 2005. – 557 с.

72. Сташис В. Проблеми боротьби з організованою злочинністю і корупцією в Україні // Вісник Академії правових наук України. – Х., 2001. – Вип.2. – С. 163-168.
73. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении: Монография. – К.: Видавничий центр «Просвіта», 1996. – 404 с.
74. Тищенко В.В., Болгар О.В. Механизм совершения корыстно-насильственных преступлений // Актуальні проблеми діяльності ОВС по попередженню, розкриттю та розслідуванню злочинів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. – Частина II – Одеса: НДРБВВ ОІВС, 2000. – С. 42–48
75. Тревога и тревожность: Учеб. пособие / Сост. и общ. ред. В.М. Астапова. – СПб.: Изд. дом «Питер»: ЗАО «Питер бук», 2001. – 247 с.
76. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси: Изд-во АН Грузии. ССР, 1961. – 210 с.
77. Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. – 368 с.
78. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник // Пер. с нем. и англ.; Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
79. Фромм Э. Душа человека. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 664 с.
80. Фромм. Э. «Человек для самого себя» М.; АСТ Москва. – 2009. – 182 с.
81. Фромм. Э. Бегство от свободы / Э.Фромм / пер. с англ. Г.Ф. Швейника, Г.А. Новичковой. 2-изд. –М.: Академический Проект, 2008. – 254 с.
82. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М.: Педагогика, 1986. Т. I. – 407 с.; Т. II – 392 с.
83. Хорни К. «Наши внутренние конфликты». [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/read/horni_karen/nashi_vnutrennie_konflikti_konstruktivnaya_teoriya_nevroza.html.
84. Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. М. Занадворовой, Ю. Овчинниковой. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 624 с.
85. Юнг К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмьюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зелинский, А.М. Руткевич. – М.: Мартис, 1995. – 320 с.

86. Юридическая психология / Сост. и общ. редакция Т.Н. Курбатовой. – СПб.: Питер, 2001. – 480 с.

87. Юридическая психология: учебник для вузов / В.Л. Васильев. – 5-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – Питер, 2004. – 655 с.

88. Ядов В.А. Социологические исследование: методология, программы, методы. / В.А. Ядов/ [Электронный ресурс]. – URL: http://socioline.ru/_seminar/library/metod/yadov/met_SI.php#_Тoc157700676.

89. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дрabsкиной. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 576 с.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Историческая и социально-политическая характеристика преступности в органах публичной власти	6
1.1. Исторические предпосылки и социально-психологические факторы преступности в органах публичной власти как общественно-опасного и противоправного явления.....	6
1.3. Социально-психологическая характеристика преступлений, совершаемых должностными лицами органов публичной власти.....	17
Глава 2. Социологическое исследование детерминант должностной преступности в органах публичной власти в Крыму	40
2.1. Детерминанты преступности должностных лиц органов публичной власти (по материалам социологического исследования – опрос должностных лиц органов публичной власти).....	40
2.2. Детерминанты преступности должностных лиц органов публичной власти в Республике Крым» (по материалам социологического исследования сотрудников правоохранительных органов Республики Крым).....	72
2.3. Детерминанты преступности должностных лиц органов публичной власти (по материалам социологического анкетирования лиц осужденных за совершение должностных преступлений).....	97
Глава 3. Психологическая характеристика личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление	123
3.1. Психологическая характеристика личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление (по методике Р.Б. Кэттела).....	125

3.2. Психологическая характеристика личности должностных лиц органов публичной власти совершивших преступление (по методике К. Леонгард и Д. Шмишек).....	136
Заключение	143
Литература	144

Научное издание

Кашкаров Алексей Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ДОЛЖНОСТНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-0926-1

9 785926 609261

Подписано в печать 30.06.2015. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 8,9. Тираж 500 экз. Заказ 278.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.